А.Н. ПЛЕЩЕЕВ

А.Н.
ПЛЕЩЕЕВ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

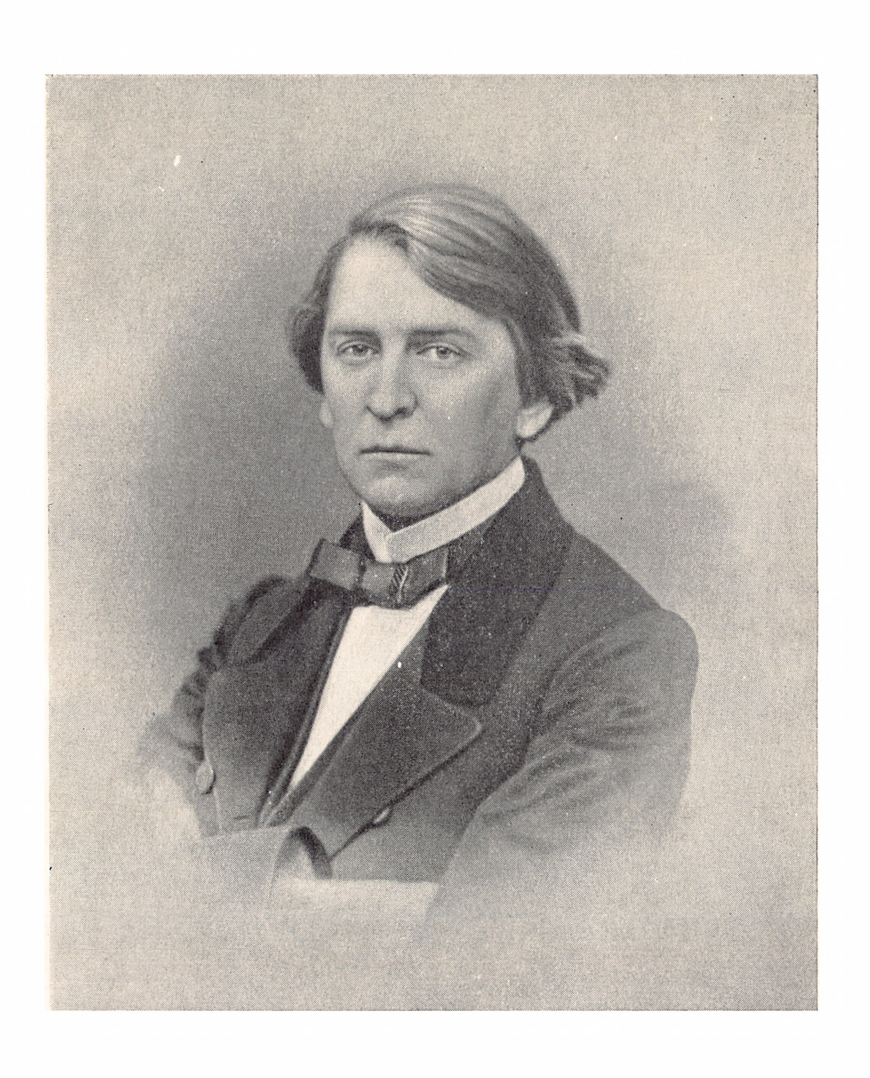
А. Н. ПЛЕЩЕЕВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
М. Я. Полякова

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД · 1964

А. Н. Плещеев (1825—1893) — один из видных представителей демократической поэзии второй половины XIX века. Друг Добролюбова, Чернышевского, Некрасова, Плещеев оставил глубокий след в духовном развитии передовой интеллигенции эпохи 1840—1880-х годов. Долгие годы его стихотворение «Вперед! без страха и сомненья. . .» оставалось революционным гимном. Стихи о природе («Скучная картина», «Весна», «Уж тает снег, бегут ручьи. . .») приобрели широкую известность и стали хрестоматийными. Крупнейшие русские композиторы на основе стихотворений Плещеева создали ряд песен и романсов, ставших классическими. Настоящий сборник является первым полным собранием оригинальных стихотворений А. Н. Плещеева. В книге также разнообразно представлены его переводы из Гете, Гейне, Байрона, Петефи, Шевченко и других поэтов.

ПОЭЗИЯ А. Н. ПЛЕЩЕЕВА

Александр Блок в октябре 1908 года в статье «Вечера „искусств"» писал: «На днях один писатель (не моего поколения) рассказывал мне о прежних литературных вечерах: бывали они очень редко и всегда отличались особой торжественностью... Но почему потрясали сердца: Майков со своей сухой и изящной декламацией, Полонский с торжественно протянутой и романтически дрожащей рукой в грязной белой перчатке, Плещеев в серебряных сединах, зовущий «вперед без страха и сомненья»? Да потому, говорил мне писатель, что они как бы *напоминали* о чем-то, будили какие-то уснувшие струны, вызывали к жизни высокие и благородные чувства. Разве есть теперь что-нибудь подобное, разве может быть?» [1]

Значение писателя в жизни своего времени не всегда соответствует масштабам его таланта и важности его вклада в развитие отечественной литературы. Нередко в истории поэзии мы видим, как, хотя бы и неполные, ответы на жгучие вопросы придают силу голосу художника. В не меньшей степени действуют на читателей жизнь и характер писателя, его личное обаяние, его убеждения и искренность. Именно таким был поэтический облик А. Н. Плещеева.

Мысль о значении гражданского начала в поэзии у Блока пробудила воспоминание о Плещееве. И действительно, симпатичная фигура поэта-революционера до конца дней его вызывала в молодом поколении горячее сочувствие. Участие Плещеева в революционном движении определило в равной мере и основные мотивы и особенности его произведений, и его личную судьбу.

[1] А. Блок. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1955, стр. 77.

В день сорокалетнего юбилея Плещеев получил множество поздравлений, и среди них были письма участников революционного движения и революционно настроенной молодежи. Так, студент-художник восторженно отмечал как удивительный для годов реакции «славный малопонятный подвиг» служения поэта под «одним и тем же знаменем». [1]

Характерно также и то, что для реакционной печати и царского правительства Плещеев до конца дней своих оставался живым воплощением революционных настроений русского народа. Недаром в день его смерти газетам было запрещено печатать какое бы то ни было «панегирическое слово покойному поэту». [2]

Стихотворения А. Н. Плещеева — поэтическая биография лучших людей 40—60-х годов прошлого века, для которых неизменными оставались революционные идеалы. В этом смысле поэзия петрашевца неотделима от истории русской демократической поэзии и истории освободительной борьбы второй половины XIX столетия. Плещеев оценил и понял значение новых поколений русских революционеров и в течение весьма длинного жизненного и творческого пути стремился ответить на поставленные ходом общественного развития вопросы — именно поэтому его влияние на современность было так велико.

1

Алексей Николаевич Плещеев родился 22 ноября 1825 года в Костроме. Отец его, Николай Сергеевич, потомок старинного и известного в истории России дворянского рода, служил при олонецком, вологодском и архангельском губернаторах. Детство поэта прошло в Нижнем Новгороде, куда был переведен его отец. Получив отличное домашнее образование, он в 1839 году был, по желанию матери, определен в школу гвардейских подпрапорщиков в Петербурге. Будущему поэту довелось здесь столкнуться с отупляющей и развращающей атмосферой николаевской военщины, которая навсегда поселила в его душе «самую искреннюю антипатию» (письмо к В. Д. Дандевилю от 24 мая 1855 года). [3] Через полтора года он ушел из школы. В 1843 году будущий поэт поступил на восточный факультет Петербургского университета, в котором про-

---

[1] Центральный государственный театральный музей им. А. Бахрушина (в дальнейшем — ЦГТМ). Фонд А. Н. и А. А. Плещеевых.

[2] Ф. Филлер. Литературные силуэты. — «Новое слово», СПб., 1914, № 6, стр. 29.

[3] «Минувшие годы», 1908, № 10, стр. 116.

был до лета 1845 года. Одновременно с ним здесь учились Н. Спешнев, А. Ханыков, Д. Ахшарумов и др. В этом кругу товарищей, большинство которых позже войдет в общество Петрашевского, складывались литературные и политические интересы Плещеева. Знаменательно, что приблизительно в то же время начинается поэтическая деятельность многих будущих участников кружка Петрашевского: Салтыкова-Щедрина, Пальма, Дурова и др.

Именно в это «невыгодное для поэтов» (по выражению Некрасова) время в печати появились первые стихотворения А. Н. Плещеева. В февральском номере «Современника» за 1844 год он напечатал стихотворение «Ночные думы». Издатель «Современника» и ректор Петербургского университета П. А. Плетнев писал Я. К. Гроту 16 марта 1844 года: «Видел ты в «Современнике» стихи с подписью А. П—в? Я узнал, что это наш студент еще 1-го курса Плещеев. У него виден талант. Я его призывал к себе и обласкал его. Он идет по восточному отделению, живет с матерью, у которой он единственный сын, и в университет перешел из школы гвардейских подпрапорщиков, не чувствуя расположения к ратной жизни». [1] Вскоре обнаружилось идейное расхождение Плещеева с «Современником», которое сам же Плетнев объяснил влиянием идей Белинского или, как пишет он, «доктрины Краевского». Белинскому принадлежит важная роль в становлении политических и литературных взглядов Плещеева-студента. В своих статьях поэт с горячим чувством вспоминал о значении статей Белинского в его время, «когда с каким-то лихорадочным нетерпением ожидалась публикой каждая книжка журнала, где писал Белинский. Сильнее билось сердце молодого поколения в ответ на его могучий, страстный, энергический голос, говоривший о любви к истине, науке и человечеству, беспощадно преследовавший все низкое, противное достоинству человека — в жизни, и все ложное, напыщенное, риторическое — в искусстве». И затем он так определял роль Белинского в судьбе своего поколения: «Сколько людей обязаны ему своим развитием; скольких научил он сознательно смотреть на окружающую их действительность, скольким помог уразуметь всю пошлость и уродливость некоторых ее явлений, вопреки воспитанию, приучившему рабски склонять перед этими явлениями голову. . .» [2]

Отрицание пошлости и уродливости тогдашнего общества, демократические и социалистические идеи — таков один из итогов

---

[1] «Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. 2. СПб., 1896, стр. 213.

[2] «Московский вестник», 1859, № 46, стр. 578.

студенческого периода. Недаром летом 1845 года он покинул университет и в письме к П. А. Плетневу объяснил свой уход неудовлетворенностью университетским курсом и желанием «посвятить себя наукам живым... близким к жизни и, следовательно, к интересам нашего времени...».[1] Среди этих наук он называет далеко не случайно историю и политическую экономию. Этот перелом в настроениях Плещеева привел его также к отказу от сотрудничества в благонамеренном (донекрасовском) «Современнике». В том же 1845 году он попытался забрать у Плетнева под благовидным предлогом свои стихотворения, объясняя это тем, что их нельзя печатать без «значительных поправок и изменений».[2]

Видимо, этим объясняется его переход с 1845 года в другие издания — «Репертуар и Пантеон» и «Иллюстрацию». Во всяком случае, характерно, что в 1844 году он напечатал в «Современнике» 13 стихотворений, в 1845 году — два, а в 1846-м появилось только одно — «На память», с датою — 1844 год. С начала 1845 года Плещеев, по существу, прекратил участие в журнале Плетнева. Этим же объясняется и то обстоятельство, что стихотворения, опубликованные в «Современнике» в 1845—1846 годах, он вновь напечатал в других органах, а некоторые появляются одновременно в «Современнике» и «Репертуаре и Пантеоне». Во многом меняется и сам характер его поэтической деятельности.

Крайне знаменателен тот факт, что уход из «Современника» и университета совпадает с возникновением тайного общества Петрашевского. Общность литературных и философско-политических интересов сближает Плещеева с Н. В. Ханыковым, П. В. Веревкиным, И. М. Дебу, М. В. Петрашевским, братьями Майковыми, Милютиными и др. Из них и составилось в 1845 году тайное общество Петрашевского. Плещеев принадлежал к числу наиболее видных участников «пятниц» (или, как их называли участники, — «комитетов» или «сходок») Петрашевского.[3] Он был посетителем «пятниц» с момента их возникновения, то есть с начала 1845 года. Вместе с Ханыковым, Баласогло, Дуровым, Вл. Милютиным, Салтыковым, Спешневым, Энгельсоном Плещеев входил в основное

---

[1] Литературный архив. Материалы по истории общественного движения и литературы. Под ред. М. П. Алексеева, вып. 6. М.—Л., 1961, стр. 212 (в дальнейшем — ЛА, вып. 6).

[2] Там же, стр. 209.

[3] Центральный государственный военно-исторический архив в Ленинграде (в дальнейшем — ЦГВИАЛ), ф. № 9 (дело Дурова), а также Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина (в дальнейшем — ГПБ), ф. № 4 (показания Есакова).

ядро этого политического общества уже в 1845—1846 годах. Кроме того, он был связан и с другими кругами оппозиционно настроенной интеллигенции Петербурга. В числе его знакомых были братья Бекетовы, в доме которых также «слышался негодующий благородный порыв против угнетения и несправедливости».[1] Здесь он сдружился с рано погибшим критиком Валерьяном Майковым и Ф. М. Достоевским. Весной 1846 года Плещеев познакомил Ф. Достоевского с Петрашевским.[2] Осенью 1848 года по почину Плещеева и Достоевского возник особый кружок С. Ф. Дурова, А. И. Пальма и Плещеева. В полицейской сводке сказано: «Григорьев отозвался, что они <вечера у Дурова> имели характер политический».[3] По показаниям А. Н. Барановского, зимою 1846—1847 года в рассказывании различных антиправительственных анекдотов «отличались преимущественно Петрашевский и Плещеев».[4] Участие в движении петрашевцев привело молодого поэта в 1847 году в дом Белинского.[5]

Кружок Петрашевского был тесно связан с первых же дней его существования с Белинским. Салтыков-Щедрин, Плещеев, Пальм, Ахшарумов и другие петрашевцы-писатели считали его своим учителем и идейным вождем. Эстетические принципы петрашевцев полностью опирались на его учение и художественный опыт Гоголя. Рассказы и очерки Плещеева, Дурова, Пальма и др. являлись закономерным развитием традиций Гоголя в истолковании Белинского.

Статьи Белинского, особенно его знаменитое письмо к Гоголю, воспринимались петрашевцами как программа действий революционной России в 40-е годы XIX столетия. Петрашевцы — один из центров собирания сил против крепостничества и самодержавия — были, по определению Ленина, представителями раннего этапа русского утопического социализма. В основном идеологическом документе кружка Петрашевского — в «Карманном словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (1845—1846) — велась пропаганда материализма и социалистических учений. Петрашевский настойчиво выдвигал на первое место борьбу с крепостным правом и самодержавием.

---

[1] Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. Л., 1928, стр. 149.

[2] Н. Ф. Бельчиков. Достоевский в процессе петрашевцев. М.—Л., 1936, стр. 110.

[3] ЦГВИАЛ, ф. № 9 (дело Дурова).

[4] ГПБ, ф. № 4 (показания Барановского).

[5] См. нашу публикацию — «Наука и жизнь», 1961, № 8, стр. 82—83.

Наиболее ярким и крупным представителем петрашевцев в литературе был А. Н. Плещеев. Он довольно быстро получил известность в качестве молодого поэта и прозаика. Плещеев выступал также и в роли критика, и в роли переводчика. В 1846 году вышла его первая книга «Стихотворения А. Н. Плещеева». Тогда же появляются в различных изданиях его повести, фельетоны и критические статьи. Серьезное значение приобрела серия его фельетонов «Петербургская хроника» в газете «Русский инвалид» (1847—1848 годы).

Фельетоны, повести и стихотворения А. Н. Плещеева 1840-х годов являлись осуществлением той литературной программы, которую, опираясь на статьи Белинского, выдвигал Петрашевский. Он требовал в литературных произведениях «поселять свои идеи в публике».[1] Идеология ранних русских социалистов, с их неприятием николаевской действительности, с протестом против крепостничества и самодержавия, является подлинной основой произведений Плещеева. Социальная значительность художественного произведения, его политическая тенденция — вот что лежит в основе литературно-критических воззрений молодого поэта и критика. Автор должен быть «человеком, сочувствующим общественному движению».[2] Политическая тенденция фельетонов Плещеева не укрылась от властей. Они привлекли в 1847 году внимание III Отделения и Петербургского цензурного комитета, и попечителя Петербургского учебного округа, и военного министра. Это и привело к преждевременному прекращению участия Плещеева в газете «Русский инвалид». Передовые идеи, одушевлявшие его поэзию, определили искреннее увлечение его стихами передовой молодежи. Письма Чернышевского-студента — яркое свидетельство силы этого влияния.[3] В 1870 году Страхов напоминал Достоевскому: «Помните ли вы время, когда Плещеев был нашим первым поэтом?»[4]

2

Выход в 1846 году сборника стихотворений Плещеева — значительное событие в жизни тайного общества петрашевцев. Он в полном смысле слова стал поэтическим манифестом ранних русских

---

[1] ЦГВИАЛ, ф. № 9 (дело Дурова).

[2] «Русский инвалид», 1847, № 32, стр. 126.

[3] См. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 14. М., 1949, стр. 64, 70.

[4] «Шестидесятые годы». М.—Л., 1940, стр. 268 (в дальнейшем — «Шестидесятые годы»).

социалистов. Поэтические устремления — характерная черта духовной жизни петрашевцев: стихи пишут почти все участники, начиная с самого Петрашевского. Салтыков-Щедрин, А. Пальм, С. Дуров, П. Баласогло и др. печатаются в различных второстепенных органах — от «Современника» Плетнева и до «Иллюстрации». Серьезные журналы в эту неблагоприятную для поэзии пору почти прекратили печатание стихов.

Первые стихотворения Плещеева, напечатанные в «Современнике» Плетнева, ничем не выделялись из массового потока псевдоромантических медитаций. Знаменательно, что Плетневу были близки именно эпигонско-романтические мотивы в таких стихах молодого поэта, как «Челнок», «Прощальная песня», «Могила» (1844) и т. п.

Воспевание одиночества («от народа подальше» хочет забраться поэт со своею милой), описание унылой и безотрадной любви, гроба, «озаренного луной», прославление мечты, устремленной «в ту благодатную страну, где мирт, поникнув головой, лобзает светлую волну», — являлось отражением тех ходовых эпигонско-романтических тем, которые ядовито высмеял Некрасов в автобиографическом повествовании о Тихоне Тросникове. Подобно Некрасову, Плещеев очень скоро понял всю анахроничность и литературность этих рифмованных вздохов (не случайно он исключил их из книги 1846 года). Новые, социалистические и антикрепостнические настроения Плещеева и его друзей привели его в самом начале 1845 года не только к уходу из журнала Плетнева, но и к поиску новых тем, мотивов и идей. Наряду с прежними романтическими мотивами в его стихах начинают все сильнее звучать ноты социальной неудовлетворенности и гражданского протеста. Его искания полностью совпадают с попыткою других поэтов-петрашевцев — Баласогло, Дурова — дать поэтическое выражение социалистических идеалов. Высокое представление о поэте, как духовном вожде народа, отличающемся «тиртеевским умом», то есть умом воина и борца, — один из важнейших мотивов в их поэзии. Баласогло уже в 1838 году воспевал Пушкина как «властителя всех дум России», «могучего гения перехода с одной тропы на все тропы...». Это ощущение нового пути, на который вступил русский народ, — «он шел, сознав, что Русь пошла», — порождало страстное чувство вражды к окружающему миру и искреннюю веру, что осознáет страна «рано или поздно идею собственного сна». [1]

---

[1] «Поэты-петрашевцы». «Библиотека поэта», Большая серия. Л., 1957, стр. 66, 76.

В стихах Плещеева отразились новые настроения и социальные идеи, которые овладели всеми близкими его друзьями. Они нашли очень яркое выражение в письме одного из тогдашних его друзей — П. В. Веревкина (ему посвящено стихотворение «Челнок»). Веревкин восторженно писал в 1845 году о социалистических учениях, показывающих «радикальную ложность современного общества». Комментарием к стихам Плещеева были дальнейшие слова Веревкина: «Мы живем в эпоху брожения, разрушения старых основ общества, — пишет Веревкин. — Все кругом нас падает, все колеблется, старые боги свергнуты; что для наших дедов было святым, для нас сделалось пустой игрушкой!» [1]

Ощущение «радикальной ложности основ современного общества», крушения всех старых богов и идеалов и составляет эмоциональную атмосферу стихов Плещеева с 1845 года, и в особенности собранных в его книге 1846 года. Именно поэтому сборник Плещеева 1846 года в истории русской гражданской поэзии занял видное место. Он отличался тематическим единством и цельностью замысла. Через всю книгу проходила тема неприятия крепостнической действительности и социальной несправедливости. «Но это, — по характеристике Майкова, — не плаксивые жалобы на судьбу, не стоны разочарования, не тоска по утраченном личном счастье, — нет, это вопли души, раздираемой сомнением, глухая и упорная борьба с действительностью, безобразие которой глубоко постигнуто поэтом и среди которой ему душно и темно, как в смрадной темнице». [2] Трагическое восприятие несправедливости социальной действительности, косности и тупого равнодушия среды, отчаяние, вызванное «бедствиями страны родной», «муками братьев» пронизывает первый сборник Плещеева. Безнадежность, скорбь, отчаяние в поэзии Плещеева являлись следствием «отвратительной тяжести эпохи» (Герцен).

Однако в поэтическом наследии Плещеева критика социальной действительности сливается с верой в торжество человечности, свободы и социального равенства. На этой основе и вырастает в его произведениях образ поэта — пророка и борца. Тема поэта тесно сплетается с мотивами грусти и трагического восприятия разлада мечты с жизнью. Гражданские стихи Плещеева объединены личностью героя-поэта. Судьба поэта составляет их сюжет-

---

[1] Центральный государственный исторический архив (в дальнейшем — ЦГИА), ф. № 109. О Веревкине см. в книге И. Федосова «Революционное движение в России во второй четверти XIX в.». М., 1958, стр. 253—254.

[2] В. Майков. Критические опыты. СПб., 1891, стр. 132.

ную основу. Особо важно в этом отношении стихотворение «Сон». То, что им открывался сборник 1846 года, свидетельствует о его программном характере. Герой этого стихотворения не просто поэт, а пророк, давший обет служить «истине святой», возвещающий «утесненным» «свободу и любовь».

В таких стихотворениях, как «Любовь певца», «Поэту», «К чему мечтать о том, что *после* будет с нами...», возникает патетический образ поэта — борца и пророка, преданного жертвенному служению социальным идеям. Свое поэтическое призвание Плещеев определяет словами любимого петрашевцами поэта Огюста Барбье: «Поэт должен быть возвышенным борцом за право и гуманность». В его стихах современников привлекло представление о поэте как участнике социальной борьбы — глашатае добра и справедливости. Варьируя поэтическую формулу Лермонтова («Пророк»), Плещеев рисует образ мученика идеи, поборника будущей справедливости и социальной правды.

Провозглашать любви ученье
Повсюду — нищим, богачам —
Удел поэта... —

читаем в раннем стихотворении «Любовь певца» (1845), и недаром эти строки включаются им и в знаменитый гимн петрашевцев «Вперед! без страха и сомненья...» (1846).

Для Плещеева это не абстрактно-романтические мотивы и не условный литературный образ. Это страстная проповедь общественного служения, борьбы против неразумного мира. Его слово обращено к угнетенным, с понятием истины неразрывно связано понятие свободы. Тема героической борьбы во имя будущего счастья человечества проходит через всю его поэзию и порождает ряд поэтических формул-символов. Социалистическое учение определяется образами — «глагол истины», «любви ученье», «истины закон», его враги — словами «жрецы Ваала», «рабы преданья», «рабы суеты» и т. д.

В концовке отрывка «Сон» сказалось то новое, что вносил в тему поэта-пророка Плещеев. Истолкование образа поэта-пророка связано со стремлением петрашевцев расширить пропаганду, усилить политическое воспитание русского народа. По воспоминаниям Е. М. Феоктистова (впоследствии реакционного цензора), Плещеев в 1849 году в кружке московских студентов развивал мысль, «что необходимо пробудить самосознание в народе...».[1] В свете энергич-

---

[1] Е. М. Феоктистов. Воспоминания. Л., 1929, стр. 164.

ной пропагандистской деятельности Плещеева и других петрашевцев образ певца-пророка, возвещающего «утесненным» «свободу и любовь», приобретает конкретно-историческое наполнение.

Все это свидетельствует о своеобразии поэтических поисков Плещеева. Ему принадлежит заслуга восстановления в 40-е годы традиций гражданской поэзии декабристов, Полежаева и Лермонтова. Интимная камерная лирика (Фета, Красова и др.) начала 40-х годов органически чужда Плещееву. Социальный скептицизм, ощущение бессмысленности поэтического служения заменяются у него пламенными призывами к «добру», к борьбе со «злом» социальной действительности, к гражданскому подвигу.

Поэтому наряду с элегией и посланием в творчестве Плещеева существенное место занимает политическая песня. Это прежде всего «Вперед! без страха и сомненья...» и «По чувствам братья мы с тобой...». Разумеется, ими не исчерпывается фонд политических песен Плещеева. По свидетельству современников, многое до нас не дошло. Между тем как раз эти политические стихотворения Плещеева высоко ими ценились. К числу этих стихотворений принадлежала также «кантата» «Новый год», являвшаяся ответом на западноевропейские революционные события 1848 года и поэтической полемикой с реакционными поэтами, опубликовавшими в 1848 году стихи, одушевленные злобным осуждением революции: «На смуты Запада» Ф. Глинки, «Россия» М. Дмитриева, «30 августа 1848 г.» С. Шевырева и др.

«Новый год» — наиболее ранний литературный отклик революционных кругов России на французскую революцию 1848 года. По воспоминаниям Милюкова, во всех кружках петербургской молодежи «события в Европе сделались главною, почти исключительною темою бесед...».[1] В этом свете отчетливо раскрывается политическая направленность «Нового года» с его прославлением борьбы и верой, что

Близок час последней битвы!
Смело двинемся вперед —
И услышит бог молитвы,
И оковы разобьет.

Эти строки не были абстрактными призывами, в них вложено конкретное политическое содержание. Они стали поэтическим вы-

---

[1] А. Милюков. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890, стр. 171—172.

ражением господствовавшей среди петрашевцев уверенности в возможности близкой революции уже в самой России. Как раз в декабре 1848 года (когда было написано стихотворение Плещеева) шел разговор Петрашевского и Спешнева с Черносвитовым о неминуемом влиянии европейской революции на Россию.[1]

Запрещенное в 1848 году цензурой стихотворное пророчество Плещеева отразило революционные настроения в среде петрашевцев, вызванные революцией 1848 года. Впоследствии сам Плещеев в письме к Чехову писал: «А для нашего брата — человека второй половины 40-х годов — Франция очень близка сердцу. Тогда во внутреннюю политику не дозволялось носа совать — и мы воспитывались и развивались на французской культуре, на идеях 48 года. Нас не истребишь... Во многом, конечно, пришлось разочароваться потом — но многому мы остались верны».[2]

В стихотворении «Новый год» те же революционно-оптимистические настроения, которые нашли свое поэтическое воплощение в стихотворениях «Вперед! без страха и сомненья...» и «По чувствам братья мы с тобой...». Они были и по стилю и по содержанию новым явлением в истории русской политической лирики. Поэт обращался к современникам не только от своего имени, но и от имени того широкого круга передовых людей, которые в истории получили название петрашевцев. Это уже прокламация в большей мере, чем когда-либо в истории русской поэзии. Ораторско-декламационный стих, политический пафос и задушевность тона, взволнованность сочетаются со стремлением к простоте и лозунговой точности.

А. М. Горький очень тонко заметил, что в стихотворении «Вперед! без страха и сомненья...» воплощена «жизнерадостная уверенность в своих силах» и «жесточайшая критика всего сущего».[3] Действительно в нем звучал жизнеутверждающий призыв к революционному служению. Вера в «зарю святого искупленья», провозглашение «любви ученья», проповедь чудодейственной силы науки, ненависть к «безумным палачам» — не только отличают

---

[1] «Дело петрашевцев», т. 2. М.—Л., 1937, стр. 446. Ср. в дневнике Чернышевского рассуждения Ханыкова о неизбежности революции в России (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I. М.—Л., 1941, стр. 181—196). Ср. также стих. Огарева «Упование» (1848).

[2] Всесоюзная государственная библиотека им. Ленина (в дальнейшем — ЛБ). Отдел рукописей. Фонд Чехова. Письмо Чехову от 12 сентября 1888 г.

[3] А. М. Горький. История русской литературы. М., 1939, стр. 269.

Плещеева от социального скептицизма Лермонтова, но и намечают новую, оптимистическую концепцию жизни, проникнутую чувством товарищества, общественного единства и преклонения перед новой наукой — наукой утопического социализма. В этом стихотворении сказалась необыкновенная широта революционно-просветительских задач эпохи. Поэтому несмотря на некоторую абстрактность образов-лозунгов, «Вперед! без страха и сомненья...» отразило общий подъем демократического движения в 40-е годы и надолго сохранило свое политическое значение. Недаром Добролюбов видел в нем и в 60-е годы «смелый призыв, полный такой веры в себя, веры в людей, веры в лучшую будущность...» [1]

В сборнике 1846 года нашло отражение многообразие тем и гражданских мотивов поэзии Плещеева. Наряду с социальными мотивами мы находим здесь любовную лирику, вобравшую в себя тему раскрепощения женщины; образы политической сатиры («К чему мечтать о том, что *после* будет с нами...») сочетаются с идеей «всепрощения» («*Простить* безумным палачам», «Одним *прощением* платить врагам за злобу их»), атеистические мотивы с идеями утопического социализма. Попытка поэтического воплощения идей утопического социализма определила и сильные и слабые стороны поэзии Плещеева-поэта в 40-х годах XIX столетия. В стихотворениях «На зов друзей», «К чему мечтать о том, что *после* будет с нами...» получила свое лирическое воплощение тема угнетения народа. Но она приобрела условно-романтические очертания. Абстрактные формулы, символические понятия-слова приобретают функции политической аллегории. «Тернии», смешанные с «цветами», становятся аллегорическим воплощением векового гнета. Не менее условен и образ «бедняка в рубище». Поэтические символы (тучи, гроза, странник, предрассудки и т. д.) являются выражением социалистического и революционного содержания. Ясность политической идеи затушевывается этой условной поэтической символикой, завершающейся образом пророка, который завещал идеал «свободы, равенства и братства». Характерен в этом отношении образ Христа, занимающий в поэзии Плещеева немалое место и воплощающий в его стихотворениях идею борьбы с угнетением человека. Однако во многих случаях Христос заменяет по цензурным условиям образ пророка (см. стихотворение «К чему мечтать о том, что *после* будет с нами...»). Но и само восприятие Христа как пророка, борца за справедливость и равенство не имеет

---

[1] Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в трех томах, т. 1. М., 1950, стр. 623.

ничего общего с мистицизмом христианского социализма. Плещеев далек от мистического толкования романтического образа пророка. Христос в стихотворениях Плещеева — это прежде всего символ гуманизма и демократизма, глашатай правды для народа, «распятый на кресте божественный плебей». В этом неожиданном образе распятого плебея лучше всего воплощен прогрессивный, демократический смысл восприятия образа Христа. Такое понимание Христа свойственно не только Плещееву. Для молодого Чернышевского Христос также личность «благая и любящая человечество».[1]

Более того, такое истолкование Христа прямо связано со статьями Белинского 1845—1847 годов и в особенности с его знаменитым письмом к Гоголю. Белинский видел в Христе предтечу социалистов: «Что вы нашли общего, — спрашивал он Гоголя, — между ним и какою-нибудь православною церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения. . .»[2]

Прямо перекликаются с этими словами заключительные строки стихотворения «К чему мечтать о том, что *после* будет с нами. . .»:

Забыв, что на кресте пророк им завещал
Свободы, равенства и братства идеал
И за него велел переносить гоненья.

Гражданские и общественные темы, мотивы подвига и жертвенной доблести сочетались в поэзии петрашевцев с мотивами скорби, тоски и грусти. Лирический герой Плещеева мечтает «отдохнуть от печали», в его груди слышится «безотрадное рыдание», «страдал он в жизни много, много, но сожаленья не просил». Так возникает тема страдного пути, безнадежно расстилающегося перед странником-поэтом. И следует при этом отметить, что в этих стонах и жалобах нет ничего от социального скептицизма, нет и узкого интимно-лирического подхода к теме. Горячая интимная страсть, искрящаяся в речах лирического героя Плещеева, приобретает политическое звучание, политический пафос. Так, в стихотворении «Странник» движение лирического сюжета ведет нас, казалось бы, к традиционному мотиву тайного посещения возлюбленной в «уютном уголке». Но в следующих строфах неожиданно меняется вся интонационная система. В пейзаж и любовную тему врывается

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 1. М., 1939, стр. 193.

[2] В. Г. Белинский. Избр. письма под ред. Н. И. Мордовченко и М. Я. Полякова, т. 2. М., 1955, стр. 327.

социальная тема — тема людских страданий, «мучения» и «ближних вопли».

Ты говорила мне, бывало: «День придет,

И близок он, когда ни горя, ни страданий
Не будет на земле!» — Нет, он далек, дитя;
И если б знала ты, как много упований,
Прекрасных и святых, с тех пор утратил я...

Стихотворение о тайной любовной встрече превращается в монолог о политическом гнете. Контраст между пленительным покоем природы и бурной неустроенностью душевной жизни составляет суть лирической темы. Переосмысление пейзажных и любовных мотивов в социальные — характерная черта лирики Плещеева 40-х годов. Она связана с литературной позицией петрашевцев. В «Карманном словаре» Петрашевский отчетливо сформулировал новые задачи поэзии: «Любимым миром для воображения поэта должен стать внутренний мир человека: не факты должны вдохновлять его, а их источник. Само собою разумеется, что в этом мире нет места фразам без содержания, нет места восторгам без сознания, нет места исполинским подвигам без глубокого разумного начала и, следовательно, *нет места торжественным одам на победы, переходы и многоценные празднества!*» «Анализ внутреннего человека» — вот содержание современной поэзии, и потому оду заменила элегия — «отголосок, — по определению Петрашевского, — сознательного воззрения на жизнь и современный мир». [1]

Сам Петрашевский, таким образом, подчеркнул связь литературных исканий с социально-политическими идеями петрашевцев. Антропологические системы Фурье, Сен-Симона и Фейербаха заставили их выдвинуть в качестве основной задачи изучение *природы* человека, роль его *страстей.* Неизданный философский трактат петрашевцев «Религия будущности, человек или Христос? Быть или не быть?» раскрывает социально-философскую основу их психологизма. Автор его считает законом общественного развития природу человека, «справедливость естественного стремления к счастью». «Человеческая природа, — читаем здесь, — должна из собственного своего зародыша, и только из него, вся и во всех людях гармонически развернуться...» Лозунг «Нет спасения вне человека» служил основанием возможности социалистического

---

[1] «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев». М., 1953, стр. 269, 271 (курсив Петрашевского).

переустройства общества, ибо «законное стремление к счастью заключает в себе *полное право* уничтожать все основания, неприязненные всеобщему счастью».[1] Такое понимание роли природы человека в истории общества определило поворот к психологической проблематике, к передаче душевных движений, к индивидуальной психологии. Именно этим объясняется многозначительный эпиграф к «Стихотворениям» Плещеева 1846 года: «Человек есмь, и ничто человеческое мне не чуждо», означавший для него идею, являющуюся, как комментировал это изречение Фейербах, «лозунгом современного философа»,[2] — идею борьбы за нового человека, обладающего всей полнотой душевной жизни и богатством человеческой природы. В этом и состояла социально-политическая основа психологизма лирики Плещеева и пристрастия его к жанрам элегии и лирической медитации (недаром его стихи носят названия: «Дума», «Элегия» и т. д.).

Интерес Плещеева к таким поэтическим жанрам, как дружеское послание, элегия и политическая песня, образы поэта-пророка и тема обреченности революционеров говорят о сильном влиянии на него декабристов, Пушкина и особенно Лермонтова. Знаменательно, что Плещеев высоко ценил поэзию Полежаева и видел в нем трагическую жертву николаевского режима.[3]

Лермонтов был близок Плещееву тем, что наиболее полно выразил и трагизм существования, и «с небом гордую вражду». Еще М. Михайлов заметил связь героя отрывка из поэмы «Сон» с лермонтовским «Пророком». Задача общественного служения, тема «толпы» в стихотворениях «Сон» и «Поэту» также идут от Лермонтова. Более того, для Плещеева характерно сознательное воспроизведение одновременно пушкинских и лермонтовских поэтических формул и стилистических оборотов (см., например., стихотворения «На зов друзей», «Еще один великий голос смолк...»). От Лермонтова идет и мотив тоски, раздумья на балу или празднике, широко использованный Плещеевым. Но за словесным совпадением нет полного совпадения образов. В отличие от Ап. Григорьева, Э. Губера, он остался чужд настроениям демонизма и болезненной тоски. Он переосмысливает лермонтовские мотивы в духе социальной борьбы с конкретными врагами.

---

[1] ЛБ. Отдел рукописей. Фонд Липранди.

[2] См. Л. Фейербах. Избранные философские произведения, т. 1. М., 1955, стр. 202.

[3] «Повести и рассказы А. Н. Плещеева», т. 2. СПб., 1897, стр. 101.

Пафос высокой гражданственности, лиризм, элегичность интонаций, эмоциональная напряженность сделали Плещеева самым популярным поэтом 40-х годов. Но уже в конце 40-х годов сам Плещеев осознает, что слабость его стихов — условность поэтических формул, романтическое решение некоторых тем (поэта и толпы и др.).

В статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года», критикуя современную поэзию, Белинский не называет Плещеева. Но его рассуждения о «маленьких талантах» относились во многом и к нему. Для Белинского в 1847 году «рефлективная» поэзия потеряла свое значение. Мученье внутренней борьбы, тоска, горечь разочарований — словом, художественная разработка душевных состояний подвергалась едкому осмеянию в его статье. Даже в поэзии Огарева он решительно осуждал «гамлетовское направление». Размышления Белинского о современной лирике оказали серьезное влияние на Плещеева. В одном из фельетонов «Петербургской хроники» он, по существу, критически переоценивает собственные стихи в своеобразной автопародии «Как испанская мушка, тоска...».

В дальнейшем мотивы тоски у Плещеева приобретут бо́льшую конкретность и жизненную, подчас автобиографическую основу.

3

Но судьба поэзии Плещеева в 40-е годы уже была предопределена. 28 апреля 1849 года Плещеев был арестован в Москве. Одним из главных обвинений против него было распространение письма Белинского к Гоголю. Военно-судебная комиссия приговорила его к четырем годам каторги, замененной «во внимание к молодым его летам» сдачей рядовым в Оренбургский линейный батальон. Так трагически завершился первый период жизни и деятельности молодого поэта, о котором он в письме к А. И. Пальму вспоминал как о «великих минутах» и лучшем и самом светлом времени.[1]

6 января 1850 года Плещеев прибыл в Уральск и был зачислен рядовым солдатом в 1-й Оренбургский линейный батальон. Через два с лишним года, 25 марта 1852 года, его перевели в Оренбург в 3-й линейный батальон. «На первых порах, — свидетельствовал

---

[1] ЦГТМ, фонд А. Н. и А. А. Плещеевых. Письмо к Александру Ивановичу <Пальму> ноября 11 <без года>. Адресат устанавливается упоминанием Кишинева, где А. И. Пальм с 1864 г. управлял отделением государственного банка. Датируется годами службы последнего (между 1864 и 1868 годами).

сын оренбургского приятеля Плещеева М. Дандевиль, — жизнь его в новом месте ссылки была прямо ужасна».[1] «Годами нравственных страданий» называл сам Плещеев свое оренбургское житье.[2]

2 марта 1853 года Плещеев, по его собственной просьбе, был переведен в состав 4-го линейного батальона, отправлявшегося в опасный и тяжелый поход в степь. Он участвует в осаде и взятии кокандской крепости Ак-Мечеть. В письме к оренбургскому приятелю он объяснял свое участие тем, что «цель похода была благородна — защита утесненных, а ничто так не одушевляет, как благородная цель».[3] За участие в боях он был произведен в унтер-офицеры.

Зиму 1853—1854 года он снова проводит в Оренбурге, а весну 1854 года встречает в крепости Ак-Мечеть, переименованной в форт Перовский (ныне г. Фрунзе). В форте Плещеев пробыл два года. В мае 1856 года он получил чин прапорщика, а в декабре того же года уволился с военной службы «с переименованием в коллежские регистраторы и с дозволением вступить в гражданскую службу, кроме столиц».[4] С апреля 1857 года до сентября 1858 года он служил в Оренбургской пограничной комиссии, а затем до августа 1859 года в канцелярии оренбургского гражданского губернатора.

Важнейшим фактом в жизни Плещеева этих лет явилось его знакомство с Сигизмундом Сераковским и его кружком, в который входили замечательные представители революционной России, Украины, Польши. Сераковский, бывший студент Петербургского университета, был знаком с кружком Петрашевского, тем естественнее оказалось его сближение в ссылке с молодым поэтом. Знакомство это, по-видимому, состоялось зимой 1850 года в Уральске. Затем их дружба окрепла в Оренбурге, где они встречались с августа 1852 года по март 1853 года, а с весны 1854 до мая 1856 года они оба служат в Ак-Мечети.[5]

Сераковский сдружил его с видными польскими революционе-

---

[1] «Минувшие годы», 1908, № 10, стр. 103.

[2] ЛА, вып. 6, стр. 223.

[3] «Минувшие годы», 1908, № 10, стр. 122.

[4] М. И. Фетисов. Литературные связи России и Казахстана. М., 1956, стр. 358.

[5] См. Тарас Шевченко. Повне зібрання творів, т. 6. Київ, 1957, стр. 97, 98. «Rocznik Towarzystwa historyczno-literackiego w Paryżu». Paryż, 1867, str. 103. В Уральск Сераковский был переведен осенью 1849 года и пробыл там до октября 1850 года. См. А. Ф. Смирнов. Сигизмунд Сераковский. М., 1959, стр. 18—19; ЦГВИА, «Формулярный список о службе... Сераковского».

рами-патриотами — Брониславом Залесским, революционным демократом Яном Станевичем,[1] поэтом-демократом Желиговским (Совою) и, что особенно важно, свел с Тарасом Шевченко. В кружке Сераковского Плещеев вновь оказался в атмосфере напряженного обсуждения тех же социально-политических вопросов, которые волновали его в Петербурге. «Один изгнанник поддерживал другого, — рассказывает о кружке Залесский. — Высшим счастьем было пребывание в кругу своих товарищей. После муштры собирались часто дружеские собеседования. Письма с родины, новости, принесенные газетами, были предметом бесконечного обсуждения. Ни один не терял мужества и надежды на возвращение... Сераковский, где бы ни находился, был душою подобных объединений...»[2] А биограф Сераковского уточнял, что здесь обсуждались «вопросы, связанные с освобождением крестьян и наделением их землей, а также отмена телесного наказания в армии».[3] Дружба и связи с политическими изгнанниками России, Польши и Украины помогли Плещееву сохранить присутствие духа и заставили размышлять над важными вопросами времени. В лирике Плещеева этих лет, несомненно, отразились настроения братского содружества Сераковского.

В конце мая 1858 года Плещеев отправился с женою, урожденною Е. А. Рудневой, в отпуск в Петербург. Здесь он пробыл всю вторую половину 1858 года. Так как его стихотворения стали появляться в «Современнике» с сентября 1858 года, то очевидно, что его знакомство с Чернышевским, Некрасовым, Добролюбовым следует отнести к июню — августу того же года.[4] Интересно, что тогда же в Петербурге находились Сераковский, Желиговский, Станевич, Шевченко и др. В редакции «Современника» появляется, таким образом, большая группа оренбургских ссыльных.

---

[1] О знакомстве со Станевичем свидетельствует письмо Плещеева к Барановскому от 24 февраля 1863 года: «На днях встретил здесь Станевича, приезжавшего по своим делам. Поручил вам кланяться» («Шестидесятые годы», стр. 460). Я. Станевич — одна из самых ярких фигур польского революционно-демократического движения, в 1850 году был сослан в Оренбург. С Плещеевым встречался, судя по официальным данным, в Оренбурге в 1852—1853 годах, а с февраля 1854 по октябрь 1855 года в Ак-Мечети (ЦГВИА, ф. 395).

[2] «Rocznik Towarzystwa historyczno-literackiego w Paryżu», Paryż, 1867, str. 103, 104.

[3] . J. Kowalski. Rewolucyjna demokracja rosyjska a powstanie styczniowe. W., 1955, str.148.

[4] Ср. С. А. Рейсер. Летопись жизни и деятельности Н. А. Добролюбова. М., 1953, стр. 186.

Весной 1859 года Плещеев на короткий срок вернулся в Оренбург. Живя в семье Рудневых недалеко от Оренбурга, в Илецкой Защите, он начал переписываться с Добролюбовым, перевел трагедию Г. Гейне «Вильям Ратклифф» и посвятил свой перевод Н. Г. Чернышевскому. В Оренбурге он сближается с приехавшим туда М. Л. Михайловым и посвящает ему стихотворение «Птичка».[1] В Оренбурге же начата повесть «Пашинцев», напечатанная в «Русском вестнике» (1859, № 11 и 12). Добролюбов, оценивая эту и другие повести Плещеева, писал: «Элемент общественный проникает их постоянно и этим отличает от множества бесцветных рассказов тридцатых и пятидесятых годов... В истории каждого героя повестей Плещеева вы видите, как он связан своею средою, как этот мирок тяготеет над ним своими требованиями и отношениями — словом, вы видите в герое существо общественное, а не уединенное».[2]

Вернувшись из ссылки в Москву, Плещеев целиком отдается литературе. Однако впоследствии нужда заставляет его вновь поступить на службу. С 1865 по 1875 год он находится на службе в Государственном контроле. Жизнь Плещеева в Москве и Петербурге — это жизнь литературного чернорабочего, вынужденного тянуть невыносимую и унизительную лямку чиновничьей службы. 20 июля 1868 года он писал Некрасову: «Совсем меня исколотила жизнь. В мои лета биться как рыба о лед и носить вицмундир, к которому никогда не готовился, куда как тяжко».[3]

4

1856—1858-е годы ознаменовались большими переменами и в журналистике, и в общественно-политической, и в литературной жизни. Созревание после Крымской войны революционной ситуации привело к обострению классовой борьбы и идейному размежеванию. В эту пору, в 1856 году, после десятилетнего перерыва, в либеральном «Русском вестнике» появляются стихотворения Плещеева. Одновременно он печатается в «Русском слове» (1859—1864), «Современнике» (1858—1866), «Времени» (1861—1862), газетах «Век»

---

[1] Знакомство с М. Л. Михайловым состоялось еще в 1856 году, во время путешествия последнего по оренбургскому краю.

[2] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. II. М., 1934, стр. 242, 243.

[3] Литературное наследство, т. 51—52. М., 1949, стр. 443 (в дальнейшем сокращенно — ЛН).

(1861) и «День» (1861—1862), в «Московском вестнике» (1859—1860). Кроме того, появляются его повести и большое количество критических статей и рецензий.[1] В 1858, 1861 и 1863 годах выходят сборники его стихотворений.

Но главным журнальным пристанищем Плещеева с 1858 года стал «Современник». В нем он печатает повести, статьи, переводы и стихотворения. Характерно, что цензура не раз обращала внимание именно на повести и стихи Плещеева.[2] В «Современнике» поэт участвует до самого его закрытия в 1866 году. В своих письмах он заявляет о своем безоговорочном сочувствии программе журнала Некрасова, статьям Чернышевского и Добролюбова. В письме к последнему от 15 апреля 1860 года он пишет, что хочет печататься в «Современнике», «направлению которого принадлежат все мои симпатии». В письмах к великому критику Плещеев говорит о своем желании энергично участвовать в борьбе: «Хотелось бы по мере сил своих и способностей служить литературному, и следовательно общественному делу...»[3]

Близость Плещеева к Чернышевскому и «Современнику» способствовала преодолению либеральных иллюзий и заблуждений, отходу от расплывчатых политических программ.

«Никогда я не работал, — писал поэт, — так много и с такой любовью, как в ту пору, когда вся моя литературная деятельность отдана была исключительно тому журналу, которым руководил Николай Гаврилович и идеалы которого были и навсегда остались моими идеалами».[4] То же глубокое чувство идейного единства связывало Плещеева с Добролюбовым и Некрасовым.

В 1859 году он сообщал из Петербурга Достоевскому, что из всех литераторов он предпочитает Некрасова и Чернышевского.[5] Некрасов посещает его в Москве, переписывается с ним, поддерживает поэта. «Некрасова я люблю, — писал он Жемчужникову в 1875 году. — В нем есть стороны, влекущие к нему невольно, и за них прощаешь ему многое. В эти три-четыре года, что я здесь <в Петербурге. — *М. П.*>, мне довелось провести с ним два-три ве-

---

[1] См. нашу статью в кн. А. Н. Плещеев. Стихотворения. «Библиотека поэта», Малая серия. Л., 1957, стр. 16—17.

[2] См. В. Евгеньев-Максимов. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936, стр. 238.

[3] «Русская мысль», 1913, № 1, стр. 145, 147.

[4] «Н. Г. Чернышевский. Неизданные тексты, материалы, воспоминания». Саратов, 1926, стр. 155.

[5] «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования». М.—Л., 1935, стр. 444.

чера — таких, которые надолго оставляют след в душе. Наконец, скажу, что я лично ему многим обязан...».[1]

В замечательном некрологе Плещеев писал, что весть о смерти Некрасова «не может не произвести глубокого потрясающего впечатления на всех, кому дороги судьбы русской литературы, теряющей в покойном поэте одного из великих своих представителей...».[2]

В письмах поэта к Добролюбову звучит нота искреннего доверия, душевной открытости и идейной близости. С ним он делится своими планами, с нетерпением ждет отклика на свои работы, размышляет над политическими вопросами. «Из всех журнальных отзывов, — обращается он к критику 25 февраля 1860 года, — я только вашим и дорожу... Как бы строг ни был ваш суд — я всегда готов сказать вам за него спасибо...»[3] Добролюбов для него самое яркое и значительное явление в русской критике. Позднее, вспоминая о Белинском и Добролюбове, Плещеев говорил: «Какие люди-то... не скоро еще дождется таких русское общество...»[4]

Добролюбов видел в поэте соратника и надежного человека, с которым «можно сойтись».[5]

5

Ко времени переезда Плещеева в Москву круг Чернышевского ведет усиленную подготовку к созданию всероссийской тайной революционной организации. В ее создании приняли активное участие все друзья поэта; из них прежде всего следует назвать С. Сераковского, М. Михайлова, Я. Станевича, Н. Серно-Соловьевича, Н. Шелгунова. В круг знакомых поэта в конце 1850 — начале 1860-х годов входят основные деятели подпольной организации «Земля и воля». Недаром в глазах полиции и современников он являлся несомненным участником подпольной организации. В доносе В. Д. Костомарова Плещеев вместе с Михайловым назван «заговорщиком». Ему приписывалось даже создание «Письма к крестьянам».[6]

---

[1] «Русская мысль», 1913, № 1, стр. 128—129.

[2] «Биржевые ведомости», 1877, № 334, 29 декабря.

[3] «Русская мысль», 1913, № 1, стр. 145.

[4] Государственный литературный музей. Сектор рукописей, ф. 26609.

[5] «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», М., 1890, стр. 515.

[6] «Процесс Н. Г. Чернышевского. Архивные документы». Саратов, 1939, стр. 101. Речь идет о знаменитой прокламации Чернышевского.

У нас нет точных данных об участии Плещеева в «Земле и воле» (как, впрочем, и некоторых других ее членов). Но сохранились интересные свидетельства современников. Так, 3 июля 1863 года в III Отделении была составлена записка, сообщавшая, что поэт-переводчик Ф. Н. Берг посетил Плещеева на даче и видел у него листовки и типографский шрифт. «Федор Берг отозвался, что Плещеев... положительно один из деятелей общества „Земля и воля"». 11 июля 1863 года у Плещеева был произведен ничего не давший обыск. В письме к управляющему 1-й экспедицией III Отделения Ф. Ф. Кранцу Плещеев негодовал по поводу необоснованного обыска, а наличие портретов Герцена и Огарева и нескольких запрещенных книг объяснял литературными интересами. Отвечая жандармам, Плещеев, разумеется, хотел их убедить в том, что «непричастен ни к каким агитациям, ознаменовавшим последнее время». Знакомство же с «лицами, замешанными в них», «ограничивалось лишь отношениями чисто литературными».[1] Однако показательно, что современники упорно считали, что Плещеев не только принадлежал к тайному обществу, но и содержал тайную типографию. Об этом вспоминает П. Д. Боборыкин. М. Н. Слепцова в своих воспоминаниях «Штурманы грядущей бури» утверждала, что в числе лиц, входивших в «Землю и волю» и лично ей знакомых, был и Плещеев: «В 60-х годах он заведовал типографией в Москве, где печаталась «Молодая Россия», и, кроме того, участвовал в только что начавшихся тогда в Москве же «Русских ведомостях», кажется, в качестве обозревателя иностранной литературы. Он был членом «Земли и воли», что с давних пор связывало его со Слепцовым».[2] В воспоминаниях Слепцовой много неточностей и ошибок, но характерно, что она помнила о сотрудничестве Плещеева в «Московских ведомостях», которые спутала с «Русскими ведомостями». Серьезнее, впрочем, то обстоятельство, что ее сообщение о типографии сейчас документально подтверждается письмом Плещеева к Ф. В. Чижову от 16 сентября 1860 года, в котором он просит Чижова быть посредником между ним и Н. А. Основским, не вернувшим ему денег, данных на покупку типографии на имя некоего Рыжкова. Основский передал Плещееву только половину шрифтов.[3]

---

[1] ЦГИА, ф. III Отделения.

[2] «Звенья», сб. II. М.—Л., 1933, стр. 441.

[3] ЛБ. Фонд Ф. В. Чижова. 27 октября 1859 года Плещеев писал Достоевскому: «Я завожу сам — хотя не один — типографию». (ЛА, вып. 6, стр. 262). Ср. М. Достоевский к брату: «Напрасно Плещеев устраивает типографию» («Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования», стр. 530).

Обращает на себя внимание широта журнально-издательских замыслов Плещеева. С ноября 1859 года он становится основным пайщиком и идейным руководителем газеты «Московский вестник». В годы редакторства Плещеева (1859—1860) в ней участвуют Тургенев, Островский, Шевченко, Чернышевский, Щедрин и др. Плещеев энергично приглашает к участию Некрасова и Добролюбова. Поэт повел борьбу за демократическое направление газеты. В 1860 году он выступает против либералов, подхватывая выпады «Свистка». И вот как определяет он задачу газеты: «Всякое кумовство в сторону. Надо бить крепостников под маской либералов». [1]

Подобно В. Курочкину, М. Л. Михайлову, В. Слепцову, Н. А. Серно-Соловьевичу, Плещееву приходилось мучительно переосмысливать груз либеральных заблуждений. Близость к Чернышевскому и Добролюбову помогла ему преодолеть либеральные колебания и иллюзии, которые появились у него в начале борьбы вокруг крестьянской реформы 1861 года (см., напр., «Трудились бедные вы, отдыха не зная...»). Уже в письмах 1860 года сказывается его трезвое понимание своекорыстных и хищных интересов крепостников и либералов. В письмах к Барановскому молодой издатель ясно видел, что «банда своекорыстных помещиков» вместе с царской бюрократией готовит чудовищный обман народа. Он ядовито замечает, что «бюрократическая и плантаторская» партии готовы отдать «бедного мужика на жертву чиновничьему грабежу». Он далек от мысли, что мужик освободится «от тяжелой помещичьей лапы». «Где же новая эра, где рассвет?» — спрашивает писатель, горько смеясь над собственными иллюзиями 1858 года. «Манифест» также вызывает его раздражение. [2] Демонстративна в этом отношении публикация в «Московском вестнике» переведенного Плещеевым «Сна» Шевченко («Жница») и особенно автобиографии украинского Кобзаря. Эта публикация — чисто политический акт. Чернышевский и Добролюбов придавали исключительное значение опубликованию этой автобиографии. [3] «Московский вестник» превращается в живую политическую газету, защищающую близкие к «Современнику» позиции. Этим и объясняется то, что «Современник» в «Заметках нового поэта» положительно оценивает направле-

---

[1] «Шестидесятые годы», стр. 454; «Русская мысль», 1913, № 1, стр. 149.

[2] См. «Шестидесятые годы», стр. 456.

[3] Плещеев, как и Добролюбов, получил автобиографию прямо из рук Шевченко (см. ЛА, вып. 6, стр. 297).

ние газеты Плещеева и прямо обращает внимание читателя на переводы из Шевченко.[1] В рецензиях Плещеева, в его полемических «Московских заметках», «Заметках кое о чем» намечается резкая критика либерализма, защита традиций Белинского, обличение феодально-крепостнической действительности.

В 1861 году он задумывает новое издание — «Иностранное обозрение» — и обращается с предложением об участии в нем к М. Л. Михайлову. А в 1862 году вместе с Салтыковым, А. М. Унковским, А. Ф. Головачевым, а также А. И. Европеусом и Б. И. Утиным разрабатывает проект нового журнала «Русская правда». 4 мая 1862 года ему было отказано в разрешении издавать этот журнал. Тогда возник план покупки уже выходящей газеты («Век»), и знаменательно предложение Некрасова дать половину денег, чтобы «соединить силы и моральные, и материальные».[2]

Все журнальные замыслы Плещеева неразрывно связаны с его участием в литературно-политической борьбе тех лет. Весьма характерно, что Плещеев вслед за Чернышевским и Добролюбовым резко выступает против псевдолиберального обличительства, романтического эпигонства и «чистого искусства» в литературе.

В 1861 году он пишет очень знаменательный «рассказ необличительный» — «Литературный вечер», в который вставляет ряд стихотворных пародий. Характерно, что Плещеев осмеивает в духе Добролюбова мелкотравчатую обличительную лирику (типа Розенгейма и др.).[3]

В своих статьях и заметках Плещеев, вслед за Добролюбовым и Чернышевским, ратует за тесную связь искусства и действительности, выступает против воинствующей реакции, против теории «чистого искусства», казенно-патриотической драматургии Кукольника, Полевого и им подобных. Он напоминает о великих традициях Белинского и Гоголя, защищает молодую демократическую литературу 1860-х годов. Все его статьи пронизывает непоколебимое убеждение в глубокой исторической справедливости идей Белинского и Добролюбова.

---

[1] См. «Современник», 1859, № 3, стр. 371. Ср. «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования». М.—Л., 1935, стр. 452; «Русская мысль», 1913, № 1, стр. 145.

[2] М. Е. Салтыков-Щедрин. Полн. собр. соч., т. 18. М., 1937, стр. 167—170; И. Эйгес. О несостоявшемся журнале Салтыкова-Щедрина. — ЛН, т. 25—26. М., 1936, стр. 625.

[3] См. «Повести и рассказы Плещеева», т. 2. СПб., 1897, стр. 524. Ср. стр. 91, 319, 533, 534 и др.

Когда в 1858 году, после почти десятилетнего перерыва, вышла новая книга стихотворений Плещеева, поэт избрал к ней эпиграфом слова Гейне: «Я не в силах был петь...». Смысл этого эпиграфа был понятен не только его друзьям, но и всем современникам. В первые годы ссылки он, по-видимому, почти не писал стихотворений. До нас не дошли его произведения за 1849—1851 годы, да и сам поэт в 1853 году признавался, что давно отвык писать их. Тем не менее казарма и солдатская лямка заставили его заново продумать многое и по-новому подойти к основным поэтическим темам. Большую роль в идейном развитии Плещеева сыграла его связь с Сераковским, Шевченко и их друзьями, о которых он писал в 1856 году: «друзей свободная и шумная семья» («Раздумье»). Следует думать, что к этому времени относится напечатанный только в 1858 году перевод стихотворения Гейне «Жизненный путь» (у Плещеева «И смех, и песни, и солнца блеск!..»). Стихи Гейне послужили поводом для создания глубокоавтобиографического произведения. Плещеев использовал стихотворение Гейне для аллегорического изображения не только своей трагической судьбы, но и судьбы своих друзей, которым, по его предчувствиям, угрожают опасности на избранном ими пути. Друзья гибнут в «родных волнах», тоска сжимает сердце поэта в чужом краю, являются на смену старым новые товарищи, но им тоже грозят опасности:

Друзья иные теперь со мной!
И снова песни! Но воют бури,
И гаснут звезды в ночной лазури...
Прости навеки, мой край родной!

Символика Плещеева ясна и отчетлива, и его перевод — в полном смысле слова — стихотворение на мотив Гейне. Он убирает из текста все, что лишает его автобиографичности. Герой Гейне попадает «на берег Сены», он в чужой стране («Отчизна, где ты?»), у Плещеева — он в далеких местах родной страны. У Гейне главный мотив: мне грустно, потому что я далек от родины («Отчизна! мне грустно, а ты — далека!»), у Плещеева основная тема — печаль перед натиском темных сил на его друзей. Для читателя Плещеева было совершенно ясно, что речь идет о петрашевцах и ссылке. «И смех, и песни, и солнца блеск!..» — своеобразная декларация верности поэта освободительным идеалам. Эту же верность демократическим идеалам он провозглашает в стихотворении «В степи»:

Но пусть без радости мои проходят дни...
Когда б осталось мне отрадное сознанье,
Что к благу ближнего направлены они,
Я б заглушил в себе безумное роптанье.

Под влиянием бесед и переписки с Сераковским, Станевичем, Шевченко[1] в поэзии Плещеева снова крепнут мотивы ненависти к миру бесправия и насилия. Выражением общих настроений оренбургских ссыльных революционеров было его стихотворение «После чтения газет». Так же, как Шевченко и польские изгнанники, он решительно осуждает Крымскую войну:

Мне тяжело читать кровавые страницы,
Что нам о племенных раздорах говорят...

Крайне показательно совпадение стихов Плещеева со стихотворной инвективой Шевченко: «Опять настало время злое!.. А было доброе такое...», в которой украинский революционер обличал антинародную войну царизма.

«Для новых битв я жажду силы!» — восклицает поэт в стихотворении «Молитва» (1857), и это одна из примечательнейших идей его лирики 1853—1858 годов. С возобновлением литературной деятельности связан и его перевод из Гейне «О! не будь нетерпелива...», в котором он заявляет:

И прости, что в песнях новых
Всё еще так внятны звуки
Старой боли дней суровых!

«Эхо прожитых мучений» и новые надежды сказались на эмоциональной окраске лирики Плещеева.

Стихотворения Плещеева начали печататься в 1856 году под характерным заглавием: «Старые песни на новый лад». Они и в самом деле были развитием основных мотивов его политической лирики 1840-х годов. И все же это были «старые песни *на новый лад»*. Плещеев предыдущего периода был, по справедливому замечанию М. Л. Михайлова, склонен к романтизму. Романтические тенденции особенно сказываются при сопоставлении Плещеева и Некрасова в 40-е годы. Великий поэт нашел реалистический по своей устремленности и поэтике путь. Отвлеченность и аллегоричность

---

[1] См. Т. Шевченко. Повне зібрання творів, т. VI. Київ, 1957, стр. 97.

трактовки острых социальных тем, использование устойчивых поэтических символов, эмоциональная элегическая одноплановость — характерные черты романтической поэтики Плещеева.

В стихотворениях периода ссылки и последующего времени сохраняются романтические тенденции, но все чаще в лирике Плещеева более глубоко раскрывается внутренний мир человека, посвятившего себя борьбе за народное счастье. Основная тема сборника 1858 года — боль за порабощенную родину и вера в правоту своего дела. Автобиографическая основа этих стихотворений оставалась предельно ясной для современников, как это и было отмечено Добролюбовым. Сборник 1858 года открывался стихотворением «Посвящение», перекликавшимся со стихотворением «И смех, и песни, и солнца блеск! ..». В нем те же поэтические символы и мотивы:

Но я — средь бурь, в дни горя и печали —
Был верен вам, весны моей друзья,
И снова к вам несется песнь моя,
Когда, как сон, невзгоды миновали. [1]

Тема духовного прозрения человека, отказывающегося от бездумного и созерцательного отношения к жизни, — основная лирическая тема этих стихов. Поэт пытается воссоздать процесс рождения революционной мысли в тяжких и горестных борениях («Не говорите, что напрасно. . .»). Эта тема волновала и Михайлова, и Огарева. Тема идейного возмужания героя придает новые черты лирике Плещеева. Новым качеством, свидетельствующим о художественных исканиях Плещеева, становится слияние в его произведениях личного и общественного.

В политических стихах Плещеева мы находим интонации интимной лирики, в лирических стихах — публицистические тенденции. Таковы его «Случайно мы сошлися с вами. . .», «Прости», «Перед отъездом», «Салтыкову», «Когда твой кроткий, ясный взор. . .», «Ты хочешь песен. . .», «Посвящение», «Когда мне встретится истерзанный борьбою. . .» и др.

По характеру и роду своей поэтической деятельности Плещеев ближе всего к Н. П. Огареву. Их поэзия складывалась в неимоверно тяжелых условиях последекабристской России, на почве одних и тех же литературных традиций. Плещеев — по преимуществу лирик, еще более, нежели Огарев. Замыслы больших эпических произведений так и не были им никогда осуществлены (напр., «Сон»).

---

[1] См. в примечаниях ответ на это стихотворение петрашевца Н. С. Кашкина (стр. 388).

Единственная его поэма — «Она и он». Сам Плещеев настаивал на своем родстве с Огаревым. 20 января 1883 года он писал С. Я. Надсону, что П. И. Вейнберг в докладе о нем «отлично подошел к теме, соединив меня в своей характеристике с Огаревым».[1] И это сходство явственно в таких стихах Огарева, как «Ночь», «Бываю часто я смущен внутри души...», «Совершеннолетие» и т. д. «Раздумье» Плещеева прямо перекликается с огаревским стихотворением «Мы в жизнь вошли с прекрасным упованьем...».

Лирика Плещеева 50-х годов тем не менее часто звучала как повторение уже отживших мотивов: абстрактно-романтические декларации (вроде «ученья правды строгой») звучали анахронизмом. Н. Д. Хвощинская (В. Крестовский) в рецензии на сборник Плещеева 1861 года, высоко оценивая в целом творчество поэта, писавшего «живые, теплые современные вещи, которые заставляли нас сочувствовать ему», с резкостью и горячностью писала о неопределенности чувств и идей поэта.

В своей оценке поэзии Плещеева писательница-демократка исходила из наличия в ней наряду с гражданскими, общественнозначимыми темами интимно-лирических и абстрактно-романтических, которые можно было истолковать как сочувствие либеральным идеям.[2]

Это понимал и сам Плещеев, когда в «Раздумье» писал о «жалком разуверенье» и «убеждении в бесплодности борьбы...».

Н. А. Добролюбов, сочувственно оценивая книгу 1858 года, указывал на социально-историческую обусловленность ее скорбных и тоскливых интонаций обстоятельствами жизни, которые «безобразно сламывают самые благородные и сильные личности...». «В этом отношении, — отмечал критик, — и на дарование г. Плещеева легла та же печать горького сознания своего бессилия перед судьбою, тот же колорит «болезненной тоски и безотрадных дум», последовавших за пылкими, гордыми мечтами юности».[3]

Известная неопределенность общественных позиций породила в поэте идиллические надежды либерального толка. Это налагало печать ограниченности на его гражданскую лирику 1850-х годов с ее мотивами гражданского покаяния и либеральными надеждами на крестьянскую реформу «сверху»:

---

[1] «Невский альманах», вып. 2. Пг., 1917, стр. 121—122.

[2] См. «Русское слово», 1861, № 3, отд. II, стр. 74. Подпись: В. К—ий.

[3] Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в трех томах, т. 1. М., 1950, стр. 620, 623.

...Уже редеет мрак,
Уж свет повсюду проникает,
И, содрогаясь, чует зло,
Что торжество уже прошло, —

убежденно возглашает он в 1858 году в стихотворении «Была пора: своих сынов...». Наиболее отчетливо либеральные иллюзии проявились в стихотворении «Трудились бедные вы, отдыха не зная...», которое зазвучало чуждыми лирике Плещеева тонами. Крестьяне, «покорные судьбе», терпеливо «несли свой крест, как праведник несет», и вот настала «пора святая возрожденья», сам Христос, «кому молились вы смиренно и с любовью, Вам избавителя венчанного пошлет». Эта либеральная молитва вызвала необыкновенно резкий отклик у Добролюбова. Элегические сетования и либеральные иллюзии людей 40-х годов едко пародировались Добролюбовым. Либеральное восхваление «царя-освободителя» и будто бы «покорного» народа в стихотворении Плещеева высмеивалось в его пародии «Из мотивов современной русской поэзии».[1]

Пародии Добролюбова направлены не против Плещеева, но против либеральных ошибок поэта, отнюдь в глазах Добролюбова не перечеркивавших всего его творчества. Именно поэтому критик не напечатал своей пародии на него. Добролюбов критиковал Плещеева не только за либеральные иллюзии, но и за абстрактную дидактичность и аллегоричность образов. В его дневнике есть характерное замечание: «Так же мирно, — записывает он 8 февраля 1858 года, — покончили мы и с утилитарностью. Я сделал уступку, заметив, что всегда восстаю против голого дидактизма, как например в стихотворениях Жемчужникова и А. Плещеева, недавно печатавшихся в „Русском вестнике"».[2] Дидактичность, аллегорико-романтическая символика действительно являлись уязвимым местом стихов Плещеева, напечатанных в этом журнале в 1856 году: таких, как «После чтения газет», «С.......у», «В степи» и т. д. Некоторая печать абстрактной дидактичности, утилитарности определяла слабые стороны его лирики и в более поздние годы. Это сознавал он сам, упорно ища связи своей поэзии с новым временем. На этом пути для него особое значение имели Чернышевский, Добролюбов и Некрасов. Под их влиянием он расставался с грузом

[1] См. Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 6. М., 1939, стр. 198. Впервые на пародирование Плещеева указал В. Княжевич (Полн. собр. соч. Добролюбова, т. IX. СПб., 1912, стр. 531).

[2] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 6. М., 1939, стр. 480.

либеральных заблуждений, и в этом отношении его творческий путь совпадал с такой же идейной перестройкой в творчестве М. Михайлова, В. Курочкина, В. Слепцова и др.

7

В 60-х годах Плещеев все чаще откликается на острые общественные вопросы и политические события. Его лирика более непосредственно обращается к широкой демократической аудитории: к молодому поколению, к друзьям — участникам революционного движения, и это углубляло ее агитационно-пропагандистское звучание.

В критических статьях и высказываниях конца 1850-х — начала 1860-х годов А. Н. Плещеев рассматривает поэзию как соединение страстной и личной точки зрения с действительностью, с жизненными задачами времени, как мощную социально-нравственную силу. Проклятые вопросы реальности — вот подлинное содержание поэзии.[1] Самым решительным образом он заявляет, что главное направление поэзии в 60-е годы — это политическая поэзия. Лирика не может удовольствоваться только природой и «внутренним миром человека», ибо «в наш век человек не может ими ограничиться, если в нем бьется любящее сердце, если в жилах его струится не рыбья кровь. Он болеет болезнями века, он страдает с страждущим братом. . .».[2] Именно поэтому для него неприемлемо отрицание А. Н. Майковым политической поэзии. Именно на этом пути лирический герой Плещеева связан с «бойцами», «братьями и друзьями», с кругом революционеров 1860-х годов, и все чаще в стихах Плещеева появляется «мы», «нас», а не «я» («бог помочь, братья и друзья», «неравный бой *нас* истомил» и т. п.).

Его лирика душевных диссонансов, с нарочито упрощенными художественными средствами, с ее общественно-обличительным содержанием, имела много родственных черт с поэзией Некрасова. Но с 1850-х годов у Плещеева появляется ряд стихотворений, в которых он пытается воспроизвести сатирическую и социально-бытовую струю поэзии Некрасова. Таково его стихотворение «Дети века все больные. . .» (1858), дающее сатирический образ «современного человека», который «все вопросы разрешает» «легко, без дальних дум» и сомнений. В этом стихотворении прямой отзвук таких произведений Некрасова, как «Нравственный человек», «Филантроп» и др.

Тема фразерства и лицемерия либералов становится важной частью поэзии Плещеева. Он не только прекращает сотрудничество

---

[1] См. «Московские ведомости», 1861, 17 января.
[2] ЛА, вып. 6, стр. 301.

в «Русском вестнике» и всякое личное общение с Катковым, но и делает борьбу с катковщиной одной из главных задач своей журнальной деятельности.[1] Довольно отчетливо эти настроения проявились в его замысле развернутого сатирического изобличения либерала. В большом стихотворении «Мой знакомый» (1858) появился первый в творчестве поэта сатирический образ либерала. Все аксессуары сатирического портрета взяты из стихотворений Некрасова: и отец, разорившийся на танцовщицах, и губернская карьера героя, и его портрет в годы преуспевания («Он был с порядочным брюшком и чин имел большой...»). В стихотворении «Счастливец» Плещеев подхватывал ту же некрасовскую обличительную ноту:

Клевета! Богоугодных
Разных обществ член и я.
Филантропы пять целковых
Каждый год берут с меня.

Но самым примечательным в этом цикле является стихотворная повесть «Она и он» (1862). Здесь возникает портрет типичного тургеневского героя и рисуются перипетии его «жизни бурной». Как бы развивая некрасовские сатирические образы либералов, Плещеев намечает черты характера и общественной судьбы «лишнего человека», с его красноречивыми тирадами и корыстными расчетами («Мой знакомый», «Счастливец»). Поэт резко обличает внешнее фразерство дворянского либерала и внутреннюю его готовность к примирению с властями.

Некоторое влияние на Плещеева оказала и некрасовская демократическая тематика, в особенности «кольцовская» линия Некрасова. В 1861 году Плещеев с большим одобрением отметил, что Некрасов «в последнее время обратился за содержанием своих стихотворений к народной жизни». Плещеев также пытается создать стихи, выражающие народные чаяния и чувства, от имени героя из народа. Таковы его «Я у матушки выросла в холе...», «Сельская песня» и др. В «Сельской песне» он ставит важнейшую проблему народного образования. Плещеев видел в ней, вместе с другими демократами 1860-х годов, одно из неотложных дел. Отражением этих раздумий и явилась «Сельская песня» (из цензурных соображений названная переводом с польского), герой которой — крестьянский мальчик, жаждущий просвещения и верящий, что «крестьянского сына»

---

[1] См. А. Плещеев. Что вспомнилось. Актеры и писатели, т. 3. СПб., 1914, стр. 8; ЛА, вып. 6, стр. 318 и др.

В школе научат, я знаю, всему;
Сделают там из него господина...

Значение этих строк не умаляла концовка («Буду я в церкви попу помогать»), имеющая чисто цензурный характер. К этой же теме Плещеев вернется в 1872 году в стихотворении «Бабушка и внучек».

Вслед за Некрасовым Плещеев в форме социальной новеллы в стихах и своеобразной крестьянской баллады поднимает темы трагичности доли крестьянина и городского труженика — пролетария, замученного непосильным трудом и нищетою. Такова драматическая история крестьянки («Я у матушки выросла в холе...»), полюбившей богатого барина, который «всё в далеких краях проживал».

Тогда же, в 1860 году, он создает еще один опыт социальной новеллы — «На улице», перекликающейся с темою Сони Мармеладовой: нищета и красота, «угол темный», «сырой могильный склеп, где слезами обливают ребятишки черствый хлеб», и «красивый барин» с лукавыми речами составляют основу повествования о социальном аде большого города.

Плещееву не удалось создать конкретную картину народной жизни. Он так и не добился в этой области больших художественных достижений. На это обратил внимание уже М. Л. Михайлов. Цикл близких Некрасову стихотворений Плещеева является, таким образом, скорее фактом его литературной биографии, его тяги к реалистической конкретизации лирической темы. Правда, следует сказать, что и в произведениях Некрасова этих лет мы находим только предысторию крестьянской темы: даже в «Крестьянских детях» им не найдена песенная структура народной речи, историческая конкретность решения темы.

8

В поэтическом наследии Плещеева 60—70-е годы представляют значительный по удельному весу период. Ошибочно представление, что Плещеев является поэтом исключительно 40-х годов.

Либеральные и реакционные журналы всячески пытались принизить значение поэзии Плещеева, ибо он воспринимается в эту пору прежде всего как поэт «Современника». И действительно, в 60-е годы по количеству опубликованных в этом журнале стихотворений Плещеев впереди и Некрасова, и Вейнберга, и Полонского.

Плещеев печатает немало стихов на традиционные для него темы о гражданском подвиге, о трагически загубленной молодой

жизни, о личной драме передового человека. Горькие раздумья о прошедшей молодости, рыдание над несбывшимися юношескими надеждами — характерные эмоциональные тона его поэзии и в этот период. В трудную минуту у него возникает мольба открыть «слепым и спящим очи», ибо нестерпима злоба либеральной толпы.

Стихотворение «Мольба» являлось ответом на наступление реакции. Оно написано в ноябре 1861 года, после арестов Михайлова, членов кружка Аргиропуло и Зайчневского, избиения студентов и т. д. Искреннюю ненависть поэта вызывает поведение либерального общества с его уже неприкрытой злобой против революционных демократов. С «Мольбой» непосредственно связано посвященное Некрасову стихотворение «Новый год», которое начинается удивительным напутствием Михайлову. В годовщину восстания декабристов, 14 декабря 1861 года, над Михайловым был совершен обряд гражданской казни, после которой в кандалах он был отправлен в Сибирь. И вот 31 декабря в послании Некрасову Плещеев благословляет мученика. Он посылает привет «в дальние края» «Всем застигнутым ненастьем, — Всем, кого меж нами нет». Совершенно ясно было для современников, кого имеет в виду поэт, обращаясь «К вам, житейскою волною Унесенные друзья!»

Знаменательно, что наряду с одобрением друзей-революционеров Плещеев высмеивает толки либералов о «пороках молодого поколенья». Появляется у него и новая тема — тема практического общественного *дела.* «Фраза», которая, по его же словам, «въелась» в современного человека, вызывает у Плещеева взрыв ненависти:

> На сердце злоба накипела
> От заученных этих фраз!
> Слова, слова! А чуть до дела,
> Ни сил, ни воли нет у вас.
>
> *(«На сердце злоба накипела. . .»)*

Одной из центральных тем в 1860—1870-е годы у него стала тема гражданина-бойца. В поэтическую символику Плещеева широко входят образы «честных борцов», «бойцов с неправдою и злом» и т. п.

В исторической обстановке этих лет важное значение приобрела тема революционного подвига. Стихи Некрасова в эту пору исполнены призывами к действию и осуждением уклоняющихся «мудрецов», чье «назначенье — разговоры». Та же тема революционного подвига, призыва к подлинной революционной борьбе пронизывает и стихи Плещеева:

Нет! лучше гибель без возврата,
Чем мир постыдный с тьмой и злом,
Чем самому на гибель брата
Смотреть с злорадным торжеством!..

(«Нет! лучше гибель без возврата...»)

Образ поэта в стихах Плещеева приобрел новые черты. Он не похож на того пророка, что виделся ему в юности в вещем сне шествующим среди не внемлющей ему толпы. Теперь — это *боец, воин* революции.

Прямое политическое значение имело стихотворение «Честные люди дорогой тернистою...», посвященное процессу Чернышевского. В нем нашел наиболее четкое выражение мотив подвига во имя грядущего: «Пусть не сплетает венки вам победные Горем задавленный, спящий народ. Ваши труды не погибнут бесследно». Тема народа приобрела принципиально новое значение. Это уже не отвлеченно-аллегорическая «толпа», а конкретно-исторический образ «горем задавленного, спящего народа». Вот почему так сильно прозвучала песня о «вестниках правды, бойцах благородных».

На творчестве Плещеева, на его темах и поэтическом языке лежит глубокая печать эпохи. Подобно Некрасову, Михайлову, Шевченко, Плещеев широко вводит в поэзию конкретные общественно-политические события, и это усиливает агитационно-пропагандистское звучание его стихов. В его лирику широко врываются публицистические элементы, превращая ее в своеобразную прокламацию и воззвание. Так характер прямого политического выступления имели напечатанные в «Современнике» в 1862 году стихотворения «К юности» и «Лжеучителям». Оба стихотворения непосредственно связаны со студенческим движением. На поэта огромное впечатление произвели дикие избиения и аресты студентов в сентябре — октябре 1861 года и равнодушие народа.

Из письма его А. Н. Супеневу, которому было послано для передачи Некрасову стихотворение «К юности», явствует, что 25 февраля 1862 года (этим числом датирован и автограф стихотворения в ЦГАЛИ) Плещеев читал «К юности» на литературном вечере в пользу двадцати высланных студентов. Известно, что в ночь на 12 октября 1861 года в Москве среди студентов были произведены аресты. На следующий день на площади перед домом московского генерал-губернатора демонстрация студентов была разогнана войсками. Как писал студент-революционер Шипов в своем воззвании, «полиция прибила и обесславила нас публично

в газетах».[1] Протест общественности выразился в сборе денег в пользу пострадавших студентов. Плещеев принимал в этом самое горячее участие. В стихотворении «К юности» он с восторгом говорит о значении подвига студентов. Призыв «не отступать перед толпой, бросать каменьями готовой», — воспринимался как прямое напоминание об избиении студентов. Вполне вероятно, что демонстративное название «К юности. Посвящается молодому поколению» (подзаголовок снят по цензурным условиям) прямо перекликалось с прокламацией М. Л. Михайлова «К молодому поколению» (отметим перекличку поэтических формул Плещеева со стихотворением Рылеева «Я ль буду в роковое время...», которым открывалась прокламация). «Надежду России, — писал здесь Михайлов, — составляет народная партия из молодого поколения всех сословий...»[2] К этой широкой демократической аудитории и обращены стихи Плещеева. Они заканчивались многозначительными словами:

Бог помочь, братья и друзья!
Когда ж желанный день настанет,
Пусть ваша дружная семья
Отживших нас добром помянет.

Через несколько дней после этого литературного вечера Плещеев пишет стихотворение «Лжеучителям», обличая злобные толки либеральных кругов и непосредственно отвечая на знаменитую вступительную лекцию Б. Н. Чичерина, прочитанную 28 октября 1861 года и направленную против «анархии умов», «буйного разгула мысли» студентов.[3] Черносотенные рассуждения либерала вызвали негодование Плещеева, писавшего А. П. Милюкову 6 ноября 1861 года: «Читали ли вы лекцию Чичерина в «Московских ведомостях»? Как бы вы мало ни сочувствовали студентам, которых выходки действительно часто бывают ребяческими, но согласитесь, что нельзя не пожалеть бедную молодежь, осужденную слушать такую дряблую ерунду, такие поношенные, как солдатские портки, общие места и пустозвонные доктринерские фразы! Это ли живое слово науки и правды? И этой лекции аплодировали сотоварищи почтенного доктринера Бабст, Кетчер, Щепкин и К°».[4]

---

[1] «Политические процессы шестидесятых годов», т. 1. М., 1923, стр. 83.

[2] М. Лемке. Политические процессы. СПб., 1907, стр. 53.

[3] Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 18. СПб., 1904, стр. 257—262; ЛА, вып. 6, стр. 290.

[4] ЛА, вып. 6, стр. 290. Речь идет о Н. М. Щепкине.

Историческая обстановка последующих лет обусловила некоторые особенности политической лирики Плещеева. Надежды на всенародное выступление в ответ на реформу не оправдались. В годы ожидания нового подъема массового движения на лагерь революционных демократов обрушиваются тяжкие удары — смерть и аресты вырывают из рядов Добролюбова, Шевченко, Чернышевского, Михайлова, Серно-Соловьевича, Шелгунова и др. Отсюда чувство горечи и подавленности, характерное для стихотворений Плещеева.

В них находит отражение злободневнейший мотив разоблачения предательства и измены. Таковы «Если хочешь ты, чтоб мирно...», «Apostaten-Marsch», «Жаль мне тех, чья гибнет сила...», бичующие тех, кто, «дышащие злобой», «братьев продали своих»:

И предательская рать
Будет ненависть до гроба
В честных душах пробуждать!

(«Жаль мне тех, чья гибнет сила...»)

Характерна попытка Плещеева *конкретизировать* политическую тему. Таковы героические образы передовых людей, которые должны были служить идеалом для революционной молодежи 1860-х и 1870-х годов, в стихотворениях «К юности», «Декабрист», «Старики», воссоздающих чарующий благородством образ ветерана революционного дела и задушевный лирический образ петрашевца, который и на плахе свято верил в будущее.

Поэтизируя чувства революционера, Плещеев стремится к жизненной конкретности этого образа («Бедны мы оба, в *потертой одежде»* и т. п.). Основная идея стихотворения «Старики» в строках:

Лихом она (юность. — *М. П.)* стариков не помянет,
Скажет: *они пролагали нам путь.*

Еще более значительно стихотворение «Я тихо шел по улице безлюдной...» (1877), посвященное памяти Белинского. Условный романтический портрет вождя приобретает здесь ряд конкретных (в том числе биографических) черт. Таков ветхий дом, в котором живет герой и в котором пережил волнующие минуты поэт. «Убогий уголок», «труженик с высокою душою» и т. д. — все это родственно поэтическим характеристикам Белинского у Некрасова. Конкретнее становится и поэтическое изложение проповеди учителя.

В ноябре 1881 года было написано стихотворение «Без надежд

и ожиданий...», явившееся прямым поэтическим откликом на разгул послемартовской реакции в России. Горькое разочарование охватило старого поэта, и отзвуком его явилось это стихотворение.

Стремление к конкретизации политической темы привело поэта к тому, что наряду с поэтикой отвлеченных понятий, иносказаний, метафор («Всем врагам неправды черной, восстающим против зла», «Меч народов обагрен», «Но высокие стремленья в жертву пошлости людской принесли» и т. д.) он добивается большей ясности и точности политических лозунгов и конкретности образов. Но следует иметь в виду, что преобладание поэтики отвлеченных понятий и дидактизма в политической лирике Плещеева является не только следствием недостаточной ясности его политических взглядов, но и одной из форм его эзоповской речи. Цензурные условия и в 1860-е и в 1880-е годы вынуждали поэта прибегать к особому языку. Лексика и фразеология революционно-демократической публицистики определяла при этом особенности его поэтической речи — введение слов, имеющих символическое значение: «злоба» в значении революционной ненависти, «добро» в значении социалистических и революционных идеалов, «дело» в значении революционной борьбы. Революционное и социалистическое содержание наполняло образы тучи, грозы, тернистого пути, странника и т. д. К его стихам применимы слова Добролюбова относительно внутреннего содержания этой условной символики у Некрасова. «Замени (только) слово «истина» — равенство, — писал он, — «лютой подлости» — угнетателям; это — опечатки... Помни и люби эти стихи: они дидактичны, если хочешь, но идут прямо к молодому сердцу...».[1] Стремление к ясности и простоте, своеобразной дидактике становится отличительной чертой политической лирики Плещеева.

Мотивы неверия в свои силы, усталости и отчаяния занимают все меньшее место в его наследии, приобретая чаще всего чисто биографический характер («Памяти Е. А. Плещеевой»). Михайлов имел полное право сказать уже в 1861 году, что «за Плещеевым осталась одна сила — сила призыва к честному служению обществу и ближним».[2] В этом отношении его поэзия стояла неизмеримо выше гражданской лирики 60—70-х годов Полонского и Жемчужникова.

---

[1] «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова...». М., 1890, стр. 534.

[2] М. Л. Михайлов. Собр. соч. в трех томах, т. 3. М., 1958, стр. 209.

Лирика Полонского чужда этого страстного пафоса негодования и революционного долга, в «злой современности» он не замечал путей к добру («Среди хаоса»), поэтому, в отличие от Плещеева, благословлявшего на страдный путь революционера, он живет мечтой «пересилить время — уйти в пророческие сны» («Муза»).

Ближе к поэтической системе Плещеева лирика «гражданских мотивов» А. М. Жемчужникова. Но их общность сказывается больше в том, что составляло слабую сторону поэзии Плещеева. Сходны с Жемчужниковым идейная расплывчатость и сентиментальный дидактизм некоторых стихотворений Плещеева в основном 1858—1859 годов. Сближали их мотивы гражданского покаяния, аллегорическое восприятие природы. Отчетливо либеральная позиция Жемчужникова (в особенности признание последним прав «чистой поэзии») была чужда Плещееву.

В 60-е и особенно в 70-е годы пейзажная поэзия Плещеева приобрела совершенно новые черты. В какой-то мере поэт и в этой области широко использовал опыт Некрасова, с одной стороны, и Фета — с другой. Сверкающие переливы красок, трепетное, неуловимое движение природы — «Оковы ледяные не тяготят сверкающей волны», сень «трепетных белых берез», «я вижу свод небес прозрачно-голубой, громадных гор зубчатые вершины» — идут от ликующего, трепетного, исполненного неуловимой жизни пейзажа Фета. Но у Плещеева он незримо переходит в символическое истолкование общественной жизни и идейных исканий лирического героя. Природа манит его стыдливой красотою туда, «где нету фраз трескучих и бездушных, где не гремит витий продажный хор». Великолепный цикл «Летние песни» основан на том, что гармония природы противостоит миру общественных противоречий и несправедливости. В этом смысле пейзажный мир Плещеева близок лирике природы Некрасова.

Простота и задушевность пейзажа, будничность словаря не ослабляют его живописной выразительности. В отличие от Фета и Полонского, Плещеев стремится преодолеть разделение пейзажной и гражданской темы. Некрасовская интонация звучит в таком его стихотворении, как «Скучная картина», в котором серенький пейзаж неразрывно связан с трагическим существованием крестьянина. Пейзаж в лирических излияниях и бичующих инвективах создает народно-поэтический образ родной природы в неразрывной связи с мыслью о судьбе «задавленного невзгодой» народа («Отчизна»).

Еще шире эти новые тенденции нашли выражение в детских стихотворениях Плещеева. В 1861 году он выпускает вместе с Ф. Бергом сборник для детей «Детская книга», в 1878 году объеди-

няет свои стихотворения для детей в сборнике «Подснежник». Стремление к жизненности и простоте находит в этих стихотворениях яркое воплощение. Это расширило его тематический диапазон, ввело в его поэзию конкретность и свободную разговорную интонацию (см., например, стихотворения «Я у матушки выросла в холе. . .», «Скучная картина», «Нищие», «Дети», «Родное», «Старики», «Весна», «Детство», «Старик», «Бабушка и внучек» и др.).

60-е — 70-е годы — годы настойчивой работы Плещеева, пытавшегося выработать новую, более действенную и общедоступную поэтическую форму. Лирик по природе своего дарования, он стремится во имя новых задач революционной демократии создать новую поэтическую систему. Наряду с характерными для его поэзии циклами стихов в ораторском духе, социально-лирическими монологами, все большее место занимают песни, бытовые повествовательные жанры, сатира, любовная и пейзажная лирика. Использование публицистического и газетного языка, бо́льшая простота темы и образов становятся примечательными чертами многих новых его стихов.

9

13 декабря 1864 года умерла жена Плещеева. Это было тяжелым ударом для поэта. К этому присоединилось вскоре ощущение невыносимости тяжелого гнета реакции и нищеты.

Закрытие в 1866 году «Современника» и «Русского слова» оставило без литературной работы группу демократических писателей, и в их числе Плещеева. Мучительно воспринял поэт разгром демократических сил.

В 1872 году Плещеев переезжает с тремя детьми в Петербург и становится секретарем «Отечественных записок», ведая там кроме того литературным отделом. Здесь он сразу же оказался в дружеской обстановке, среди единомышленников. В кружке «Отечественных записок» Плещеев чувствует себя нужным и приметным человеком. В этом журнале он проработал до его закрытия в 1884 году. Вместе с В. С. Курочкиным, А. М. Скабичевским, Н. А. Демертом он стал сотрудником «Биржевых ведомостей», газеты, в которой Некрасов мечтал негласно «проводить взгляды» «Отечественных записок».

В 1884 году Плещеев после закрытия «Отечественных записок» переходит в «Северный вестник» и заведует в нем литературным отделом. В этом журнале он резко сталкивается с народнической группой редакции, и в первую очередь с Н. К. Михайловским. Поэт защищает от народнической критики Чехова (особенно его «Степь») и Гаршина.

Только в последние годы жизни (1890—1893) Плещеев, получив огромное наследство, короткий срок отдыхал от многолетней суровой борьбы за существование. 26 сентября 1893 года после тяжелой болезни писатель умер в Париже.

Значение Плещеева в истории демократической поэзии во многом превосходит размеры его таланта. 40-летний юбилей деятельности поэта в январе 1886 года явился его подлинным торжеством. С сочувствием отнеслись к этому празднованию старые соратники-петрашевцы. Н. С. Кашкин писал поэту 12 апреля 1886 года, что он следил за юбилеем «с искренней радостью и живым сочувствием» (ЦГТМ). Еще более горячо его приветствует молодое поколение революционеров: в январе того же года народоволец, подписавшийся «редактором „Отголосков"» (то есть подпольного сборника 1886 года «Отголоски революции»), горячо поздравляет Плещеева с юбилеем, называет его своим учителем («мой учитель») и говорит о значении его поэзии в революционном движении.[1]

Передовые круги не только России, но и Украины, Польши, Чехословакии, Болгарии с искренним уважением относились к творчеству Плещеева. Они видели в нем, прежде всего, политического поэта, борца за демократию и социализм. Родоначальник новой болгарской литературы Петко Славейков в 1866 году переводит «Вперед! без страха и сомненья...» и делает его гимном болгарских революционеров.[2] Чешский революционный демократ Эмануэль Вавра называет Плещеева, Шевченко, Огарева, Михайлова в числе «заслуженнейших, талантливейших, действительную цену» имеющих славянских поэтов.[3] Великий болгарский революционер Любен Каравелов в сербском прогрессивном журнале «Матица» в 1868 году ставил Плещеева в ряд крупнейших поэтов и писал, что стихотворения, двигающие «вперед народ», должны прежде всего быть «гуманистичны, правдивы и разумны, каковы стихотворения английских поэтов Бернса, Томаса Мура и Байрона, каковы стихотворения Беранже и отчасти Барбье, каковы русские поэты М. Михайлов, Плещеев и стихотворения украинца Тараса Шевченко».[4] Это — одно из многих свидетельств восторженного отношения современников к поэту-демократу. Знаменательна высокая оценка, данная Плещееву

[1] ЦГИМ, фонд Плещеева.

[2] П. Русакиев. П. Р. Славейков и русската литература. София, 1956, стр. 273.

[3] Česti radikalni demokraté o literatuře. Praha, 1954, str. 203.

[4] «Публицистика на Любен Каравелов (1860—1869)». София, 1957, стр. 486. Даем в переводе с болгарского языка.

в 1893 году борцом за реализм в словенской литературе Франа Целестина.[1]

Первые переводы на украинский язык стихотворений Плещеева появляются в 1871 году. С 1895 года его переводчиком стал замечательный поэт-революционер П. А. Грабовский. Гениальный украинский революционный демократ И. Франко писал о Плещееве, что он «достойно занимает место в плеяде самых выдающихся писателей в русской литературе 40-х годов...».[2]

Мотивы, образы, ритмы Плещеева мы встречаем у Якубовича, Надсона, раннего Минского, Сурикова, поэтов-народовольцев. В течение сорока лет Плещеев оставался живым олицетворением передовой, демократической поэзии. Он пережил всех своих современников и для молодежи 80-х годов был живым воплощением революционных традиций.

Несомненно влияние Плещеева на стихотворения Добролюбова 1856—1861 годов. В глубоко искренней и эмоциональной лирике Добролюбова, своеобразной исповеди революционера, используются не только некрасовские интонации, но и мотивы поэзии Плещеева. «Когда к нам светлый луч познаний сквозь мрак невежества проник», «поборник лжи и мрака» и тому подобные символы-образы прямо восходят к ранней поэзии Плещеева.

Самое значительное и ясно ощутимое влияние оказала политическая лирика Плещеева на вольную русскую поэзию второй половины XIX века. В стихотворениях Н. А. Морозова, А. А. Ольхина, П. Ф. Якубовича, В. Г. Богораза и др. непрестанно повторяются интонации и мотивы, символы и аллегории Плещеева.

Прямым пересказом Плещеева были стихотворения Г. А. Мачтета «Последнее прости!», Ф. Волховского «Друзьям» с цитатами из Плещеева («он честный был боец», «а чувство братства и справедливость говорит»). Стихотворение С. Синегуба «К бюсту Белинского» заимствует ряд строк из «Я тихо шел по улице безлюдной...».[3]

Традиции гражданской лирики Плещеева получили развитие у поэтов пролетарской революции. Знаменательно, что в 1897 году одна из первых социал-демократических организаций, «Южно-

---

[1] См. «Из истории русско-славянских литературных связей XIX в.». М.—Л., 1963, стр. 267.

[2] І. Я. Франко. Твори в двадцяти томах, т. 18. Київ, 1955, стр. 69. Ср. П. Грабовский. Избранное. М., 1952, стр. 313.

[3] См. «Вольная русская поэзия второй половины XIX в.», «Библиотека поэта», Большая серия. Л., 1959, стр. 259, 284, 305, 307, 311 и др.

русский рабочий союз», начала листовку переделанными стихами Плещеева:

Вперед! без страха и сомненья,
На подвиг доблестный, друзья!
Давно уж жаждет единенья
Рабочих дружная семья... [1]

Листовка рабочих-марксистов символизирует историческую связь Плещеева с революционной поэзией рабочего класса.

Даже в годы реакции, в эпоху кризиса русской поэзии, когда усилилась деятельность поэтов «чистого искусства», поэзия Плещеева, отличающаяся высокой гражданственностью безукоризненной чистотой истинно русского языка и песенным звучанием стиха, оказывает сильное влияние на молодых поэтов. В конце его жизни наиболее ярким его последователем среди поэтической молодежи был Надсон. Протест Надсона против насилия, дикого «царства Ваала», прославление «праведной крови падших бойцов» сближали его с Плещеевым. От последнего идет и надсоновская лирика размышлений с ее дидактизмом, пейзажем-аллегорией и образами-символами. Но вместе с тем Плещееву было чуждо чувство крайнего отчаяния, бессилия и обреченности, ставшее доминирующим эмоциональным тоном стихов Надсона.

Влияние Плещеева на поэзию второй половины XIX века не ограничивается только его оригинальными стихами. Переводы Плещеева — органическая часть его наследия. Уже поэты-петрашевцы весьма серьезно относились к переводам. Поиски новых путей в русской поэзии привели Дурова, Плещеева, Пальма к освоению традиций, жанров и поэтических идей революционной и социалистической поэзии Запада (Гейне, Беранже, Барбье).

В истории русской демократической поэзии XIX столетия переводы играли своеобразную и весьма существенную роль. Достаточно вспомнить переводы М. Л. Михайлова, Д. Д. Минаева, В. С. Курочкина и др., чтобы ясно представить общественно-литературную роль переводной поэзии и в 40-е, и в 60-е, и в более поздние годы. В истории демократических переводов немалое место занимает Плещеев. Он переводил не только стихи, но и научную и художественную прозу (таковы его переводы «Красного и Черного» Стендаля, романов Жорж Занд, «Жака» А. Доде).

Однако главным для него оставался поэтический перевод. Более

[1] Центральный государственный архив Октябрьской революции. Листовки Южнорусского рабочего союза (сообщено нам Н. В. Осьмаковым).

двухсот переводных стихотворений составляют почти половину всего его поэтического наследия. Современная критика видела в нем одного из крупнейших мастеров стихотворного перевода. Журнал «Время» писал: «По нашему крайнему убеждению, Плещеев в переводах еще более поэт, чем в оригиналах». Здесь же было метко замечено, что «в иностранных авторах он ищет прежде всего своей мысли и берет свое добро, где бы оно ни было...». К этому следует добавить, что такой великолепный знаток перевода, как Михайлов, в своей рецензии 1861 года дал высокую оценку большинству переводов Плещеева.

Сам Плещеев почти не делал различия между переводами и оригинальными стихотворениями. К тому же он часто пользовался переводом как средством пропаганды наиболее важных для данного периода идей.

Отличный знаток западноевропейских языков и литератур, Плещеев обращался прежде всего к демократическим поэтам, в стихах которых он находил созвучные русской литературе темы и мотивы. Гейне, Байрон, Мур, Гете, Фрейлиграт, шотландские поэты, Арани и Петефи, Шевченко и Сырокомля интересуют его как певца гражданских и демократических идей. Недаром в письме к Маркович от 10 декабря 1870 года он роняет такое характерное замечание: «Я предпочитаю переводить тех поэтов, у которых общечеловеческий элемент берет верх над народным, — у которых культура сказывается!» Это следует понимать не как противопоставление народного общечеловеческому, а как противопоставление национальной ограниченности пафосу больших социальных идей. Более того, Плещеев даже у поэтов с консервативно-романтической тенденцией избирает стихи с демократической окраской. Так, в переводах из Теннисона он подчеркивает сочувствие к «борцу за честное дело» («Погребальная песня»), к народу («Королева мая»); у Соути переводит ранние стихи «Бленгеймский бой» и «Жалобы бедняков» и т. д. Его сочувствие к народу нашло выражение в переводах с польского цикла песен о крестьянской жизни и доле, с украинского — стихотворений Шевченко. Несомненной удачей является перевод поэмы Шевченко «Работница», получивший высокую оценку Тургенева.

Большую часть переводов Плещеева составляют переводы с немецкого и французского. Особенно обширен выбор немецких поэтов, свидетельствующий о необыкновенной начитанности Плещеева в немецкой литературе его времени. Многие из его переводов, несмотря на специфические вольности, до сих пор являются образцовыми (например, из Гете, Гейне, Рюккерта, Фрейлиграта и др.).

Выбор стихотворений для перевода диктовался прежде всего

демократическими и политическими задачами. Почти бо́льшая часть переводов объединяется единой темой — протестом против всех возможных видов угнетения (национального в особенности) и призывом к борьбе за свободу. Таковы его «Доктрина» Гейне, «Из ирландских мелодий» Мура, «Все люди — братья» Николля, «Сон» Шевченко.

Но следует отметить, что задачи перевода Плещеев понимал очень свободно. Музыкальные, лиричные, сделанные отличным простым языком, его переводы часто далеко отходили от своего первоисточника. Плещеев свободно переделывал, сокращал или увеличивал то или другое стихотворение иностранного поэта, превращая его в рассказ о самом себе. Так, переводя из Роберта Прутца «Смотрел ли ты на Альпы в час заката...», Плещеев превращает сонет Прутца в стихотворение, состоящее из трех четверостиший, а его же стихотворение «Поэту» переведено типичными для поэтической символики Плещеева образами («сей, поэт, в сердца людские вечной правды семена», «кто сквозь тьму провидел свет» и т. д.).

Большое стихотворение Сырокомли «Пахарь к жаворонку» («Oracz do skowronku», 1851), состоящее из двух частей, он под произвольным названием «Птичка» пересказывает в своеобразном сокращении (в оригинале 24 строки, в переводе — 18). При этом он вносит характерные изменения, начисто убирая все религиозные элементы. У Сырокомли — жаворонок «счастливый и веселый... летит в небо, чтобы с ангелами петь <богу>: осанна!» и «твоею песнею утешается господь бог и радуется небо». Все это заменяется прямо противоположным: «Полетит она к лазурным небесам И, что видит в селах, всё расскажет там. Скажет птичка богу, что бедняк страдает...» и т. д. Изменяются далее и строки, где Сырокомля говорит о жаворонке: «Летишь в небо, помолись же за пахаря... говори, что, кружась над селом, видел нашу беду...» Вместо «помолись за нас» у Плещеева появляется: расскажи о нашей беде!

Для свободной интерпретации оригинала характерны и переводы из Гейне. В них Плещеев вносит много своих мотивов, широко используя достижения русской поэзии, в том числе Некрасова (в переводе «Графини Гудель фон Гудельсфельд», например). Он в целом ряде случаев отступает от содержания и формы подлинника. Все эти особенности его переводческой техники способствовали тому, что и в переводах, как и в оригинальных стихах, раскрывалось своеобразие и демократический пафос его поэзии.

Лирик по преимуществу, Плещеев стал одним из создателей гражданской поэзии XIX столетия. Продолжая традиции декабристов и Лермонтова, он насытил разнообразные жанры гражданской поэзии новым содержанием. Стремление раскрыть подлинные противо-

речия действительности, по-новому поставить тему революционера и родины, простота, ясность, разговорные интонации, широкий тематический диапазон — характерные признаки его поэзии. Творчество Плещеева подкупало органическим лиризмом, искренностью и задушевностью в выражении политической мысли. Это и сделало его видным представителем демократической лирики в России 1840—1880-х годов XIX столетия.

М. Поляков

СТИХОТВОРЕНИЯ

НОЧНЫЕ ДУМЫ

1. ДЕЗДЕМОНЕ
ВИАРДО ГАРСИИ)

1

Когда твой голос серебристый,
О Дездемона, слушал я,
Восторгом пламенным и чистым
Была полна душа моя!

Я говорил: нет, эти звуки
С небесной льются вышины;
Пустой, бесплодной жизни муки
Нам усладить они даны!

Я в это чудное мгновенье
Людей и мир — всё позабыл:
Я весь был слух и восхищенье,
Я жадно каждый звук ловил!

Молилась ты, или рыдала,
Иль тихо пела песнь любви —
Как сердце билось, замирало
При звуках тех в моей груди!

Шекспира светлое созданье
Ты так глубоко поняла

И Дездемоны все страданья
Так верно нам передала!

2

Меж тем как шум рукоплесканья
И кликов залу оглашал,
Лишь я один сидел в молчанье,
Ничем восторг не выражал.

Я не бросал тебе букеты,
Не бросил я тебе венок;
Но стих созрел в душе поэта —
Прими же: вот и мой цветок!

Прими его... Хоть не блистает
Красой он южного цветка,
Но солнце так же оживляет
Листки и роз... и василька!

<1843—1844>

2. БЕЗОТЧЕТНАЯ ГРУСТЬ

Fühlt das Herz ein Sehen
Und ein süsses Weh.

Rückert[1]

Ночь весенняя прохладна,
Ароматна и ясна;
В небе чистом тихо светит
Серебристая луна,
И лучом она лобзает
Грудь холодную реки;
За рекою слышны песни
И мелькают огоньки.

Грустно мне! Тоска на сердце
Безотчетная лежит,

[1] Сердце чувствует томленье и сладостную скорбь. *Рюккерт.*

По щеке слеза бежит!
Вот луну сокрыли тучи —
Огоньков уж не видать...
Стихли песни... Скоро ль, сердце,
Перестанешь ты страдать!

<1844>

3. ДАЧИ

Люблю я вас, дачки! Идешь себе ночью,
А окна, балконы отворены все;
И звук фортепьяно оттуда несется,
И льются напевы в ночной тишине.
А вот у окна вдруг явилась головка;
Вот черные очи как звезды блестят,
На плечах лилейных шелковые кудри,
Атласные щечки румянцем горят!
И смотришь — а ночь так свежа и ясна,
И розами пахнет, и светит луна!

<1844>

СТАРИК ЗА ФОРТЕПЬЯНО

Что пройдет, то будет мило.
Пушкин

Воспоминание есть единственный рай, из которого нас нельзя выгнать; даже праотцы наши не были его лишены.
Жан-Поль

Fille de la douleur, harmonie, harmonie!
Langue que pour l'amour inventa le génie!
Alfred de Musset („Lucie")[1]

Гармонической волною
Льются звуки в душу мне:

---

[1] Дочь страдания, гармония, гармония! Язык, который изобретен гением для любви! *Альфред Мюссе («Люси»)* (франц.). — *Ред.*

Говорят они с душою
О былом, о старине.

Помню: мы за фортепьяно
С ней сидели вечерком;
Помню ночку у фонтана,
Поцелуй в саду густом...

Помню грустное прощанье
В час разлуки роковой;
Помню клятвы, обещанья,
Взор, увлаженный слезой.

Всё теперь как не бывало:
Вот уж замужем она —
И любви не испытала
Так давно душа моя.

Я — старик; воспоминанья
Мне осталися одни:
В дни печали, в дни страданья
Утешенье мне они.

И под звуки фортепьяно
Как забудусь я порой,
Ночь, свиданье у фонтана —
Живо всё передо мной.

Гармонической волною
Льются звуки в душу мне;
Говорят они с душою
О былом, о старине!

<1844>

ЧЕЛНОК

(П<етру> В<ладимировичу> В<еревкин>у)

Leg'an mein Herz dein Köpfchen,
Und fürchte dich nicht zu sehr...[1]

H. Heine

Сядем в челнок мы, малютка,
Сядем и вдаль поплывем;
Видишь высокие скалы...
Ночь мы всю там проведем...

Там, от народа подальше,
Можем свободно вздохнуть;
Тихо кудрявой головкой
Ты мне приникнешь на грудь...

Стану я ей любоваться,
Глазки твои целовать...
Так ли? А месяц и звезды
Будут над нами сиять!

<1844>

МОГИЛА

Листья шумели уныло
Ночью осенней порой;
Гроб опускали в могилу,
Гроб, озаренный луной.

Тихо, без плача, зарыли
И удалились все прочь,
Только луна на могилу
Грустно смотрела всю ночь.

<1844>

---

[1] Положи твою головку на мое сердце и не слишком бойся. *Г. Гейне* (нем.). — *Ред.*

* * *

<М. П. Я—Й>

Люблю стремиться я мечтою
В ту благодатную страну,
Где мирт, поникнув головою,
Лобзает светлую волну;

Где кипарисы величаво
К лазури неба вознеслись,
Где сладкозвучные октавы
Из уст Торкватовых лились;

Где Дант, угрюмый и суровый,
Из ада тени вызывал;
К стопам Лауры свой лавровый
Венец Петрарка повергал;

Где Рафаэль, благоговея,
Изображал мадонны лик;
Из массы мрамора Психею
Кановы мощный перст воздвиг;

Где в час, когда луны сияньем
Залив широкий осребрен
И ароматное дыханье
Льют всюду роза и лимон, —

Скользит таинственно гондола
По влаге зыбкой и немой,
И замирает баркарола,
Как поцелуй, в тиши ночной!..

Где жили вы... Где расцветали
Роскошно-гордою красой!
О, расскажите ж, как мечтали
Вы в стороне волшебной той!

Я вас заслушаюсь... И в очи
Вам устремлю я тихий взгляд —
И небо южной, дивной ночи
Они поэту заменят!..

<1844>

NOTTURNO[1]

Ночь тиха... Едва колышет
Ветер темные листы.
Грудь моя томленьем дышит,
И тоской полны мечты...

Звуки дивные несутся,
Слышу я, в тиши ночной:
То замрут, то вновь польются
Гармонической волной.

Вот вдали между кустами
Свет в окне ее мелькнул...
Как бы жаркими устами
Я к устам ее прильнул!

Ночь бы целую в забвенье
Всё лобзал ее, лобзал...
И слезами упоенья
Грудь младую б обливал...

Но один я... Грустно, скучно!
Огонек в окне погас...
Глухо колокол докучный
Прогудел полночный час...

<1844>

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Ангел светлый, ангел милый!
Ты покинуть хочешь нас —
И летит к тебе унылый
Мой напев в последний раз.

Хочет сердце разорваться;
Взор туманится слезой.
Я молю: налюбоваться
Дай в последний раз тобой!

[1] Ноктюрн (итал.). — *Ред.*

О, явися мне как прежде
У заветного окна,
И отрадна, как надежда,
И прекрасна, как весна!

Позабыв и расставанье,
И тоску грядущих дней,
Погружусь я в созерцанье
Неземной красы твоей.

Налюбуюсь тишиною
Голубых твоих очей,
Золотых кудрей волною,
Бледным мрамором плечей.

Всё напрасно. Ангел милый!
Знать, меня не слышишь ты.
Лишь качаются уныло
На окне твоем цветы...

<1844>

* * *

После грома, после бури,
После тяжких, мрачных дней
Прояснился свод лазури,
Сердцу стало веселей.

Но надолго ль?.. Вот над морем
Тучки новые бегут...
Солнце с тучей, радость с горем
Неразлучно, знать, живут!

<1844>

ДУМА

Как дети иль рабы, преданию послушны,
Как часто в жизни мы бываем равнодушны
К тому, что сердце нам должно бы разрывать,
Что слезы из очей должно бы исторгать.
Мы плакать не хотим, мы не хотим терзаться
И предрассудкам казнь в сомнениях искать;
Не лучше ль слепо им во всем повиноваться,
А в бедствиях судьбу спокойно обвинять!
И, мимо жертв идя шумящею толпою,
Вздыхать и говорить: так велено судьбою!
Когда же совесть вдруг, проснувшись, скажет нам:
«Виновник бед своих — ты, жалкий смертный, сам...
Ты глух, как истукан, на глас мой оставался
И, призрака создав, ему повиновался!» —
Вопль сердца заглушить мы поспешим скорей,
Чтобы не отравить покоя наших дней!
Когда ж среди толпы является порою
Пророк с могучею, великою душою,
С глаголом истины священной на устах, —
Увы, отвержен он! Толпа в его словах
Учения любви и правды не находит...
Ей кажется стыдом речам его внимать,
И, вдохновенный, он когда начнет вещать —
С насмешкой каждый прочь, махнув рукой, отходит.
. . . .

1844

НА ПАМЯТЬ

Когда назло моим желаньям
Нас воля рока разлучит,
Пускай мой стих воспоминанье
В вас о минувшем пробудит;

Напомнит вам о том, кто счастье
Лишь с вами в жизни находил,
Кто вам за дружбу и участье
Любовью искренней платил;

Кто никогда перед толпою
Вам льстивых слов не расточал,
Но, вдохновенный красотою,
Вам тайно стих свой посвящал...

Напомнит всё — и, на досуге
Прочтя заветный ваш альбом,
Вы пожалеете о друге,
Вздохнете, может быть, о нем.

Так нам порой напоминает
Цветок засохший о весне,
Звук песни грустной исторгает
Из глаз слезу о старине.

1844

НА ЗОВ ДРУЗЕЙ

К чему ваш зов, друзья? Тревожною тоскою
Веселый, шумный пир к чему мне отравлять?
В восторженных стихах, за влагой золотою,
Давно уж Вакха я не в силах прославлять!

Не веселит меня разгульное похмелье,
И не кипит во мне отвагой прежней кровь;
Исчезло дней былых безумное веселье,
Иссякла дней былых безумная любовь!

А кажется, давно ль, исполнен упованья,
В грядущее я взор доверчиво вперял,
И чужды были мне сомненья и страданья,
И, простодушный, я о счастье помышлял.

В ужасной наготе еще не представали
Мне бедствия тогда страны моей родной,
И муки братьев дух еще не волновали;
Но ныне он прозрел, и чужд ему покой!

Вхожу ли я порой в палаты золотые,
Где в наслажденьях жизнь проводит сибарит,

Гляжу ль я на дворцы, на храмы вековые, —
Всё мне о вековых страданьях говорит.

Сижу ли окружен шумящею толпою
На пиршестве большом, — мне слышен звук цепей;
И предстает вдали, как призрак, предо мною
Распятый на кресте божественный плебей!..

И стыдно, стыдно мне... От места ликованья,
Взволнован, я бегу под мой смиренный кров;
Но там гнетет меня ничтожества сознанье,
И душу всю тогда я выплакать готов!

Счастлив, кто прожил век без тягостных сомнений,
Кто взоры устремлял с надеждой к небесам;
Но я о счастье том не знаю сожалений
И за него моих страданий не отдам!

О, не зовите ж вы меня — я умоляю, —
Веселые друзья, на шумный праздник ваш:
Уж бога гроздий я давно не прославляю,
И не забыться мне под говор звонких чаш!..

<1845>

NOTTURNO

Я слышу, знакомые звуки
Несутся в ночной тишине —
Былые заснувшие муки
Они пробудили во мне.

Я слышу знакомые звуки,
Я жадно им прежде внимал
И молча на белые руки,
На светлые очи взирал.

Я слышу знакомые звуки,
И сердце стеснилось мое:
Я помню, в минуту разлуки,
Рыдая, я слушал ее.

Я слышу знакомые звуки
И вижу, опять предо мной
По клавишам белые руки
Скользят, серебримы луной...

<1845>

СОСЕД

Скучно, грустно мне; в окошко
Небо серое глядит;
За стеной соседа песня
Вечно грустная звучит.

Кто сосед мой одинокий
И о чем тоскует он?
Иль судьбою прихотливой
Он с подругой разлучен?

Об отчизне ли далекой,
Об отваге ль прошлых дней
Вспоминает он, унылый,
В тесной комнатке своей?

Утомил его, быть может,
Жизни долгий, скучный путь
И, как я, скорей хотел бы
Странник бедный отдохнуть?

Кто б ты ни был, эти звуки
В душу мне отраду льют.
Пой, сосед! .. Но, видно, слезы
Кончить песни не дают.

Вот затих он; и, как прежде,
Всё вокруг меня молчит,
И в окно мое печально
Небо серое глядит.

<1845>

СТРАННИК

> Oh! quand viendra-t-il donc se jour
> que je rêvais,
> Tardif réparateur de tant de jours
> mauvais?
> Jamais, dit la raison...
>
> *H. Moreau*[1]

Всё тихо... Тополи над спящими водами,
Как призраки, стоят, луной озарены;
Усеян свод небес дрожащими звездами,
В глубокий сон поля и лес погружены;

Воздушные струи полны ночной прохладой,
Повеял мне в лицо душистый ветерок...
Уж берег виден стал... и дышит грудь отрадой, —
Быстрей же мчи меня, о легкий мой челнок.

Я вижу, огонек мелькнул между кустами
И яркой полосой ложится на реке;
Скитальца ль ждешь к себе, с томленьем и слезами,
Ты, добрый друг, в своем уютном уголке?

С молитвою ль стоишь пред чистою Мадонной
И слышен шепот твой в полночной тишине;
Иль, может, рвешь листки ты розы благовонной,
Как Гретхен Фауста, гадая обо мне.

Услышав плеск волны, с улыбкой молодою
Ты другу выйдешь ли навстречу в темный грот,
Где, к моему плечу приникнув головою,
Ты говорила мне, бывало: «День придет,

И близок он, когда ни горя, ни страданий
Не будет на земле!» — Нет, он далек, дитя;
И если б знала ты, как много упований,
Прекрасных и святых с тех пор утратил я!

---

[1] Ах, когда же он придет, этот день, о котором я мечтал, запоздалое возмездие за столько мрачных дней? Никогда, говорит рассудок... *Э. Моро* (франц.). — *Ред.*

Ты помнишь ли, как мы с тобою расставались,
Как был я духом бодр, как полон юных сил!
Но вот разлуки дни, как грезы, миновались;
Отчизну и тебя я снова посетил!

И что ж? Утомлена бесплодною борьбою
Уже душа моя. Потух огонь в глазах;
И впала грудь моя, истерзана тоскою,
И не пылает кровь румянцем на щеках.

Я слышал ближних вопль, я видел их мученья,
Я предрассудка власть повсюду находил;
И страшно стало мне! И мрачный дух сомненья,
Ужасный дух, меня впервые посетил!

Бессилие мое гнетет меня всечасно;
Уж холод в сердце мне, я чувствую, проник;
И я спешу к тебе, спешу, мой друг прекрасный,
В объятиях твоих забыться хоть на миг!

Сгустилась ночи тьма над спящими водами,
Повеял мне в лицо душистый ветерок.
Усыпан свод небес дрожащими звездами,
Быстрей же к берегам неси меня, челнок!

<1845>

ЕЕ МНЕ ЖАЛЬ

(Графу Д. А. Толстому)

Дай руку мне... Я понимаю
Твою зловещую печаль
И, полон тайных мук, внимаю
Твоим словам: «*Ее* мне жаль».

Как иногда в реке широкой
Грозой оторванный листок
Несется бледный, одинокой,
Куда влечет его поток, —

Так и она, веленью рока
Всегда покорная, пойдет
Без слез, без жалоб и упрека,
Куда ее он поведет.

В ее груди таится ныне
Любви так много... Боже мой,
Не дай растратить ей в пустыне
Огня, зажженного тобой!

Но этот взор, спокойный, ясный,
Да будет вечно им согрет,
И пусть на зов души прекрасной
Душа другая даст ответ.

Да, верь мне, друг, я понимаю
Твою зловещую печаль
И, полон грусти, повторяю
С тобою сам: «*Ее* мне жаль».

<1845>

* * *

Снова я, раздумья полный,
В книгу прошлого гляжу,
Но страниц, отрадных сердцу,
В ней не много нахожу!

Здесь напрасные стремленья —
Там напрасная любовь,
И сильнее год от году
Холодеет в сердце кровь.

А порой и мне казалось,
Счастье было найдено;
То же горе! Только счастьем
Притворялося оно!

С каждым днем дорога жизни
Всё становится скучней...
И, послушный воле рока,
Вяло я бреду по ней!

Без надежды, без желанья,
Как волна катится вдаль...
Впереди не вижу цели,
И былого мне не жаль!

<1845>

ПЕСНЯ

«Доброй ночи!» — ты сказала,
Подавая руку мне,
И желала много счастья,
Много радостей во сне.

«Пусть до самого рассвета
Снятся милые черты!» —
Улыбаяся лукаво,
Говорила другу ты!

И сбылись твои желанья,
И тебя увидел я!
Всё твои мне снились взоры,
Взоры, полные огня!

Снилось — в комнатке уютной
Мы сидим с тобой вдвоем;
На полу чертит узоры
Месяц палевым лучом.

Ты меня рукой лилейной
Привлекла на грудь свою,
Нежно в очи целовала
И шептала мне: *«люблю!»*

И еще так много снилось...
Что за дивный, сладкий сон!
Пожелай, чтобы со мною
Наяву случился он!..

<1845>

ПЕСНЯ

Выйдем на бéрег; там волны
Ноги нам будут лобзать;
Звезды с таинственной грустью
Будут над нами сиять.

Там ветерок ароматный
Кудри твои разовьет;
Выйдем... Уныло качаясь,
Тополь к себе нас зовет.

В долгом и сладком забвеньи,
Шуму внимая ветвей,
Мы отдохнем от печали,
Мы позабудем людей.

Много они нас терзали,
Мучили много, друг мой:
Те — своей глупой любовью,
Те — бесконечной враждой.

Всё мы забудем, как месяц
В темной лазури блеснет,
Всё — как природе и богу
Гимн соловей запоет!

<1845>

ЛЮБОВЬ ПЕВЦА

На грудь ко мне челом прекрасным,
Молю, склонись, друг верный мой!
Мы хоть на миг в лобзаньи страстном
Найдем забвенье и покой!

А там дай руку — и с тобою
Мы гордо крест наш понесем
И к небесам в борьбе с судьбою
Мольбы о счастье не пошлем...
Блажен, кто жизнь в борьбе кровавой,
В заботах тяжких истощил, —
Как раб ленивый и лукавый,
Талант свой в землю не зарыл!

Страдать за всех, страдать безмерно,
Лишь в муках счастье находить,
Жрецов Ваала лицемерных
Глаголом истины разить,
Провозглашать любви ученье
Повсюду — нищим, богачам —
Удел поэта... Я волнений
За блага мира не отдам.
А ты! В груди твоей мученья
Таятся также, знаю я,
И ждет не чаша наслажденья, —
Фиал отравленный тебя!
Для страсти знойной и глубокой
Ты рождена — и с давних пор
Толпы бессмысленной, жестокой
Тебе не страшен приговор.
И с давних пор, без сожаленья
О глупом счастье дней былых,
Страдаешь ты, одним прощеньем
Платя врагам за злобу их!
О, дай же руку — и с тобою
Мы гордо крест наш понесем
И к небесам в борьбе с судьбою
Мольбы о счастье не пошлем!..

1845

БАЛ

(Отрывок)

Я помню бал. Горели ярко свечи,
И группы пестрые мелькали предо мной.
Я слушал то отрывистые речи,

То Ланнера мотив унылый и простой.
Но слушал их небрежно и зевая,
А взорами ее — одну ее искал.
Где ты, всегда нарядная, живая,
Как мотылек? Тебя давно я не видал,
Но все к тебе мои неслися думы,
Тобой и в этот миг они еще полны;
И жду тебя, усталый и угрюмый,
Я, как природа ждет дыхания весны!
И длился скучный бал до поздней ночи,
Я покидал его с досадою немой,
Но вдруг ее лазуревые очи,
Как будто две звезды, зажглися предо мной.
И увидал я вновь, отрады полный,
И плечи белые, как первый снег полей,
И смоляных волос густые волны,
И легкий стройный стан красавицы моей.
Но на щеках нет прежнего румянца...
Ты улыбаешься сквозь слезы? Ты грустна?
Устала ль ты, кружася в вихре танца,
Иль скорбь на дне души твоей затаена?
Ужель и ты обманута мечтами
И на страдания судьбой обречена?..
Вот руку мне дрожащими руками
Схватив, «Я замужем», — произнесла она;
А грудь ее высоко волновалась,
И томный взор горел болезненным огнем;
И мука в этом взоре отражалась,
Как отражалось в дни былые счастье в нем.
И я поник в раздумье головою;
Сначала речь завесть о прошлом был готов,
Но, удручен тяжелою тоскою,
Остался, будто тень, и мрачен и без слов.

Я помню бал, горели ярко свечи...
За пестрою толпой следил я в стороне.
Но не искал мой взор отрадной встречи, —
Я никого не ждал, и скучно было мне.
Вдруг Ланнера послышались мне звуки —
Унылый вальс! Знаком он сердцу с давних дней,
И вспомнил я любви тревожной муки,

Я вспомнил блеск давно угаснувших очей!
Да! как листок, весною пожелтелый,
На утре дней и ты увяла, ангел мой;
И видел я, как ты в одежде белой,
В венке из белых роз лежала под парчой...
. . . .
Я вспомнил всё... А музыка гремела,
И пестрая толпа кружилась предо мной!

1845

* * *

Когда я в зале многолюдном,
Тревогой тайною томим,
Внимаю Штрауса звукам чудным,
То полным грусти, то живым;
Когда пестреет предо мною
Толпа при свете ярких свеч;
И вот, улыбкой молодою
И белизной прозрачных плеч
Блистая, ты ко мне подходишь,
В меня вперяя долгий взор,
И разговор со мной заводишь,
Летучий, бальный разговор...
О, отчего так грустно, больно
Мне станет вдруг?.. Тебе едва
Я отвечаю, и невольно
На грудь клонится голова.
И всё мне кажется, судьбою
На муки ты обречена,
Что будет тяжкою борьбою
И эта грудь изнурена;
Что взор горит огнем страданья,
Слезу напрасно затая;
Что безотрадное рыданье
За смехом звонким слышу я!
И жаль мне, жаль тебя — и слезы
Готовы кануть из очей...
Но это всё больные грезы
Души расстроенной моей!
Прости мне, друг; не зная скуки,

Забыв пророческую речь,
Кружись, порхай под эти звуки
При ярком свете бальных свеч!

1845

ГИДАЛЬГО

Полночь. Улицы Мадрида
И безлюдны и темны.
Не звучат шаги о плиты,
И балконы не облиты
Светом палевым луны.

Ароматом ветер дышит,
Зелень темную ветвей
Он едва-едва колышет...
И никто нас не услышит,
О сестра души моей!

Завернись в свой плащ атласный
И в аллею выходи.
Муж заснул... Боязнь напрасна.
Отдохнешь ты безопасно
У гидальго на груди.

Иль как червь до утра гложет
Ревность сердце старика?..
Если сны его встревожат,
Шпага острая поможет, —
Не дрожит моя рука!

Поклялся твоей красою
Мстить я мужу твоему...
Не владеть ему тобою!
Знаю я: ты злой семьею
Продана была ему!

Выходи же на свиданье,
Донья чудная моя!
Ночь полна благоуханья,
И давно твои лобзанья
Жду под сенью миртов я!..

1845

ЭЛЕГИЯ

(На мотив одного французского поэта)

Да, я люблю тебя, прелестное созданье,
Как бледную звезду в вечерних облаках,
Как розы аромат, как ветерка дыханье,
Как грустной песни звук на дремлющих водах;

Как грезы я люблю, как сладкое забвенье
Под шепот тростника на береге морском, —
Без ревности, без слез, без жажды упоенья;
Любовь моя к тебе — мечтанье о былом...

Гляжу ль я на тебя, прошедшие волненья
Приходят мне на ум, забытая любовь,
И всё, что так давно осмеяно сомненьем,
Что им заменено, что не вернется вновь.

Мне не дано в удел беспечно наслаждаться:
Передо мной лежит далекий, скорбный путь;
И я спешу, дитя, тобой налюбоваться,
Хотя на миг душой от скорби отдохнуть.

<1846>

СОН

(Отрывок из неоконченной поэмы)

> La terre est triste et desséchée; mais elle reverdira. L'haleine du méchant ne passera pas éternellement sur elle comme un souffle qui brûle.
>
> *„Paroles d'un crovant"*

. . . .
Истерзанный тоской, усталостью томим,
Я отдохнуть прилег под явором густым.

---

[1] Земля печальна и иссушена зноем; но она зазеленеет вновь. Дыханье зла не вечно будет веять над нею палящим дуновеньем. *«Слова верующего»* (франц.). — *Ред.*

Двурогая луна, как серп жнеца кривой,
В лазурной вышине сияла надо мной.

Молчало всё кругом... Прозрачна и ясна,
Лишь о скалу порой дробилася волна.

В раздумье слушал я унылый моря гул,
Но скоро сон глаза усталые сомкнул.

И вдруг явилась мне, прекрасна и светла,
Богиня, что меня пророком избрала.

Чело зеленый мирт венчал листами ей,
И падал по плечам златистый шелк кудрей.

Огнем любви святой был взор ее согрет,
И разливал на всё он теплоту и свет.

Благоговенья полн, лежал недвижим я
И ждал священных слов, дыханье притая.

Но вот она ко мне склонилась и рукой
Коснулася слегка груди моей больной.

И наконец уста разверзлися ее,
И вот что услыхал тогда я от нее:

«Страданьем и тоской твоя томится грудь,
А пред тобой лежит еще далекий путь.

Скажу ль я, что тебя в твоей отчизне ждет?
Подымет на тебя каменья твой народ

За то, что обвинишь могучим словом ты
Рабов греха, рабов постыдной суеты!

За то, что возвестишь ты мщенья грозный час
Тому, кто в тине зла и праздности погряз!

Чье сердце не смущал гонимых братьев стон,
Кому законом был отцов его закон!

Но не страшися их! И знай, что я с тобой,
И камни пролетят над гордой головой.

В цепях ли будешь ты, не унывай и верь,
Я отопру сама темницы мрачной дверь.

И снова ты пойдешь, избранный мной левит,
И в мире голос твой не даром прозвучит.

Зерно любви в сердца глубоко западет;
Придет пора, и даст оно роскошный плод.

И человеку той поры недолго ждать,
Недолго будет он томиться и страдать.

Воскреснет к жизни мир... Смотри, уж правды луч
Прозревшим пламенем сверкает из-за туч!

Иди же, веры полн... И на груди моей
Ты скоро отдохнешь от муки и скорбей».

Сказала... И потом сокрылася она,
И пробудился я, взволнованный, от сна.

И Истине святой, исполнен новых сил,
Я дал обет служить, как прежде ей служил.

Мой падший дух восстал... И утесненным вновь
Я возвещать пошел свободу и любовь...

<1846>

ПОЭТУ

Le poète doit être un protestant sublime
Du droit et de l'humanité.

A. Barbier[1]

Кто не страдал святым страданьем,
Кто горьких слез не проливал,
Томимый тщетным ожиданьем

[1] Поэт должен быть возвышенным мятежником во имя права и человечности. *О. Барбье* (франц.). — *Ред.*

Увидеть вечный идеал;
Кто на покой и наслажденья
Души тревоги променял;
В пророков истины каменья
В угодность черни кто бросал;
Кто равнодушно видел муки,
Стон слышал брата своего
И в ком цепей тяжелых звуки
Не пробуждали ничего;
Кто сам, преданья раб послушный,
Готов оковы был носить
И вопли сердца малодушно
В забавах света заглушить, —
Тот не поймет твоих созданий,
Любовью дышащих святой,
И в жизнь иную упований
Не разделить ему с тобой!
И много их в толпе найдется,
Злых, фарисеев и глупцов,
Живущих мыслями отцов,
В ком речь твоя не отзовется;
Но ты иди прямой дорогой,
Привычной, смелою стопой;
Когда в душе сокровищ много,
Не расточай их пред толпой;
Но будь гонимых утешитель,
Врагам озлобленным прости
И верь, что встретишь, как Спаситель,
Учеников ты на пути.

Но будет время... пронесутся
Дни бедствий, горя и тревог;
Жрецы Ваала ужаснутся,
Когда восстанет правды бог!
Навеки в мире водворится
Священной истины закон,
И гордых власть пред ним смирится,
И смолкнет ненависть племен.
. . . .
. . . .

Да, верь: любви и примиренья
Пора желанная придет,
И мир, прозрев, твое ученье
Тогда великим назовет.

<1846>

ПРОСТИ

Прости, прости, настало время!
Расстаться должно нам с тобой;
Белеет парус мой, и звезды
Зажглися в тверди голубой.

О, дай усталой головою
Еще на грудь твою прилечь,
В последний раз облить слезами
И шелк волос, и мрамор плеч!

А там расстанемся надолго...
Когда же мы сойдемся вновь,
Дитя! в сердцах, быть может, холод
Заменит прежнюю любовь!

Быть может, дерзко всё былое
Тогда мы вместе осмеем,
Хотя украдкой друг от друга
Слезу невольную прольем...

Прости же, друг! Полна печали
Душа моя... Но час настал,
И в путь нетерпеливым плеском
Зовет меня сребристый вал...

<1846>

ПЕВИЦЕ

(Виардо Гарсии)

> Fille de la douleur, harmonie, harmonie, —
> Langue que pour l'amour inventu le génie,
> Qui nous vint d'Italie et qui lui vint des cieux.
>
> *Alfred Musset*[1]

Нет! не забыть мне вас, пленительные звуки,
Как первых сладких слез любви мне не забыть!
Когда внимал я вам, в груди смирялись муки,
И снова был готов я верить и любить!
Мне не забыть *ее*... То жрицей вдохновенной,
Широколиственным покрытая венком,
Она являлась мне... и пела гимн священный,
А взор ее горел божественным огнем...
То бледный образ в ней я видел Десдемоны,
Когда она, склонясь над арфой золотой,
Об иве пела песнь... и прерывали стоны
Унылый перелив старинной песни той.
Как глубоко она постигла, изучила
Того, кто знал людей и тайны их сердец;
И если бы восстал великий из могилы,
Он на чело ее надел бы свой венец.
Порой являлась мне Розина молодая
И страстная, как ночь страны ее родной...
И, голосу ее волшебному внимая,
В тот благодатный край стремился я душой,
Где всё чарует слух, всё восхищает взоры,
Где вечной синевой блистает неба свод,
Где свищут соловьи на ветвях сикоморы
И кипариса тень дрожит на глади вод!
И грудь моя, полна святого наслажденья,
Восторга чистого, вздымалась высоко,
И отлетали прочь тревожные сомненья,
И было на душе спокойно и легко.

---

[1] Дочь страдания — гармония, гармония! Язык, который гением изобретен для любви, дар, который мы получили от Италии, а она — от неба. *Альфред Мюссе* (франц.). — *Ред.*

Как друга после дней томительной разлуки,
Готов я был весь мир в объятья заключить...
О! не забыть мне вас, пленительные звуки,
Как первых сладких слез любви мне не забыть!

<1846>

* * *

Страдал он в жизни много, много,
Но сожаленья не просил
У ближних, так же как у бога,
И гордо зло переносил.

А было время — и сомненья
Свои другим он поверял,
Но тщетно... бедный не слыхал
От брата слова утешенья!

Ему сказали: «Молод ты,
Остынет жар в крови с летами,
Исчезнут пылкие мечты...
Так точно было прежде с нами!»

Но простодушно верил он,
Что не напрасны те стремленья,
И прозревал он в отдаленьи
Священной истины закон.

Ему твердили с укоризной,
Что не любил он край родной;
Он мир считал своей отчизной
И человечество — семьей!

И ту семью любил он страстно
И для ее грядущих благ
Истратить был готов всечасно
Избыток юных сил в трудах.

Но он любимым упованьям
Пределы всюду находил

Алексей Николаевич Плещеев. Родился 22 ноября 1825 года. —

Вперед! без страха и сомненья
На подвиг доблестный друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я.

Смелей! Дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед.
И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет.

Пусть нам звездою путеводной
Святая истина горит,
И верьте голос благородный
Не даром в мире прозвучит!

1880.
марта 8

А. Плещеев

В стране рабов слепых преданья,
И жажды дел не утолил!

И умер он в борьбе бесплодной,
Никто его не разгадал;
Никто порывов не узнал
Души любя́щей, благородной...

Считали все его пустым,
И только юность пожалели;
Когда ж холодный труп отпели,
Рыданья не было над ним.

Над свежей юноши могилой
Теперь березы лишь шумят
Да утром пасмурным звучат
Напевы иволги унылой...

<1846>

* * *

Вперед! без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я!

Смелей! Дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед.
И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет.

Жрецов греха и лжи мы будем
Глаголом истины карать,
И спящих мы от сна разбудим,
И поведем на битву рать!

Не сотворим себе кумира
Ни на земле, ни в небесах;
За все дары и блага мира
Мы не падем пред ним во прах!..

Провозглашать любви ученье
Мы будем нищим, богачам,
И за него снесем гоненье,
Простив безумным палачам!

Блажен, кто жизнь в борьбе кровавой,
В заботах тяжких истощил;
Как раб ленивый и лукавый,
Талант свой в землю не зарыл!

Пусть нам звездою путеводной
Святая истина горит;
И верьте, голос благородный
Не даром в мире прозвучит!

Внемлите ж, братья, слову брата,
Пока мы полны юных сил:
Вперед, вперед, и без возврата,
Что б рок вдали нам ни сулил!

<1846>

НАПЕВ

О, отчего полна томленья
И странных грез душа моя,
Когда в тиши уединенья
Напев знакомый слышу я?

Не будят в сердце эти звуки
Печали, смолкнувшей давно,
Ни мук любви, ни слез разлуки
Им воскресить не суждено.

Но я люблю твой глас призывный,
Напев далекой стороны,
Как ропот моря заунывный
В часы вечерней тишины...

<1846>

ОТВЕТ

Мы близки друг другу... Я знаю,
Но чужды по духу... Любви
Давно я к тебе не питаю,
И холодны речи мои...

Не в силах я лгать пред тобою,
А правда страшна для тебя...
К чему же бесплодной борьбою
Всечасно терзать нам себя?

В кумирах мне бога не видеть,
Пред ними чела не склонить!
Мне всё суждено ненавидеть,
Что рабски привыкла ты чтить!

«Кто истине, верный призванью,
Себя безвозвратно обрек,
И дом и семью без роптанья
Оставит», — сказал нам пророк...

О, верь мне, напрасны упреки:
Расстаться нам должно с тобой...
Любви мы друг к другу далеки,
Друг друга мы чужды душой!..

<1846>

* * *

1

Случайно мы сошлися с вами
И вот расстанемся опять.
Вы под чужими небесами
Красою будете пленять
То итальянцев смуглолицых,
То жизни полных парижан,
Холодной северной столицы
Забыв и скуку и туман!

Как не забыть, когда пред вами,
Блестя лазурными волнами,
Залив широкий зашумит
И кипарис вас осенит
Своими темными ветвями...
В сиянье лунном Колизей,
Свидетель Рима славных дней,
Предстанет гордый, величавый...
Польются Тассовы октавы,
Засвищет южный соловей...
Иль под окном вам серенаду
Влюбленный юноша споет, —
Всё незнакомую отраду,
Блаженство в душу вам прольет!
И заживете вы привольно
Вдали от русской стороны!
А я?.. Досадно мне и больно!
И жаль мне, жаль вас, как весны...
Да! как весна, вы согревали,
Живили сердце мне порой...
Сомненья прочь вы отгоняли,
Вы путеводною звездой
В пустыне жизни мне сияли...
И был я счастлив... Пустота
Меня, как прежде, не томила,
И прихотливая мечта
В грядущем что-то мне сулила...

2

Но знают все, и с давних пор,
Что у судьбы обыкновенье —
Заветным нашим помышленьям
Идти всегда наперекор;
И вот уж близкий час разлуки
Вы мне пророчите, и вас
Молю я: дайте ваши руки
К губам прижать в последний раз!
Еще на миг до расставанья
У ваших ног забудусь я,
А там от муки и рыданья
Пусть разорвется грудь моя!

3

Но всё не верю я... Скажите,
Ужель расстаться должно нам?
А если должно — обманите:
Поверю вашим я словам.
И оживу я, обольщенный
Надеждой ложной... Так порой,
Путем далеким утомленный,
В степи широкой и пустой,
С ее зыбучими песками,
Находит пальму пилигрим,
И под тенистыми ветвями
Ложится он, и перед ним
Встают знакомые картины:
Он видит пестрые равнины,
Он видит горы и леса,
Луга, покрытые стадами,
И, отраженные водами,
Его родные небеса!
Он весел, счастлив, сердце бьется,
Струятся слезы по щекам;
Но гром в пустыне раздается...
Очнулся путник... и глазам
Предстала та же степь немая
И тот же ровный длинный путь,
И смотрит он кругом, вздыхая...
Тоска ему сжимает грудь;
А пальма стройная листами,
Над ним качаяся, шумит,
И он дрожащими устами
Ее за сон благодарит...

<1846>

ЗВУКИ

Не умолкай, не умолкай!
Отрадны сердцу эти звуки;
Хоть на единый миг пускай
В груди больной задремлют муки.

Волненья прошлых, давних дней
Мне песнь твоя напоминает;
И льются слезы из очей,
И сладко сердце замирает...

И мнится мне, что слышу я
Знакомый голос, сердцу милый;
Бывало, он влечет меня
К себе какой-то чудной силой;

И будто снова предо мной
Спокойный, тихий взор сияет
И душу сладостной тоской,
Тоской блаженства наполняет...

Так пой же! Легче дышит грудь,
И стихли в ней сомненья муки...
О, если б мог когда-нибудь
Я умереть под эти звуки!

<1846>

* * *

1

«К чему мечтать о том, что *после* будет
с нами,
О том, чего уму постигнуть не дано...
Хоть часто тернии здесь смешаны с цветами,
Но всё ж земную жизнь бесславить вам грешно.
Отрадного и в ней, поверьте, много, много...
Смотрите: гром затих, и ясен свод небес...
И тучи прочь бегут лазурною дорогой,
И шепчет им вослед привет прощальный лес.
Смотрите, как луга вокруг благоухают,
Упитана дождем зеленая трава,
И легкий ветерок с волной реки играет,
И рожь златистая колышется едва...
Прекрасен этот мир! Возможно наслажденье!
К чему ж о гробе нам всечасно говорить...

Здесь ласки жен и дев, и страсти упоенья,
Здесь сердце может всё, что хочет, полюбить!»

2

Да! Этот мир хорош; но право наслаждаться
Даровано ли всем могучею судьбой?..
Здесь узники вдали от родины томятся,
Там в рубище бедняк с протянутой рукой.
Тот солнечных лучей напрасно ищет взором, —
Не заглянут они в окно тюрьмы его...
Другой на небеса глядит с немым укором, —
От зноя отдохнуть нет крова у него!
Не для него красы улыбка молодая,
Его трудов другим всегда назначен плод.
Под тяжким бременем нужды изнемогая,
Прекрасным этот мир бедняк не назовет!..
Но пред лицом творца равны его созданья —
И *там* найдет бедняк за муки воздаянья!

3

Да, верю, верю я, что все пред ним равны...
Но люди не для мук — для счастья рождены!
И сами создали себе они мученья,
Забыв, что на кресте пророк им завещал
Свободы, равенства и братства идеал
И за него велел переносить гоненья.

<1846>

ВСТРЕЧА

(А. П. Я — вой)

Я встретил вас, и пробудилось
Воспоминанье прошлых дней
В душе безрадостной моей.
И сердце сильно так забилось,
И вновь огнем зажегся взор.
О! верьте, верьте мне — с тех пор,
Как разлучился с вами я,

Тянулась глупо жизнь моя,
Однообразна, без волнений;
Мой ровный путь меня томил,
Искал я всюду наслаждений
И всюду скуку находил.
Но вот явились вы — и снова
Любить и веровать готова
Душа воскресшая моя!

Но странно вам, как взор суровый,
Как гордый ваш полупоклон,
Как будто ласковое слово,
Отрадны мне. . . я вам смешон?
О нет! признайтесь: вид надменный
Врагу прощение таил!
Я всё прочел, когда, смиренный,
Вам в очи взоры устремил!

Гнев не пристал — все скажут это —
Прекрасным ангела чертам,
Как лавры нынешним поэтам,
Как желтый лист к березе летом,
Как туча южным небесам!
Подайте ж руку примиренья,
Сам бог велел прощать врагам,
А вы с таким благоговеньем,
Так часто ходите во храм!

Иль приговора вы страшитесь
Вас окружающих людей;
Иль разорвать вы не решитесь
Приличья светского цепей?
Носите их! пока сомненье
Не взволновало вашу грудь!
Минует время ослепленья,
Захочет сердце отдохнуть,
Тогда, с невольною тоскою
На дни былые бросив взгляд,
Вы друга вспомните порою. . .
Или врага — я виноват!

<1846>

* * *

По чувствам братья мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба,
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.

Когда ж пробьет желанный час
И встанут спящие народы —
Святое воинство свободы
В своих рядах увидит нас.

Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется,
И, верно, отзыв в нем найдется
На неподкупный голос мой.

<1846>

* * *

Когда увижу я нежданно погребенье
И мыслю, что собрат, земной покинув пир,
От жизненных трудов найдя успокоенье,
Сокрылся навсегда в неведомый нам мир,
Тогда опустятся невольно руки долу,
И дух мятежный мой смирится и молчит,
И скорбная душа к отца небес престолу,
Безмолвствуя, в мольбе, но с трепетом летит.
В тот миг душа свята, она чужда земного,
Она так далека всех жизненных сует,
И у подножия престола всеблагого
За милость и покров дает ему обет:
На жизненном пути нездешних наслаждений
Искать, и требовать, и помнить смертный час,
Для неба на земле, средь горя и мучений,
Прожить всегда в добре, для ближнего трудясь.
Но человека здесь мир суетный тревожит,
Тяжел обет души!.. Его он позабыл,
Без вздорных радостей он в мире жить не может
И всё, живя, грешит, как прежде он грешил.

Как дети в жизни мы достойны сожаленья!
Нас надо не учить, а только забавлять.
Ребенок закричал, заплакал, в утешенье
Ему торопится подать игрушку мать.
Его утешили на время, хорошо ли?
Не лучше было бы ребенка наказать;
В нем нет еще ума — в нем есть желанье воли,
И им руководить должны отец и мать!..

<1847>

* * *

Как испанская мушка, тоска
Легла мне на сердце, и в споре
С сердитой судьбой, как треска
Шотландская, высох я вскоре...
С тех пор я таскаюсь едва.
Увы! говорить ли и петь ли
Начну я — страдальца слова
Скрипят, будто ржавые петли...
А по небу ходит луна;
В толкучий несут груду хлама,
Испанка сидит у окна,
И грудь моя взрыта, как яма...

<1847>

НОВЫЙ ГОД

(Кантата с итальянского)

Голос

Слышны клики — поздравленья,
Хрусталя заздравный звон.
Ближе час освобожденья,
Ближе истины закон!

Хор

Год еще мы отстрадали,
Изнуренные борьбой,

Тщетно руки простирали
К небу с теплою мольбой.

Тщетны, тщетны все моленья!
Правды бог не восстает.
Тяжко нам! Зерно сомненья
Каждый день в груди растет.

Голос

О, к чему, к чему роптанье!
Искупленья близок час.
Дух лукавый отрицанья
Да отыдет прочь от вас!

Дни тревог и горя, братья,
Пролетят, как смутный сон.
Уж гремят врагам проклятья —
Слышу я — со всех сторон.

Близок час последней битвы!
Смело двинемся вперед —
И услышит бог молитвы,
И оковы разобьет.

1848

* * *

Еще один великий голос смолк,
Правдивый голос обличенья!
Но где же слезы сожаленья?
Лишь дети лжи, поднявши буйный толк,
Глумятся над великой тенью.

Давно ль он словом пламенным карал
Тебя, изнеженное племя!
Давно ль любви и правды семя
В сердца людей так щедро он бросал?
Иль позабыто это время?

Недолго волновала вас
Тех слов пророческая сила;
Дымятся снова злу кадила;
И всё, о чем вещал пророка глас,
Корысть и пошлость поглотила!

Но день придет — и стихнет клевета,
И вместо криков озлобленья,
В тот день великий возрожденья,
Услышит дух поборника Христа
Толпы людской благословенья!

<1852>

ПРИ ПОСЫЛКЕ РАФАЭЛЕВОЙ МАДОННЫ

Окружи счастием счастья достойную,
Дай ей сопутников, полных внимания;
Молодость светлую, старость спокойную,
Сердцу незлобному мир упования!

М. Лермонтов

В часы тяжелых дум, в часы разуверенья,
Когда находим жизнь мы скучной и пустой
И дух слабеет наш под бременем сомненья,
Нам нужен образец терпения святой.

А если те часы печали неизбежны
И суждено вам их в грядущем испытать,
Быть может, этот лик, спокойный, безмятежный,
Вам возвратит тогда и мир и благодать!

Вы обретете вновь всю силу упованья,
И теплую мольбу произнесут уста,
Когда предстанет вам Рафáэля созданье,
Мадонна чистая, обнявшая Христа!

Не гасла вера в ней и сердце не роптало,
Но к небу мысль всегда была устремлена;
О, будьте же и вы — что б вас ни ожидало —
Исполнены любви и веры, как она!

Да не смущает вас душевная тревога;
Да не утратите средь жизненного зла,
Как не утратила святая матерь бога,
Вы сердца чистоты и ясности чела.

<Февраль 1853>

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

(Л. З. Д<андевиль> — при посылке моих стихов)

Опять весна! Опять далекий путь!
В душе моей тревожное сомненье;
Невольный страх мою сжимает грудь:
Засветится ль заря освобожденья?
Велит ли бог от горя отдохнуть,
Иль роковой, губительный свинец
Положит всем стремлениям конец?

Грядущее ответа не дает...
И я иду, покорный воле рока,
Куда меня звезда моя ведет...
В пустынный край, под небеса Востока!
И лишь молю, чтоб памятен я был
Немногим тем, кого я здесь любил...
О, верьте мне, вы первая из них!

Я забывал при вас тоску изгнанья.
Вам и теперь мой безыскусный стих,
Как сердца дань, я шлю на расставанье.
Пусть иногда в раздумья тихий час
Он обо мне заставит вспомнить вас.

И может быть, вы дружеский привет
Пошлете мне, исполнены участья,
Чтоб, лаской той утешен и согрет,
Мой дух не мог утратить веры в счастье...
Так на чужбине пленнику порой
Отрадна песнь страны его родной!

Весна 1853

ВЕСНА

> Und Freud' und Wonne
> Aus jeder Brust!
> O Erd', o Sonne!
> O Glück, o Lust! [1]
>
> *Гете*

В старый сад выхожу я, росинки
Как алмазы на листьях горят;
И цветы мне головкой кивают,
Разливая кругом аромат.

Всё влечет, веселит мои взоры:
Золотая пчела на цветке,
Разноцветные бабочки крылья
И прыжки воробья на песке.

Как ярка эта зелень деревьев!
Купол неба так чист и глубок!
И брожу я, восторгом объятый,
И слеза застилает зрачок.

За оградой садовой чернеет
Полоса взбороненной земли,
И покрытые соснами горы
Поднимаются к небу вдали.

Как любовью и радостью дышит
Вся природа под вешним лучом,
И душа благодарная чует
Здесь присутствие бога во всем!

Снова крепнут дремавшие силы;
Новой жизни приходит пора,
И становится всё так возможным,
Что мечтою казалось вчера!

---

[1] И радость и блаженство в каждой груди! О земля, о солнце! О счастье, о веселье! (нем.). — *Ред.*

Как прекрасна весна! Миллионы
Ей навстречу звучат голосов,
И в моем воскресающем сердце
Ей привет вдохновенный готов!

1853

ПОСЛЕ ЧТЕНИЯ ГАЗЕТ

Мне тяжело читать кровавые страницы,
Что нам о племенных раздорах говорят,
Как тяжело смотреть на сумрачные лица
Семьи, где издавна господствует разлад.

Отчизну я люблю глубоко и желаю
Всей полнотой души цвести и крепнуть ей,
Но к племенам чужим вражды я не питаю,
Ей места нет в душе незлобивой моей.

Рассказ о подвигах на поле грозной битвы
Восторгом пламенным мне не волнует кровь;
И к небесам я шлю горячие молитвы,
Чтоб низошла в сердца озлобленных любовь.

Чтоб миновали дни тревог, ожесточенья,
Чтоб, позабыв вражду и ненависть свою,
Покорные Христа высокому ученью,
Все племена слились в единую семью!

1854

С.......У

Перед тобой лежит широкий новый путь.
Прими же мой привет, не громкий, но сердечный;
Да будет, как была, твоя согрета грудь
Любовью к ближнему, любовью к правде вечной.

Да не утратишь ты в борьбе со злом упорной
Всего, чем нынче так душа твоя полна,

И веры и любви светильник животворный
Да не зальет в тебе житейская волна.

Подъяв чело, иди бестрепетной стопою;
Иди, храня в душе свой чистый идеал,
На слезы страждущих ответствуя слезою
И ободряя тех, в борьбе кто духом пал.

И если в старости, в раздумья час печальный,
Ты скажешь: в мире я оставил добрый след,
И встретить я могу спокойно миг прощальный, —
Ты будешь счастлив, друг: иного счастья нет!

1855

В СТЕПИ

Так скоро, может быть, покинуть должен я,
О степь унылая, простор твой необъятный;
Но вместо радости зачем душа моя
Полна какою-то тоскою непонятной?

Жалею ль я чего? Или в краю ином
Грядущее сулит мне мало утешенья?
И побреду я вновь знакомым мне путем,
Путем забот, печалей и лишенья.

Как часто у судьбы я допросить хотел,
Какую пристань мне она готовит...
Зачем неравный бой достался мне в удел,
Зачем она моим надеждам прекословит?

Ответа не было. Напрасно я искал,
Куда б усталою приникнуть головою...
Не видно пристани... И счастья идеал
Уж я давно зову ребяческой мечтою!..

Но пусть без радостей мои проходят дни...
Когда б осталось мне отрадное сознанье,
Что к благу ближнего направлены они,
Я б заглушил в себе безумное роптанье;

Но нет, еще ничьих не утирал я слез
И сердца голосу был часто непослушен;
Я утешения несчастным не принес,
И слаб я был, и горд, и малодушен.

И жаль мне, что я жизнь покину без следа,
Как покидаю край печального изгнанья,
Что ни единый друг от сердца никогда
Не сжал руки моей в минуту расставанья.

Между маем и ноябрем 1856

РАЗДУМЬЕ

Дни скорби и тревог, дни горького сомненья,
Тоски болезненной и безотрадных дум,
Когда ж минуете? Иль тщетно возрожденья
Так страстно сердце ждет, так сильно жаждет ум?

Не вижу я вокруг отрадного рассвета;
Повсюду ночь да ночь, куда ни бросишь взор.
Исчезли без следа мои младые лета,
Как в зимних небесах сверкнувший метеор.

Как мало радостей они мне подарили,
Как скоро светлые рассеялись мечты!
Морозы ранние безжалостно побили
Беспечной юности любимые цветы.

И чистых помыслов, и жарких упований
На жизненном пути растратил много я;
Но средь неравных битв, средь тяжких испытаний
Что ж обрела взамен всех грез душа моя?

Увы! лишь жалкое в себе разуверенье
Да убеждение в бесплодности борьбы,
Да мысль, что ни одно правдивое стремленье
Ждать не должно себе пощады от судьбы.

И даже ты моим призывам изменила,
Друзей свободная и шумная семья!

Привета братского живительная сила
Мне не врачует дух в тревогах бытия.

Но пусть ничем душа больная не согрета,
А с жизнью все-таки расстаться было б жаль,
И хоть не вижу я отрадного рассвета —
Еще невольно взор с надеждой смотрит вдаль.

1856

* * *

Не говорите, что напрасно,
Что для бесплодной лишь борьбы
Стремлений чистых и прекрасных
Дано вам столько от судьбы.

Что всё, чем полно сердце ныне,
Подавит жизни тяжкий гнет;
Что всё растратится в пустыне,
Что дать могло бы цвет и плод.

К чему напрасные сомненья!
Идите смелою стопой;
Вы не из тех, в ком увлеченья
С летами гаснет жар святой.

Пусть дух изведает страданье,
В борьбе пусть будет закален;
И из горнила испытанья
И чист и крепок выйдет он.

Храните ж чистые химеры
Души возвышенной своей,
И животворный пламень веры
Пусть до конца не гаснет в ней!

<1856>

* * *

О, если б знали вы, друзья моей весны,
Прекрасных грез моих, порывов благородных,
Какой мучительной тоской отравлены
Проходят дни мои в волнениях бесплодных!

Былое предо мной как призрак восстает,
И тайный голос мне твердит укор правдивый;
Чего убить не мог суровой жизни гнет,
Зарыл я в землю сам, — зарыл, как раб ленивый.

Душе была дана любовь от бога в дар,
И отличать дано добро от зла уменье;
На что же тратил я священный сердца жар,
Упорно ль к цели шел во имя убежденья?

Я заключал не раз со злом постыдный мир
И пренебрег труда спасительной дорогой,
Не простирал руки тому, кто наг и сир,
И оставался глух к призывам правды строгой.

О, больно, больно мне!!! Скорбит душа моя,
Казнит меня палач неумолимый — совесть;
И в книге прошлого с стыдом читаю я
Погибшей без следа, бесплодной жизни повесть.

1856

ЛИСТОК ИЗ ДНЕВНИКА

Elle était de ce monde où les plus belles choses
Ont le pire destin,
Et, rose, elle a vécu ce que vivent les roses,
L'espace d'un matin. [1]

Средь жизни будничной, ее тревог докучных,
Незримых, тайных битв, с той жизнью
неразлучных,

[1] Она жила в том мире, где всё прекрасное постигает самая жестокая участь, и, роза, она прожила столько, сколько живут розы, — одно утро (франц.). — *Ред.*

Воспоминание лелею я одно,
И сладко так душе и горестно оно.

Я помню, в дальний край гнала меня неволя, —
Судьбы игрушкой быть куда плохая доля!
Так мудрено ль, что злость мне волновала грудь
И что казался мне невыносим мой путь?
Хоть город тот, что мне покинуть предстояло,
Для сердца моего и не был мил нимало,
Но привыкает скоро русский человек:
Где месяц проживет, как будто прожил век,
Притом же иногда меж чопорных педантов,
Меж сплетниц набожных, самодовольных франтов,
Заброшено судьбой, как перл в песке морском,
Найдется существо и с чувством и с умом;
Согреет вас его приветливое слово,
И вы на остальных махнуть рукой готовы.
Так было и со мной: я помню ясный взор,
Улыбку добрую, веселый разговор,
Что от меня вражду, сомненье и печали —
Как духов утра свет — внезапно отгоняли.
С кудрявым мальчиком, с нарядным мотыльком
Я не сравню ее плохим своим стихом;
Но жаль мне, что она не встретила поэта:
Не подарил бы он другой сравненье это.
Красавицей она назваться не могла,
Но детской резвостью, но ясностью чела
Она влекла к себе с неодолимой силой;
И тот, кого она приветом вскользь дарила,
Хотя б под бурями житейскими поник,
Душою воскресал и весел был на миг.
Любуясь милою головкою, бывало,
Я рад был, что судьба ее так баловала,
Что жаль ее судьбе; что от тревог и зла
Она щадит ее: печаль бы к ней не шла...

Итак, я уезжал. На долгую разлуку
Еще пришел я раз пожать ей братски руку;
Хотел ей высказать, что там, в глуши степей,
С любовью буду я воспоминать о ней;
Что днями светлыми я ей одной обязан,
Что к ней останусь я душой навек привязан,

И много кой-чего сказать еще хотел;
Но слов не находил и как немой сидел.
И лучше, может быть! Мой вздор сентиментальный
Мог рассмешить ее, пожалуй, в час прощальный!
«Мы с вами свидимся, я знаю, через год,
Вас участь лучшая в краю далеком ждет», —

Она сказала мне с своей улыбкой ясной.
Как солнечным лучам в осенний день ненастный,
Я рад улыбке был; словам поверил я,
И дальний путь уж был не страшен для меня.
Прощаясь, я просил ее, чтоб серенаду
Она сыграла мне, — я в Шуберте отраду
Неизъяснимую для сердца нахожу.
Вот к клавишам она подходит; я гляжу
На светлое чело, на маленькие руки...
И в душу полились мечтательные звуки...

Два года протекло, как прежде много лет,
Еще в душе моей оставив горький след.
Всё так же ратовал я с донкихотским жаром
За призраки свои и чувства тратил даром.
И возвратился вновь я в скучный город свой,
И встретился с давно знакомою толпой.
Всё тех же увидал я чопорных педантов,
Нелепых остряков, честолюбивых франтов,
Прибавилось еще немного новых лиц;
Пред золотым тельцом лежат, как прежде, ниц;
Всё те же ссоры, сплетни и интриги;
В почете карты всё, и всё в опале книги!
Но не нашел я той, к кому в былые дни
Я смело нес и грусть и радости свои...
И часто так к кому душа моя больная
Рвалась, под жизненным ярмом изнемогая!..
И весть услышал я: ее уж больше нет!
Суровым косарем сражен прекрасный цвет,
Суровым косарем, что без разбору косит
И тех, кто жизнь клянет, и тех, кто жизни просит!
Как больно было мне... Но если свет о ней
При мне судил, еще мне делалось больней!
Ему не жаль, казалось, вовсе, что могила
И юность, и красу навеки поглотила...

Клеветников, завистников бездушных толк
И у дверей могилы даже не замолк.

Я снова посетил давно знакомый дом;
Теперь семья другая поселилась в нем.
Вот уголок уютный, где она, бывало,
Вокруг себя друзей немногих собирала.
Отрадных много я припомнил вечеров;
Войдя в ту комнату, я плакать был готов!
Как оживить она домашний круг умела...
Как быстро время с ней, как весело летело:
Невольно лица прояснялися у всех,
Когда звучал ее беспечный, детский смех.
Теперь не то я встретил; чопорно и чинно
Здесь разговор вели, и в ералаш в гостиной
С тремя почтенными старушками играл
От старости едва ходивший генерал.
Изящно в комнатах, роскошно даже было...
Но всё тоску и грусть на сердце наводило...
Но вот хозяйка села за рояль... Она,
Все говорят, артисткой быть великой рождена.
Вот Шуберта опять я слышу серенаду...
И точно... более, казалось бы, не надо
Искусства и желать. Но отчего же мне
Досадно стало так? В душевной глубине
Как будто злоба вдруг к игравшей шевельнулась
За то, что струн души больных она коснулась.
Казалось мне, звучит в игре той мастерской
Насмешка над моей заветною мечтой.

Оставил вечер я... Но всё мотив знакомый
Преследовал меня на улице и дома...
Всё образ предо мной любимый возникал,
И до рассвета глаз в ту ночь я не смыкал.

1856

* * *

Когда твой кроткий, ясный взор
Ты остановишь вдруг на мне,

Иль задушевный разговор
С тобой веду я в тишине;

Когда подашь мне руку ты,
Прощаясь ласково со мной,
И дышат женские черты
Неизъяснимой добротой, —

О, верь! не зависть, не вражда
К тому, с кем ты на путь земной
Соединила жребий свой,
Грудь наполняет мне тогда.

Я лишь молю, чтоб над тобой
Была господня благодать,
Чтоб свет тщеславный и пустой
Тебя не мог пересоздать.

Чтоб сердце свято сберегло
Свои заветные мечты;
Чтобы спокойно и светло
На божий мир глядела ты...

Чтоб клеветы и злобы яд
Не отравил весны твоей;
Чтоб ты не ведала утрат
И омраченных скорбью дней.

Еще молю я, чтобы нас
Не разлучал враждебный рок,
Чтоб кротким светом этих глаз
Я дольше любоваться мог.

<1857>

* * *

Есть дни: ни злоба, ни любовь,
Ни жажда дел, ни к истине стремленье
Ничто мне не волнует кровь;
И сердце спит, и ум в оцепененьи.

Я остаюсь к призывам жизни глух;
Так холодно взираю, так бесстрастно
На всё, что некогда мой дух
Тревожило и мучило всечасно.

И ласка женская во мне
В те дни ответа даже не находит;
В бездействии, в позорном сне
Душевных сил за часом час проходит.

Мне страшно, страшно за себя;
Боюсь, чтоб сердце вовсе не остыло,
Чтоб не утратил чувства я,
Пока в крови огонь и в теле сила.

Годами я еще не стар...
О боже, всех, кто жаждет искупленья,
Не дай, чтоб пеплом сердца жар
Засыпало мертвящее сомненье!

<1857>

ЗИМНЕЕ КАТАНЬЕ

Зимней ночью при луне
Я душе твоей раскрою
Всё, что ясно будет мне.

Фет

Посмотри, на небе звезды,
Снег блистает серебром,
Едем, друг мой... ночью зимней
Мчаться весело вдвоем.

Полетит как птица тройка,
Колокольчик зазвенит,
И раскинется пред нами
Бесконечной степи вид.

Всё, что сердце днем тревожит:
И забот докучных рой,

И судьбы насмешки злые —
Всё забудем мы с тобой.

И пускай перенесемся,
Обаяния полны,
В мир волшебных пестрых сказок
Нашей доброй старины.

Будем думать, что в хрустальный
Ты дворец заключена,
Что тебя я похищаю
От седого колдуна...

Что мечом моим булатным
Сторож твой — косматый зверь —
Поражен, и мы с тобою
Птицы вольные теперь.

Право, этот мир чудесный
Лучше нашего в сто крат:
Лучше козни чародеев,
Чем житейский наш разлад.

Едем! ждут за воротами
Сани, крытые ковром;
В небе месяц, в небе звезды,
Снег блистает серебром!

<1857>

С. Ф. ДУРОВУ

Уедешь ты на теплый юг!
И где лазурью блещет море —
Покинет тело злой недуг,
Покинет сердце злое горе.

Там отдохнет в семье друзей
Душа, изведавшая муки,
И песен, выстраданных ей,
К нам долетят святые звуки...

Тобой лишь ясны дни мои...
Ты их любовью озарила -
И духа дремлющая сила -
На зов откликнулась любви.

*

О если б я - от дней тревог
Переходя к надежде новой -
Страницу мрачную былого -
Из книги жизни вырвать мог!

*

О если б мог я заглушить
Укор, что тайно шепчет совесть...
Но нет! тяжелой жизни повесть
Слезами горькими не смыть!

*

Молю того - кто весь любовь -
Да примет скорбные моленья -
И ниспослав мне искупленье,
К добру меня направит вновь!

*

Чтобы душа моя была -
Твоей души достойна ясной -
Чтоб сердца преданности страстной -
Ты постыдиться не могла!

1857.
Августа 17.
Оренбург

А. Ш.

И всё, что рок во дни невзгод
Давил железною рукою,
Вдруг встрепенется, оживет,
Как цвет под влагой дождевою.

Господь тебя благослови
За годы долгие несчастья
И тихой радостью любви,
И дружбы ласковым участьем.

И если радостные дни
Придут, послушные желанью,
Меня, собрата по изгнанью,
Ты добрым словом помяни!

18 июля 1857

* * *

Тобой лишь ясны дни мои,
Ты их любовью озарила,
И духа дремлющая сила
На зов откликнулась любви!

О, если б я от дней тревог
Переходя к надежде новой,
Страницу мрачную былого
Из книги жизни вырвать мог!

О, если б мог я заглушить
Укор, что часто шепчет совесть!
Но нет! бесплодной жизни повесть
Слезами горькими не смыть.

Молю того, кто весь любовь,
Он примет скорбное моленье
И, ниспослав мне искупленье,
К добру меня направит вновь —

Чтобы душа моя была
Твоей души достойна ясной,
Чтоб сердца преданности страстной
Ты постыдиться не могла!

Октябрь 1857

МОЛИТВА

О боже мой, восстанови
Мой падший дух, мой дух унылый;
Я жажду веры и любви,
Для новых битв я жажду силы.

Запуган мраком ночи я,
И в нем я ощупью блуждаю;
Ищу в светильник свой огня,
Но где обресть его, не знаю.

В изнеможенья скорбный час
Простри спасительные руки,
Да упадет завеса с глаз,
Да прочь идут сомненья муки.

Внезапным светом озарен,
От лжи мой ум да отрешится
И вместе с сердцем да стремится
Постигнуть истины закон.

Услышь, о боже, голос мой!
Да возлюбив всем сердцем брата,
Во тьме затерянной тропой
Пойду я вновь — и без возврата!

1857

* * *

Ты мне мила, пора заката!
Какой-то кроткой тишиной
В тот миг душа моя объята;
Как исцелившийся больной,
Что к жизни ждать не мог возврата,
Любви, спокоен и счастлив,
Я к сердцу чувствую прилив.

Земные битвы, скорбь земную,
Всё бремя будничных забот
Я забываю; в грудь больную
Отраду вечер ясный льет;
И я молю, чтоб жизнь такую,
Как этот час, господь послал
Тому, кто в битве духом пал.

1857

* * *

О нет, не всякому дано
Святое право обличенья!
Кто не взрастил в себе зерно
Любви живой и отреченья,
И бесполезно и смешно
На мир его ожесточенье.

Но если праведная речь
Из сердца чистого стремится,
Она разит, как божий меч;
Дрожит, бледнеет и стыдится
Пред нею тот, кого обречь
Она проклятью не страшится.

Но где тот века проводник,
Что скуп на речи, щедр на дело,

Что, заглушив страстей язык,
Идя на подвиг честно, смело,
Благой пример являть привык
Толпе, в неправде закоснелой?

Где он? Нас к бездне привела
Стезя безверья и порока!
Рабам позорной лжи и зла
Пошли, пошли, господь, пророка,
Чтоб речь его нам сердце жгла
И содрогнулись мы глубоко!

<1858>

* * *

Он шел безропотно тернистою дорогой,
Он встретил радостно и гибель и позор;
Уста, вещавшие ученье правды строгой,
Не изрекли толпе глумящейся укор.

Он шел безропотно и, на кресте распятый,
Народам завещал и братство и любовь;
За этот грешный мир, порока тьмой объятый,
За ближнего лилась его святая кровь.

О дети слабые скептического века!
Иль вам не говорит могучий образ тот
О назначении великом человека
И волю спящую на подвиг не зовет?

О нет! не верю я. Не вовсе заглушили
В нас голос истины корысть и суета;
Еще настанет день... Вдохнет и жизнь и силу
В наш обветшалый мир учение Христа!

<1858>

ПОСВЯЩЕНИЕ

Домчатся ль к вам знакомых песен звуки,
Друзья моих погибших юных лет?
И братский ваш услышу ль я привет?
Всё те же ль вы, что были до разлуки?

Быть может, мне иных не досчитаться!
А те — в чужой, далекой стороне —
Уже давно забыли обо мне...
И некому на песни отозваться!

Но я — средь бурь, в дни горя и печали —
Был верен вам, весны моей друзья,
И снова к вам несется песнь моя,
Когда, как сон, невзгоды миновали.

<1858>

БЫЛОЕ

(С. Н. Ф<едоро>ву)

Ночи бледное светило
Кротким светом озарило
Комнатку мою.

Снова слышу за стеною
Над малюткою больною
Баюшки-баю.

Голосок так чист и звонок,
Что под звук его ребенок
Затихает вдруг.

Спой еще! Тебе внимая,
И душа моя больная
Отдохнет от мук.

Помню я иное время,
Легче было жизни бремя,
Веселей жилось!

Шли так быстро эти годы,
Годы счастья и свободы,
Годы светлых грез!

Сколько вызвано мечтою
Лиц знакомых предо мною
И знакомых мест.

Помню лес. . . деревьев шепот,
И волны стемневшей ропот,
И мерцанье звезд.

Сад запущенный и мрачный,
Над водой пруда прозрачной
Деревенский дом.

Речи нежные и ласки,
В уголке уютном сказки
Зимним вечерком. . .

Сердце верило, любило,
Всё ему так было мило,
Что теперь смешно!

Но всё тихо за стеною. . .
Над малюткою больною
Голос смолк давно. . .

Ах, зачем, былые годы,
Годы счастья и свободы,
Я припомнил вас!

На душе тоска сильнее,
И до утра, видно, с нею
Не сомкну я глаз!

<1858>

ПТИЧКА

Для чего, певунья птичка,
Птичка резвая моя,
Ты так рано прилетела
В наши дальние края?

Заслонили солнце тучи,
Небо всё заволокли;
И тростник сухой и желтый
Клонит ветер до земли.

Вот и дождик, посмотри-ка,
Хлынул словно из ведра;
Скучно, холодно, как будто
Не весенняя пора!

— Не для солнца, не для неба
Прилетела я сюда;
В камышах сухих и желтых
Не совью себе гнезда.

Я совью его под кровлей
Горемыки-бедняка;
Богом я ему в отраду
Послана издалека.

В час, как он, вернувшись с поля
В хату ветхую свою,
Ляжет, грустный, на солому,
Песню я ему спою.

Для него я эту песню
Принесла из-за морей;
Никогда ее не пела
Для счастливых я людей.

В ней поведаю я много
Про иной, чудесный свет,

Где ни бедных, ни богатых,
Ни нужды, ни горя нет.

Эта песня примиренье
В грудь усталую прольет;
И с надеждою на бога
Бедный труженик заснет.

<1858>

* * *

Ты хочешь песен, — не пою
Веселых песен я давно;
А душу ясную твою
Встревожить было бы грешно.

О нет, пусть ни единый звук
Не обнаружит пред тобой
Ни затаенных в сердце мук,
Ни дум, навеянных борьбой.

Пусть не узнаешь дольше ты,
Как беспощадно губит свет
Все наши лучшие мечты,
Святые грезы юных лет!

Когда ж пора твоя придет
И с жизнью выйдешь ты на бой,
Когда в тебе житейский гнет
Оставит след глубокий свой

И будешь, горе затая,
Ты тщетно ждать участья слов, —
Тогда зови... и песнь моя
На грустный твой ответит зов.

<1858>

СЕРДЦУ

Скажи мне, долго ль заблуждаться
Тебе, о сердце, суждено?
Пора бы с грезами расстаться...
Мы старики с тобой давно.

А ты, назло годам и року,
Тревожней бьешься и сильней
(Хоть мало видишь в этом проку),
Чем билось в дни весны своей.

Когда среди волнений света,
В толпе шумящей и пустой,
Слова любимого поэта
Произнесут перед тобой,

Или науки голос строгой
О правде вечной говорит,
Какую ты забьешь тревогу,
Какой огонь в тебе горит!

Красой стыдливою блистая,
Мелькнут ли женские черты —
В восторге чистом замирая,
Навстречу им как рвешься ты.

О перестань! Понять бы можно
Давным-давно в твои лета,
Что бред поэзия ничтожный,
Что правда вечная — мечта!

Что как-то странно поклоненье
В наш век полезный красоте,
Что уж теперь должны стремленья
У человека быть не те...

Пойми, что правда там, где сила,
Где достиженье благ земных,
И, всё забыв, что ты любило,
Живи и бейся лишь для них!

<1858>

ЦВЕТОК

Над пустыней, в полдень знойный,
Горделиво и спокойно
Тучка легкая плывет.
А в пустыне, жаждой мучим
И лучом палимый жгучим,
К ней цветок моленье шлет:
«Посмотри, в степи унылой
Я цвету больной и хилый,
И без сил, и без красы. . .
Мне цвести так безотрадно:
Нет ни тени здесь прохладной,
Ни свежительной росы,
Я горю, томлюсь от зною,
И поблекшей головою
Я к земле сухой приник.
Каждый день с надеждой тайной
Я всё ждал, что хоть случайно
Залетишь ты к нам на миг;
Вот пришла ты. . . и взываю
Я с мольбой к тебе, и знаю,
Что к мольбе склонишься ты:
Что прольется дождь обильный,
И, покров стряхнувши пыльный,
Оживут мои листы,
И под влагой неба чистой,
И роскошный и душистый,
Заблистает мой наряд;
И потом, в степи суровой,
Долго, долго к жизни новой
Буду помнить я возврат. . .»
Но, горда, неумолима,
Пронеслася тучка мимо
Над поникнувшим цветком.
Далеко, над сжатой нивой,
Бесполезно, прихотливо
Пролилась она дождем;
А в пустыне, жаждой мучим
И лучом палимый жгучим,
Увядал цветок больной. . .

И всё ждал он, увядая, —
Тучка вот придет другая...
Но уж не было другой.

<1858>

ПЕСНЯ

Тихо всё, глядится месяц
В воды зыбкие реки;
За рекою слышны песни
И мелькают огоньки.

Отчего так сердцу больно?
Дней ли прошлых стало жаль,
Иль грядущего пугает
Неразгаданная даль?

Отчего в груди томленье?
И туманит взор слеза?
Или снова надо мною
Собирается гроза?

Вот сокрылся месяц в тучи,
Огоньков уж не видать;
Стихли песни... Скоро ль, сердце,
Перестанешь ты страдать?

<1858>

* * *

Много злых и глупых шуток,
Жизнь, играла ты со мной,
И стою на перепутье
Я с поникшей головой.

Сердца лучшие порывы
И любимые мечты

Осмеяла беспощадно,
В пух и прах разбила ты.

Подстрекнула ты лукаво
На неравный бой меня,
И в бою том я потратил
Много страсти и огня.

Только людям на потеху
Скоро выбился из сил;
И осталось мне сознанье,
Что я немощен и хил.

Что ж! Пойду дорогой торной,
Думал я, толпе вослед,
Скромен, тих, благонамерен,
Бросив юношеский бред.

Что за гладкая дорога!
Камни здесь не режут ног.
Если б шел по ней я прежде,
Я бы так не изнемог.

Да и цель гораздо ближе;
Пристань мирная в виду...
Сколько там я наслаждений
Неизведанных найду!

Но увы! пришлось недолго
К этой цели мне идти,
И опять я очутился
На проселочном пути.

А виной всё эти грезы,
Эти сны поры былой...
Безотвязные, со мною
Шли они рука с рукой.

И манили всё куда-то,
И шептали что-то мне,

Милых образов так много
Показали в стороне.

Им навстречу устремился
Я, исполнен новых сил:
Шел по терниям колючим,
В бездны мрачные сходил.

И уж думал — подхожу я
К милым призракам моим,
Но напрасно, утомленный,
Простирал я руки к ним.

Отдалялись, улетали
Дорогие от меня. . .
И внезапно на распутье
Ночью был застигнут я.

Долго ль ночь моя продлится
И что ждет меня за ней,
Я не знаю; знаю только,
Что тоска в душе моей.

Но не торная дорога,
Рано брошенная мной,
Пробуждает сожаленье
В этот миг в душе больной.

Жаль мне призраков любимых,
Жаль роскошных ярких грез,
Что так рано день, сокрывшись,
На лучах своих унес!

<1858>

* * *

Дети века все больные, —
Мне повсюду говорят, —
Ходят бледные, худые,
С жизнью всё у них разлад.

Нет! Напрасно стариками
Оклеветан бедный век;
Посмотрите: перед вами
Современный человек.

Щеки словно как с морозу,
Так румянцем и горят;
Как прилична эта поза,
Как спокоен этот взгляд.

Вы порывов увлеченья
Не заметите за ним;
Но как полон уваженья
Он к достоинствам своим.

Все вопросы разрешает
Он легко, без дальних дум;
Не тревожит, не смущает
Никогда сомненье ум.

И насмешкой острой, милой
Как умеет он кольнуть
Недовольных, что уныло
На житейский смотрят путь,

Предрассудки ненавидят,
Всё твердят про идеал
И лишь зло и гибель видят
В том, что благом мир признал.

Свет приятным разговором
И умом его пленен;
Восклицают дамы хором:
«Как он мил! как он умен!»

Нет! Напрасно старость взводит
Клевету на бедный век:
Жизнь блаженствуя проводит
Современный человек!

<1858>

* * *

Когда мне встретится истерзанный борьбою,
Под гнетом опыта поникший человек;
И речью горькой он, насмешливой и злою
Позору предает во лжи погрязший век;

И вера в род людской в груди его угасла,
И дух, что некогда был полон мощных сил,
Подобно ночнику, потухшему без масла,
Без веры и любви стал немощен и хил;

И правды луч, сверкающий за далью
Грядущих дней, очам его незрим, —
Как больно мне! Глубокою печалью
При встрече той бываю я томим.

И говорю тогда: явись, явись к нам снова,
Господь, в наш бедный мир, где горе и разлад;
Да прозвучит еще божественное слово
И к жизни воззовет твоих отпадших чад!

<1858>

МОЙ ЗНАКОМЫЙ

Он беден был. (Его отец
В гусарах век служил,
Любил танцовщиц и вконец
Именье разорил.)

И ярый был он либерал:
Все слабости людей
Он энергически карал,
Хоть не писал статей.

Не мог терпеть он спину гнуть,
Любил он бедный класс,
Любил помещиков кольнуть
Сатирой злой подчас.

И Жоржем Зандом и Леру
Был страстно увлечен,
Мужей он поучал добру,
Развить старался жен.

Когда же друга моего
Толкнула в глушь судьба,
Он думал — закалит его
С невежеством борьба.

Всех лихоимцев, подлецов
Мечтал он быть грозой;
И за права сирот и вдов
Клялся стоять горой.

Но, ах! грядущее от нас
Густой скрывает мрак;
Не думал он, что близок час
Вступить в законный брак.

Хоть предавал проклятью он
Пустой, бездушный свет,
Но был в губернии пленен
Девицей в тридцать лет.

Она была иных идей...
Ей не был Занд знаком,
Но дали триста душ за ней
И трехэтажный дом.

Женился он, ему пришлась
По сердцу жизнь сам-друг...
Жена ввела его тотчас
В губернский высший круг.

И стал обеды он давать,
И почитал за честь,
Когда к нему съезжалась знать,
Чтоб хорошо поесть.

И если в дом к нему порой
Являлся генерал,

Его, от счастья сам не свой,
Он на крыльце встречал.

Жена крутой имела нрав;
А дом и триста душ
Давали ей так много прав...
И покорился муж.

Хоть иногда еще карал
Он зло в кругу друзей,
Но снисходительней взирал
На слабости людей.

Хоть не утратил он вполне
Могучий слова дар,
Но как-то стынул при жене
Его душевный жар.

Бывало, только заведет
О крепостных он спор,
Глядишь, и зажимает рот
Ему супруги взор.

И встретил я его потом
В губернии другой;
Он был с порядочным брюшком
И чин имел большой.

Пред ним чиновный весь народ
И трепетал и млел;
И уж не триста душ — пятьсот
Он собственных имел.

О добродетели судил
Он за колодой карт...
Когда же юноша входил
Порой пред ним в азарт,

Он непокорность порицал
Как истый бюрократ...
И на виновного бросал
Молниеносный взгляд...

<1858>

* * *

Что за детская головка,
Что за тонкие черты!
И в улыбке и в движеньях
Сколько детской простоты!

Лишь во взгляде, полном думы,
Я читаю иногда,
Что исчезли безвозвратно
Детской резвости года.

То огнем, то негой дышат
Эти карие глаза;
Знать, для сердца наступает
Страсти первая гроза...

И боюсь я, и невольно
Грудь сжимается тоской:
Не степной былинке слабой
С ураганом вынесть бой!

<1858>

СТРАННИК

Томит меня мой страннический путь.
Хотелось бы под вечер на покой,
Хотелось бы на дружескую грудь
Усталою приникнуть головой.

Была пора — и в сердце молодом
Кипела страсть, не знавшая преград;
На каждый бой с бестрепетным челом
Я гордо шел, весенним грозам рад.

Была пора — огонь кипел в крови;
И думал я, что песнь моя сильна,
Что правды луч, что луч святой любви
Зажжет в сердцах озлобленных она.

Где ж силы те, где бодрость прежних лет?
Сгубила их неравная борьба;
И пустота, бесплодной жизни след,
Ждет неизбежная, как древняя судьба.

Пора домой! Не опоздать бы мне;
Не заперты ль ворота на запор?
И огонек мерцает ли в окне,
Маня к себе усталый, грустный взор?

Отворят ли с улыбкою мне дверь?
Услышу ли я ласковый привет:
«Не одинок, не странник ты теперь:
Ты отдохнешь, любовию согрет. . .»

<1858>

* * *

Знакомые звуки, чудесные звуки!
О, сколько вам силы дано!
Прошедшее счастье, прошедшие муки,
И радость свиданья, и слезы разлуки. . .
Вам всё воскресить суждено.

Знакомые тени являются снова,
Проходят одна за другой. . .
И сердце поверить обману готово,
И жаждет, и молит всей жизни былого,
Согретое страстью былой.

И всё, что убито бесплодной борьбою,
Опять шевельнулось в груди. . .
На доблестный подвиг, на битву с судьбою
Иду я отважно, и яркой звездою
Надежда горит впереди.

В возлюбленном взоре, в улыбке участья
Прочел я давно, что любим;
Не страшны мне грозы, не страшно ненастье;

Я знаю — любви бесконечное счастье
Меня ожидает за ним!

Довольно, довольно! .. замолкните, звуки!
Мою вы терзаете грудь...
Прошедшее счастье, прошедшие муки,
И радость свиданья, и слезы разлуки,
О сердце! навеки забудь! ..

<1858>

МОЙ САДИК

Как мой садик свеж и зелен!
Распустилась в нем сирень;
От черемухи душистой
И от лип кудрявых — тень...

Правда, нет в нем бледных лилий,
Горделивых георгин,
И лишь пестрые головки
Возвышает мак один.

Да подсолнечник у входа,
Словно верный часовой,
Сторожит себе дорожку,
Всю поросшую травой...

Но люблю я садик скромный:
Он душе моей милей
Городских садов унылых
С сетью правильных аллей.

И весь день, в траве высокой
Лежа, слушать бы я рад,
Как заботливые пчелы
Вкруг черемухи жужжат.

А когда на садик сыплет
Блеск лучей своих луна,

Я сажусь в раздумье тихом
У открытого окна.

Посребренных и дрожащих
Листьев я внимаю шум,
И, одна другой сменяясь,
Грезы мне волнуют ум.

И несут на крыльях легких
В мир иной меня оне...
Как сияет ярко солнце
В той неведомой стране!

Нет вражды под этим солнцем,
Нашей лжи вседневной нет;
Человека озаряет
Там любви и правды свет!

Всё, что истины пророки
Обещают нам вдали,
Люди в братстве неразрывном
Навсегда там обрели...

О, как сладки эти грезы!
Разрастайся ж, расцветай
Ты, мой садик! и почаще
На меня их навевай.

<1858>

* * *

Ты помнишь: поникшие ивы
Качались над спящим прудом;
Томимы тоской, молчаливы,
С тобой мы сидели вдвоем.

В открытые окна глядели
К нам звезды с высоких небес;
Вдали соловьиные трели
Поля оглашали и лес.

Ты помнишь — тебе я сказала:
Мы много любили с тобой,
Но светлых часов было мало
Дано нам суровой судьбой.

Узнали мы иго неволи,
Всю тяжесть житейских цепей,
Изныло в нас сердце от боли;
Но скрыли мы боль от людей.

В святилище наших страданий
Не дали вломиться толпе —
И молча, без слез и рыданий,
Мы шли по тернистой тропе.

Ты помнишь минуту разлуки?
О, кто из нас думал тогда,
Что сердца забудутся муки,
Что рану излечат года,

Что страсти былые тревоги,
Все бури поры прожитой
Мы, встретясь на новой дороге,
Помянем насмешкою злой!

<1858>

* * *

Когда возвратился я в город родной
И там, над отцовской могилой,
Колена склонил и поник головой,
О, как мое сердце заныло!

Мне всё прожитое припомнилось вдруг;
Припомнились долгие годы,
Что шли средь волнений бесплодных и мук,
Без счастья, любви и свободы.

И мнилось мне, будто отец мой глядит
На сына с тоской и любовью,

Скорбя, что суровым он горем убит,
Что сердце исходит в нем кровью.

Мне слышался говор зеленых ветвей:
«Устал ты и ищешь покою!
Усни здесь! И мы над могилой твоей
Раскинемся тенью густою...»

<1858>

* * *

> В надежде славы и добра
> Гляжу вперед я без боязни...
>
> *Пушкин*

Была пора: своих сынов
Отчизна к битве призывала
С толпой несметною врагов,
И рать за ратью восставала,
И бодро шла за ратью рать
Геройской смертью умирать.

Но смолк орудий страшный гул;
И, отстояв свой край родимый,
Народ великий отдохнул.
Отчизна вышла невредима
Из той борьбы... как в старину —
В иную славную войну.

И вот опять она зовет
Своих сынов на бой упорный;
Но этот бой уже не тот...
Со злом и тьмой, с неправдой черной
Она зовет теперь на бой,
Во имя истины святой!

Не страшен нам и новый враг,
И с ним отчизна совладает...

Смотрите! уж редеет мрак,
Уж свет повсюду проникает,
И, содрогаясь, чует зло,
Что торжество его прошло.

<1858>

СЧАСТЛИВЕЦ

Я здоров, румян и весел,
Сытно ем и славно пью;
Никогда нужда и голод
Не стучатся в дверь мою.

Мне наследственный оставил
Мой родитель капитал...
Он его на службе царской
Понемножку собирал.

Я одет всегда по моде
Англичанином-портным;
За приятные манеры
Очень дамами любим.

Не якшаюсь с разной дрянью,
Только с знатными знаком.
И владею превосходно
Я французским языком.

Хоть не делал зла я людям,
Хоть душой и сердцем чист,
Но не скрылся от злословья:
Говорят, я — эгоист!

Клевета! Богоугодных
Разных обществ член и я.
Филантропы пять целковых
Каждый год берут с меня.

Все толкуют: погибает
От неправды род людской...

Тот объелся на обеде,
Умер с голоду другой.

Разве я тому причиной?
Видно, так уж суждено.
Рассуждать об этом, право,
И напрасно и смешно!

Жизнь дана, чтоб наслаждаться, —
Мой на это взгляд такой.
Пусть мечтатели вздыхают —
Я махнул на них рукой.

Я румян, здоров и весел,
Сытно ем и славно пью;
Никогда нужда и голод
Не стучатся в дверь мою.

<1858>

* * *

Трудились бедные вы, отдыху не зная,
Судьбе покорные, трудились день и ночь
И думали: знать, доля уж такая
Нам богом суждена — и горю не помочь!

Смочив поля кровавым, скорбным потом,
Вы знали, что не вам они готовят плод;
Но не роптали вы, согбенные под гнетом.
Нет! вы несли свой крест, как праведник несет.

И тот, кто мир своею чистой кровью
От рабства искупил, кто, как и вы, страдал,
Кому молились вы смиренно и с любовью,
Вам избавителя венчанного послал.

И настает пора святая возрожденья!
Да будет ясен дня грядущего рассвет,
Да принесет он вам с прошедшим примиренье
И раны вековой да уврачует след!

1858

ОПУСТЕВШИЙ ДОМ

Один по улицам брожу я с грустной думой;
На спящий город хор дрожащих звезд глядит.
Вот предо мной дворец забытый и угрюмый,
Где жизнь провел в пирах и неге сибарит.

Когда-то музыка гремела в пышных залах;
Из окон лился свет от тысячи свечей,
И кубки старые усердно осушала
Шумящая толпа напудренных гостей.

Теперь заброшены огромные палаты;
В роскошных комнатах и пусто и темно.
Давно лежит в земле хозяин тороватый;
В чужих краях живут наследники давно.

Стоит уныло дом — а на крылечных плитах,
Под рубищем дрожа, бедняк заснуть прилег
И думает: «Когда б в палатах позабытых
От стужи дали мне хоть тесный уголок!»

<1859>

ПРИЗРАКИ

Старинные, знакомые мотивы
Порой вечернею откуда-то звучат.
В них юности могучие призывы,
В них с пошлостью людской надежд ее разлад.

И призраки знакомые толпою
На звуки те встают... С насмешкой на устах
Идут они медлительной стопою
И будто говорят: «Уж мы давно в гробах

Лежим, забыв стремления земные,
Признав, что жизнь — бесплодная борьба,
Что на земле блаженны только злые,
А праведных разит бессмысленно судьба.

Спокойно мы в могилах наших тлеем,
Нам не восстать из них на голос суеты,

И о тебе мы, бедный, сожалеем:
Еще волнуешься, еще страдаешь ты!

Ты всё еще от жизни ждешь чего-то...
Всё грезы юности живут в душе твоей.
Ты думаешь: упорная работа
Веков готовит рай в грядущем для людей.

Последуй в край ничтожества за нами,
Стряхни с себя скорей оковы бытия,
Пока еще с младенческими снами
Не навсегда душа рассталася твоя!

В гроб низойти с надеждами отрадно!
Нам не было дано узнать отрады той:
Сомненья дух разбил их беспощадно
Задолго до поры прощанья роковой!»

Исчезните, зловещие виденья!
Я не пойду на ваш печальный зов!
Я жить хочу! Страданья и волненья
Я чашу полную испить до дна готов!

И до конца я веры не утрачу,
Что озарит наш мир любви и правды свет,
Пускай я здесь как в море капля значу,
Но каждый честный бой оставить должен след.

Исчезните! А вы, святые звуки,
Вы силу новую в мою вдохните грудь.
Хотя бы жизнь одни сулила муки,
Я бодро встречу их, благословив свой путь!

<1859>

ЛУННОЙ НОЧЬЮ

И мне когда-то было мило
Светило бледное ночей;
Так много грез оно будило
В душе неопытной моей!

Когда лучи его дрожали
На влаге дремлющей реки,
Душа рвалась к неясной дали,
Полна неведомой тоски.

И было томное сиянье
Путеводителем моим,
Когда спешил я на свиданье,
Кипя восторгом молодым.

Прошли неясные стремленья
И поэтические сны!
Теперь иные впечатленья
Во мне луной порождены.

Досадно мне, что так бесстрастно,
С недосягаемых высот,
Глядит она на мир несчастный,
Где лжи и зла повсюду гнет,

Где столько слабых и гонимых,
Изнемогающих от битв,
Где льется столько слез незримых
И скорбных слышится молитв!

<1859>

* * *

Пью за славного артиста,
Что умеет вызвать в нас
Смех то горький, то веселый —
Правды жизни без прикрас.

Не одним своим талантом,
Он и тем еще нам мил,
Что и в жизни, как в искусстве,
Только правде он служил.

Что, свершая путь свой честно,
Чужд интриг остался он, —

И не ходит к сильным мира
С низкой лестью на поклон.

В том сознаются, конечно,
Даже все его враги,
Что товарищам ни разу
Не подставил он ноги...

И счастлив вдвойне, кто может
Так, как он, прожить свой век,
Всеми чтимый как художник,
Как хороший человек.

1859 (?)

* * *

Если в час, когда зажгутся звезды
Над заснувшею, усталою землей,
Молча ты к открытому окошку
Подойдешь, о друг мой, с тайною тоской...

Слушая задумчиво шептанье
Серебристым светом облитых листов,
Обо мне ты вспомни, и душою,
Где бы ни был я, на твой откликнусь зов.

Вспомни, что тревоги и сомненья
Мне ниспосланы на долю от судьбы;
Что во мне так часто гаснет вера,
А твои доступны небесам мольбы.

Вспомни, друг! И помолись, чтоб в душу
Низошла ко мне святая тишина, —
Тишина, какою вся природа
В этот час успокоения полна...

Помолись, чтоб ангел божий с неба
Низлетел ко мне в час смерти роковой,
Чтоб, на кроткие черты его взирая,
Думал я, что ты стоишь передо мной!

<1860>

* * *

Я у матушки выросла в холе
И кручины не ведала злой;
Да счастливой девической доле
Позавидовал недруг людской.

Речи сладкие стал он, лукавый,
Мне нашептывать ночью и днем;
И наскучили смех и забавы,
И наскучил мне матери дом.

Сердце билось испуганной пташкой,
Не давало ни часу заснуть;
Подымалась под тонкой рубашкой
Высоко моя белая грудь.

Я вставала с постели босая,
И, бывало, всю ночь напролет
Под окошком кого-то ждала я —
Всё казалось мне, кто-то идет...

Я ждала и дождалась милóва,
И уж как полюбился он мне;
Молодца не видала такого
Прежде я никогда и во сне.

Очи карие бойко глядели
На меня из-под черных бровей;
Допытать они, видно, хотели,
Что в душе затаилось моей.

Допытали они, что готова
Хоть на гибель для них я была...
И за милым из дома родного
Я, как малый ребенок, пошла.

Был он барин богатый и где-то
Всё в далеких краях проживал;
Слышь, лечился — и только на лето
Он в поместья свои наезжал.

Только лаской его и жила я,
Белый свет с ним казался милей;
Нипочем было мне, что дурная
Шла молва про меня у людей.

Да не думала я, не гадала,
Что любви его скоро конец;
Вдруг постыла милому я стала:
И с другой он пошел под венец.

Не пригожим лицом, не красою
Приманила дворянка его:
Приманила богатой казною —
Много взял он за нею всего.

С той поры будто солнышка нету,
Всё глухая, осенняя ночь;
Как ни жди, не дождешься рассвету;
Как ни плачь, а беде не помочь.

И с красой я своей распрощалась,
Не узнала б теперь меня мать;
Ни кровинки в лице не осталось,
Словно зелья мне дали принять.

Ах! изменой своей — не отравой —
Он с лица мне румянец согнал...
Буду помнить я долго, лукавый,
Что ты ночью мне летней шептал!

<1860>

НА УЛИЦЕ

Вот бежит по тротуару
Моего соседа дочь.
Стройный стан, коса густая,
Глазки черные, как ночь.

В платье стареньком, в дырявой
Кацавейке на плечах;

Знать, с лекарством из аптеки —
Пузырек у ней в руках.

Уж давно недугом тяжким
Бедный мой сосед томим;
И давно столяр-хозяин
Заменил его другим.

Дочь бежит, дрожа от стужи,
А на плиты яркий свет
Бьет волной из магазинов;
И чего-чего в них нет!

Серебро, хрусталь и бронза,
Ленты, бархат и атлас...
И прохожие от окон
Отвести не могут глаз.

Хоть и холод погоняет
И домой пора давно,
А с толпой остановилась
Поглядеть она в окно.

Перетянута в корсете,
Иностранка за столом
Что-то пишет... Чай, тепло ей,
Хорошо в житье таком.

Вот две барыни приходят;
Разодеты в пух оне!
Смотрят вещи дорогие...
Отложили к стороне.

Может, их они наденут
Нынче вечером на бал.
Славно жить богатым людям:
Что по вкусу, то и взял.

И невольно защемила
Сердце девичье тоска;

Видно, вспомнила бедняжка
Про больного старика.

И пошла в свой угол темный,
В свой сырой могильный склеп,
Где слезами обливают
Ребятишки черствый хлеб,

Мать сидит и дни и ночи
Над работой заказной,
Чуткий слух свой напрягая,
Не застонет ли больной;

Где, лохмотьями прикрытый,
На полу лежит отец
С неподвижным, тусклым взором,
Желтый, словно как мертвец.

Вот она уж близко дому;
Но при свете фонарей
Видит вдруг — красивый барин
Очутился перед ней.

Он глядит ей смело в очи,
И глядит не в первый раз, —
Где б она ни проходила,
С ней встречается тотчас.

И не раз она слыхала
От него такую речь:
«Полюби! тебя я стану
Холить, нежить и беречь.

Будешь ездить ты в карете,
Будешь в бархате ходить.
Как пойдет к твоей головке
Жемчуга большого нить!

Знатной барыней ты будешь,
И семью твою тогда

Перестанет в жестких лапах
Мять сердитая нужда».

Хоть и прочь она бежала
От лукавых тех речей,
Но потом они звучали
Ей порой в тиши ночей.

И теперь, домой вернувшись,
Молчалива и грустна,
Долго думала о чем-то
И вздыхала всё она...

<1860>

* * *

Нет отдыха, мой друг, на жизненном пути.
Кто раз пошел тернистою дорогой,
Тому на ней лугов цветущих не найти;
Душе больной, измученной тревогой,
Успокоенье смерть одна лишь может дать.
И глупо и смешно его от жизни ждать.
В борьбе с людьми, в борьбе с самим собою
Пройдет твой грустный век; и если из-за туч
Хотя на миг — на краткий миг — порою
Тебе живительный проглянет солнца луч —
Забыв, что ждет за ним опять ненастье,
Что горе новое готово впереди, —
Благодари судьбу, но более не жди:
Нет продолжительного счастья!

<1860>

* * *

Скучная картина!
Тучи без конца,
Дождик так и льется,
Лужи у крыльца...

Чахлая рябина
Мокнет под окном;
Смотрит деревушка
Сереньким пятном.
Что ты рано в гости,
Осень, к нам пришла?
Еще просит сердце
Света и тепла!

Все тебе не рады!
Твой унылый вид
Горе да невзгоды
Бедному сулит.
Слышит он заране
Крик и плач ребят;
Видит, как от стужи
Ночь они не спят;
Нет одежды теплой,
Нету в печке дров...
Ты на чей же, осень,
Поспешила зов?

Вон и худ и бледен
Сгорбился больной...
Как он рад был солнцу,
Как был бодр весной!
А теперь — наводит
Желтых листьев шум
На душу больную
Рой зловещих дум!
Рано, рано, осень,
В гости к нам пришла...
Многим не дождаться
Света и тепла!

<1860>

ДЕКАБРИСТ

Забывши прыгать и кружиться
Под звуки бального смычка,

Вот юность пылкая теснится
Вокруг седого старика.
С ним в разговор она вступает,
И отзыв он дает на всё,
Что так волнует, увлекает,
Всегда тревожную, ее.
Хоть на челе его угрюмом
Лежит страданий долгих след,
Но взор его еще согрет
Живой, не старческою думой.
К ученью правды и добра
Не знает он вражды суровой;
Он верит сам, что жизни новой
Придет желанная пора.

Поражены его речами,
Любуясь старца сединой,
Твердили юноши: «Летами
Он только стар, но не душой!»
Блажен, кто в старческие годы
Всю свежесть чувства сохранил,
В ком испытанья и невзгоды
Не умертвили духа сил,
Кто друг не рабства, а свободы,
В ком вера в истину жива
И кто бесстрастно не взирает,
Как человечества права
Надменно сильный попирает.

<1860>

ОБЛАКА

Вот и гроза прошла, и небо просветлело;
Приветно солнышко на божий мир глядит,
Вся степь, как раннею весной, зазеленела;
И воздух свеж и чист, и птичка в нем звенит.

И на сердце давно так ясно не бывало;
В нем тихой радостью сменилася тоска:

Всё, чем оно томилось и страдало,
Как будто унесли с собою облака.

Но отчего ж порой, боязнью тайной мучим,
Всё устремляю вдаль я свой несмелый взгляд
И думаю, следя за облаком летучим,
Что старую печаль несет оно назад?

<1861>

НИЩИЕ

1

В удушливый зной по дороге
Оборванный мальчик идет;
Изрезаны камнями ноги,
Струится с лица его пот.

В походке, в движеньях, во взоре
Нет резвости детской следа;
Сквозит в них тяжелое горе,
Как в рубище ветхом нужда.

Он в город ходил наниматься
К богатым купцам в батраки;
Да взять-то такого боятся:
Тщедушный батрак не с руки.

Один он... Свезли на кладбище
Вчера его старую мать.
С сумою под окнами пищу
Приходится, видно, сбирать...

2

Карета шестеркой несется;
За нею пустился он вслед,
Но голос внутри раздается:
«Вот я тебе дам, дармоед!»

Сурово лакейские лица
Взглянули при возгласе том,
И жирный господский возница
Стегнул попрошайку кнутом.

И прочь отскочил он без крика,
Лишь сладить не мог со слезой...
И дальше пошел горемыка,
Поникнув на грудь головой.

Усталый и зноем томимый,
Он в роще дубовой прилег
И видит, с котомкою мимо
Плетется седой старичок.

«Здорово, парнишка! Откуда?
Умаялся! Хворенький, знать!»
— «Из города, дедушка. Худо
Мне, больно». — «Не хлебца ли дать?

Не много набрал я сегодня,
Да надо тебя пожалеть.
Мне с голоду милость господня
Не даст, словно псу, околеть...»

И с братом голодным, что было
В котомке, он всё разделил;
Собрав свои дряхлые силы,
На ключ за водицей сходил.

И горе пока позабыто,
И дружно беседа идет...
Голодного, видно, не сытый,
А только голодный поймет!

<1861>

* * *

Перед ветхою избенкой
Старичок сидит седой,
И кудрявого ребенка
Он морщинистой рукой
Охватил. В свой полушубок
Завернул его теплей;
С пухлых щек и алых губок
Не спускает он очей.
«Ох! недолго, внучек милый,
Мне понянчиться с тобой, —
Говорит старик. — В могилу
Мне пора уж на покой.
Долго маялся я; много
Вынес горя на плечах;
Не легка была дорога,
Да господь помог. Он благ.
Хоть во многом был я грешен
И хоть часто я роптал,
Но под старость им утешен:
Мне он радость ниспослал;
Знаю я, мой светик Саша,
Веселей твой будет век:
Доля ждет тебя не наша —
Будешь вольный человек!»

<1861>

ВЕСНА

Песни жаворонков снова
Зазвенели в вышине.
«Гостья милая, здорово!» —
Говорят они весне.

Уж теплее солнце греет,
Стали краше небеса...
Скоро всё зазеленеет —
Степи, рощи и леса.

Позабудет бедный горе,
Расцветет душой старик...
В каждом сердце, в каждом взоре
Радость вспыхнет хоть на миг.

Выйдет пахарь на дорогу,
Взглянет весело вокруг;
Помолясь усердно богу,
Бодро примется за плуг.

С кротким сердцем, с верой сильной
Весь отдастся он трудам —
И пошлет господь обильный
Урожай его полям!

<1861>

БОЛЬНОЙ

Томим недугом, одинокий,
Он в душной комнате лежал;
Сурово ночь в окно глядела,
И ветер в трубах завывал.

Он молод был... Сгубила рано
Его всесильная нужда...
Лицо его следы носило
Ночей бессонных и труда.

Лежал он бледный, неподвижный;
Огонь в глазах его потух;
Он видел смерть... и к ней с мольбою
Взывал его скорбящий дух:

«Помедли, смерть! Не дай в могилу
Во мраке ночи мне сойти.
При блеске дня хочу я миру
Сказать последнее прости!

Я вижу: призраков ужасных
Толпа кружится предо мной;

Их царство — тьма... И торжествуют
Они над спящею землей...

Как отвратительны их лики!
Порока, зла на них печать!
Но это буйное веселье
Должно с зарею миновать...

Она разгонит их... И люди
Пошлют ей радостный привет!
Помедли, смерть! Пускай увижу
Я утра нового рассвет!»

Он говорил, но жизни пламень
В груди больного догорал...
И ночь всё хмурилась... И ветер
Сердито в трубах завывал.

<1861>

ДЕТИ

Люблю я вас, курчавые головки!
Ваш звонкий смех, и ваша беготня,
И хитрости ребяческой уловки —
Всё веселит, всё радует меня!

Гляжу на вас в сердечном умиленьи,
Житейских нужд забыв тяжелый гнет;
Но коротко отрадное забвеньи,
И вновь ему на смену скорбь идет.

И в глубине души, помимо воли,
Мучительный рождается вопрос:
Ужель и вам не видеть лучшей доли?
И вам идти путем бесплодных грез?

Ужель и вы в борьбе со злом могучим
Духовных сил растратите запас?
И правды свет, пронзив густые тучи,
Вам не блеснет и не пригреет вас?

Страдали мы — и верили так страстно,
Что день иной придет. О! неужель
Он и от вас далек — тот день прекрасный —
И далека стремлений наших цель?

Ответа нет на мой вопрос унылый...
О, дай-то бог, чтоб эта чаша зла,
Которая всю жизнь нам отравила,
До ваших уст, малютки, не дошла!

<1861>

* * *

Друзья свободного искусства
Тебе, артист наш дорогой,
С стесненным сердцем, с грустным чувством
Несут привет прощальный свой.

Ты честно шел — прямой дорогой,
Искусству честно ты служил;
И твой юмóр правдивый много
Мгновений светлых нам дарил.

Не в мишуре, не в ложных блестках
Являлся ты перед толпой —
Ты на сценических подмостках
Был человек, а не герой!

Осмыслить пошлые явленья
Вседневной жизни ты умел,
И чистый пламень вдохновенья
В душе художника горел.

Смеялись мы, когда пред нами
Лгал с увлеченьем Хлестаков...
Глубоко трогал нас слезами
Своими — Тихон Кабанóв.

Но вот недуг неумолимый
День от очей твоих сокрыл —

И расстаешься ты с любимой
Тобою сценой в цвете сил.

И грусть нам в сердце западает,
И слышу я со всех сторон:
«Васильев сцену покидает,
Но позабыт не будет он!»

11 января 1861

ПАМЯТИ К. С. АКСАКОВА

Человек он был...
«Гамлет»

Еще один — испытанный боец,
Чей лозунг был: отчизна и свобода,
Еще один защитник прав народа
Себе нашел безвременный конец!

Он был из тех, кто твердою стопой
Привык идти во имя убежденья;
И сердца жар и чистые стремленья
Он уберег средь пошлости людской.

Он не склонял пред силою чела
И правде лишь служил неколебимо...
И верил он, что скоро край родимый
С себя стряхнет оковы лжи и зла...

В наш грустный век, на подвиги скупой,
Хвала тому, кто избрал путь суровый...
Хвала тому, кто знамя жизни новой
Умел нести бестрепетной рукой.

Февраль 1861
Москва

* * *

Нет! лучше гибель без возврата,
Чем мир постыдный с тьмой и злом,
Чем самому на гибель брата
Смотреть с злорадным торжеством.

Нет! лучше в темную могилу
Унесть безвременно с собой
И сердца пыл, и духа силу,
И грез безумных, страстных рой,

Чем, всё тупея и жирея,
Влачить бессмысленно свой век,
С смиреньем ложным фарисея
Твердя: «Бессилен человек»,

Чем променять на сон отрадный
И честный труд, и честный бой
И незаметно в тине смрадной,
В грязи увязнуть с головой!

Июнь 1861

* * *

Блажен не ведавший труда,
Но щедро взысканный от неба.
Блажен не евший никогда
Слезами смоченного хлеба.
Вольней и легче дышит он,
Здоров и телом и душою;
И не поникнет головою,
Сомненьем ранним удручен.
Светло, разумно и прекрасно
Всё в мире кажется ему;
Он волноваться понапрасну
Не даст ни сердцу, ни уму.

Он не растратит духа силы
Средь мелких, будничных забот
И безмятежно до могилы,
Не спотыкаясь, добредет.
Но сколько бедных и голодных
Свой черствый хлеб, свой тяжкий труд
За эту жизнь без скал подводных,
За этот рай не отдадут!

Июль 1861

ПОЭТУ

Пускай заманчив гладкий путь,
　　Но ты своей высокой цели,
Поэт, и в песнях и на деле
　　Неколебимо верен будь.

Иди, послушный до конца
　　Призывам истины могучим;
Иди по терниям колючим,
　　Без ободренья и венца.

И будь бестрепетным бойцом,
　　Бойцом за право человека;
Не дай заснуть в пороках века
　　Твоей душе постыдным сном.

И будет песнь твоя сильна,
　　Как божий меч, как гром небесный;
И не умрет в сердцах она,
　　Хотя бы смолк твой голос честный.

Июль 1861

* * *

Завидно мне смотреть на мудрецов,
Что знают жизнь так хорошо по книгам;
Всё разрешать они привыкли мигом,
В их головах на всё ответ готов.

То, что других болезненно тревожит,
Презренье в них рождает или смех;
Сомненья червь у них сердец не гложет;
Непогрешим мужей ученых цех!

Но одного лишь я боюсь немножко:
Что, если жизнь, как дерзкий ученик,
Вдруг стащит с них всеведенья парик
И книжки их все вышвырнет в окошко?

И род людской, сознав, что он идет
Окольною и вязкою дорогой,
Назло иной теории убогой
Вдруг сделает нежданный поворот?

О, что тогда?.. Но впрочем, не придут
Ни от чего они, я думаю, в смущенье...
И, прежнего исполнены презренья,
Весь род людской безумным назовут!

Декабрь 1861

НОВЫЙ ГОД

(Н. А. Некрасову)

1

Всем, застигнутым ненастьем,
Всем, кого меж нами нет,
«С Новым годом, с новым счастьем!» —
Шлю сердечный я привет.
Пусть его умчит с собою
Ветер в дальние края —
К вам, житейскою волною
Унесенные друзья!

Всем врагам неправды черной,
Восстающим против зла,
Не склоняющим покорно
Перед пошлостью чела —
Всем привет и всем желанье,
Чтоб и новый этот год

Дал вам силу на страданье,
Бодрый дух среди невзгод!

2

Пестрота, и блеск, и говор...
Вся горит огнями зала;
«С Новым годом, с новым счастьем!» —
Отовсюду зазвучало.

Сколько здесь приличья, такту
И владеть собой уменья!
Что за тонкие оттенки
В рукожатьях, в поздравленье!

Что изящней, благородней
Их манер и разговора:
Ни движений резких нету,
Ни заносчивого спора!..

Вот оркестр внезапно грянул,
Заглушая говор шумный;
Как досадно!.. Насладиться
Не дает беседой умной.

Вплоть до утра всё бы слушал
Я в сердечном умиленьи
Эти толки — о пороках
Молодого поколенья.

Как правдиво негодует
Убеленный сединами
Муж, что юноши смеются
Нынче даже... над чинами!

Что прекрасное, святое
Всё пятнать они готовы
И что главного в них нету —
Нету нравственной основы.

Лезут в Гракхи, рассуждают
Про аграрные законы;

Небывалые повсюду
«Меньших братий» слышат стоны.

Что за речи золотые!
Сердце радостно забьется,
Как подумаю, что слушать
Целый год мне их придется!

31 декабря 1861

* * *

О, не забудь, что ты должник
Того, кто сир, и наг, и беден,
Кто под ярмом нужды поник,
Чей скорбный лик так худ и бледен,
Что от небес ему одни
С тобой даны права святые
На всё, чем ясны наши дни, —
На наши радости земные!

И тех страдальцев не забудь,
Что обрели венец терновый,
Толпе указывая путь —
Путь к возрожденью, к жизни новой!
И пусть в дому твоем найдут
Борьбой измученные братья
Забвенье мук, от бурь приют
И брата верные объятья!

31 декабря 1861

МОЛЬБА

И к небу взор поднявши свой,
Они — исполнены печали —
Из глубины души больной,
Души измученной взывали:
«У нас на подвиг нету сил!
Исходит сердце наше кровью,

Неравный бой нас истомил,
Взгляни, взгляни на нас с любовью!»

С глаголом мира на устах
Мы шли навстречу наших братий;
Откуда ж их внезапный страх,
Откуда этот вопль проклятий?
Услышав нашу речь, они
Мечи хватали и каменья
И судьям в диком озлобленьи
Кричали бешено: «Распни!»

Ужель вражду и злобу мы
В сердцах людей воспламенили
Лишь тем, что больше зла и тьмы
Добро и свет мы возлюбили?
Что призывали богачей,
И сильных мира, и свободных
Не гнать от трапезы своей
Нагих, и сирых, и голодных?

И вот, отверженны людьми,
Изнемогли мы в долгой битве.
О боже истины! вонми
Гонимых чад твоих молитве!
Сердца озлобленных смягчи,
Открой слепым и спящим очи,
И пусть хоть бледные лучи
Блеснут в глубоком мраке ночи!

1861

* * *

На сердце злоба накипела
От заученных этих фраз!
Слова, слова! А чуть до дела,
Ни сил, ни воли нет у нас!

Как мы сочувствуем народу,
Как об его скорбим нуждах!

За правду мы в огонь и в воду
Идти готовы... на словах.

Развить логически и здраво
Умеем мы, что гибнет мир;
Что богачей и нищих право
Одно на светлой жизни пир.

И поучаем мы охотно,
Что лень постыдна и вредна;
Что не затем, чтоб кушать плотно
Да празднословить, жизнь дана.

А между тем борьбы упорной
Или сурового труда
Бежим мы с трусостью позорной
И не краснеем от стыда!

И кто, неправдою гонимый,
Себе нашел защиту в нас?
Бесстрастно мы проходим мимо
Людского горя каждый час.

И фразы нам всего дороже!
Нас убаюкали оне...
Когда ж сознаем мы, о боже!
Что нет спасенья в болтовне?

<1862>

* * *

Природа-мать! К тебе иду
С своей глубокою тоскою;
К тебе усталой головою
На лоно с плачем припаду.

Твоих лесов немолчный шум
И нив златистых колыханье,
Лазурь небес и вод журчанье
Разгонят мрак гнетущих дум.

Пусть говорят, что ты к людской
Тоске и скорби безучастна,
Что исцеления напрасно
Ждать от тебя душе больной.

Нет, я не верю! С нами ты
Живешь одною жизнью полной;
Или зачем же ропщут волны
И грустно шепчутся листы?

Зачем же с неба хор светил
Земле так ласково сияет
И слезы чистые роняет
Роса на свежий дерн могил?

На всё ответ в тебе найдет
Тот, кто с любовью бесконечной
К тебе и гнет тоски сердечной,
И радость светлую несет.

О, не отринь, природа-мать,
Борьбой измученного сына,
Чтобы хотя на миг единый
Сошла мне в душу благодать!

Чтобы с себя я мог стряхнуть
И лжи и лености оковы
И с сердцем чистым, с силой новой
Опять пустился бодро в путь...

Да окрылит дух падший мой
Восторг могучими крылами;
Да буду мыслью и делами
Я верен истине одной!

<1862>

ОТЧИЗНА

Природа скудная родимой стороны!
Ты дорога душе моей печальной;
Когда-то, в дни моей умчавшейся весны,
Манил меня чужбины берег дальный...

И пылкая мечта, бывало, предо мной
Рисует всё блестящие картины:
Я вижу свод небес прозрачно-голубой,
Громадных гор зубчатые вершины...

Облиты золотом полуденных лучей,
Казалось, мирт, платаны и оливы
Зовут меня под сень раскидистых ветвей,
И розы мне кивают молчаливо...

То были дни, когда о цели бытия
Мой дух, среди житейских обольщений,
Еще не помышлял... И, легкомыслен, я
Лишь требовал у жизни наслаждений.

Но быстро та пора исчезла без следа,
И скорбь меня нежданно посетила...
И многое, чему душа была чужда,
Вдруг стало ей и дорого и мило.

Покинул я тогда заветную мечту
О стороне волшебной и далекой...
И в родине моей узрел я красоту,
Незримую для суетного ока...

Поля изрытые, колосья желтых нив,
Простор степей, безмолвно величавый;
Весеннею порой широких рек разлив,
Таинственно шумящие дубравы;

Святая тишина убогих деревень,
Где труженик, задавленный невзгодой,
Молился небесам, чтоб новый, лучший день
Над ним взошел — великий день свободы.

Вас понял я тогда; и сердцу так близка
Вдруг стала песнь моей страны родимой —
Звучала ль в песне той глубокая тоска,
Иль слышался разгул неудержимый.

Отчизна! не пленишь ничем ты чуждый взор...
Но ты мила красой своей суровой
Тому, кто сам рвался на волю и простор,
Чей дух носил гнетущие оковы...

<1862>

ОНА И ОН

Das ist eine alte Geschichte...
H. Heine[1]

Ему всё мило было в ней:
И смех ребяческий, и ласки,
Ее голубенькие глазки,
И пряди светлые кудрей.

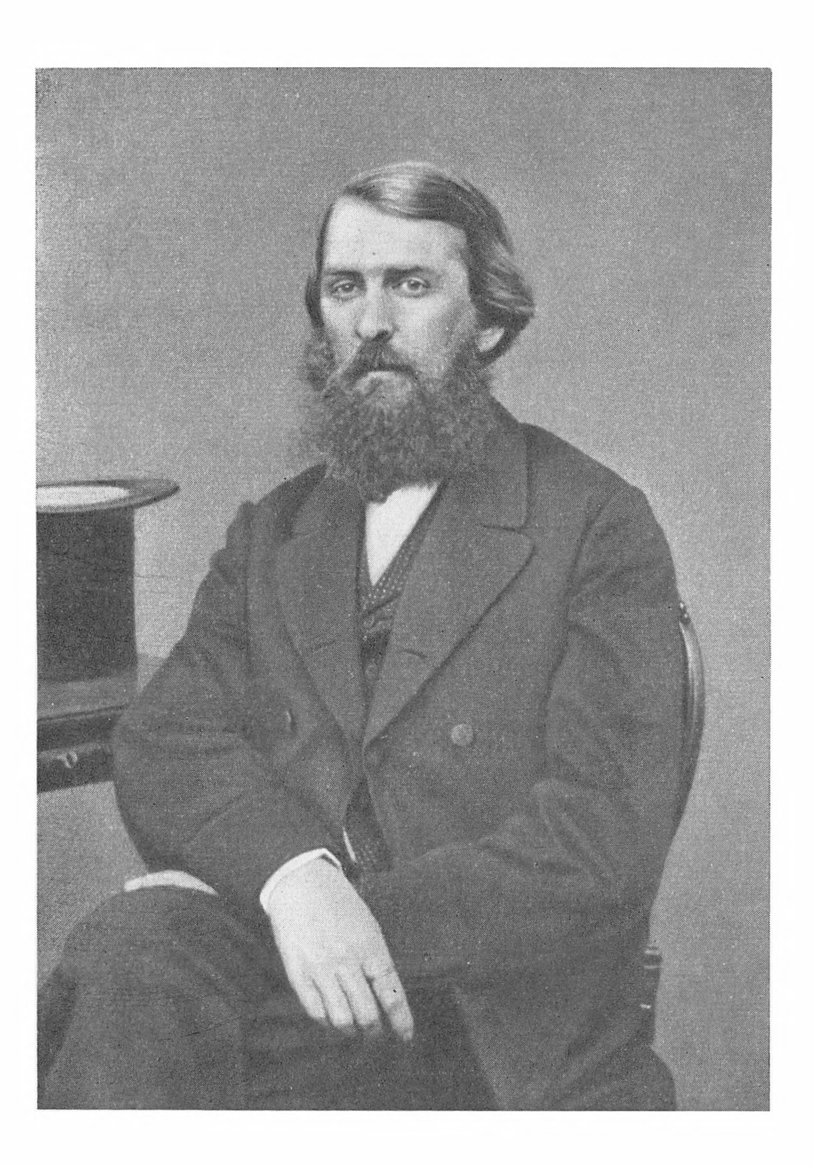
Мирился он с своей судьбой,
Когда к плечу его, бывало,
Ласкаясь, тихо припадала
Она головкой молодой.

Целуя чистое чело
И гибкий стан обвив рукою,
Он говорил: «На мир с тобою
Смотрю я честно и светло.

Ты дух мой слабый извлекла
Из бездны страшного паденья;
Звездою яркою спасенья
Ты в небесах моих взошла.

Отныне были б без тебя
Мне дни мои невыносимы;

[1] Это старая история... *Г. Гейне* (нем.). — *Ред.*

Тоской безвыходной томимый,
Сошел бы в землю я, любя!»

На речи нежные она
Могла ответить лишь слезами
И не «клялася небесами»
Навеки быть ему верна.

Она, без клятв, без громких слов,
Всю жизнь любить его умела;
Она пошла за милым смело,
Покинув свой родимый кров.

Он был хорош. Лицо его
Следы носило жизни бурной.
Сначала света блеск мишурный
Любил он более всего;

Хоть, может быть, и не блистал
Он там звездой первостепенной
И обращался с ним надменно
Иной сиятельный нахал,

Но сердце женское не раз
Умел пленить он речью страстной;
И были все мужья согласны,
Что он опасен, как Ловлас.

В любви он видел жизни цель,
Бросал, потом опять влюблялся;
С одним соперником стрелялся
И сослан был он за дуэль.

Развратом, картами, вином
Он услаждал тоску изгнанья
И, небольшое состоянье
Убив, остался голяком.

Тогда-то он сошелся с ней;
Его ума она сначала
Боялась всё — не понимала
Его возвышенных речей.

Как дикий цвет в полях, цвела
Она, цены себе не зная;
Ей странно было, как такая
Степнячка нравиться могла;

Да и кому еще притом?
Ему, который там, в столице,
Конечно, не с одною львицей
Великосветской был знаком.

Он победить в ней этот страх
Старался нежностью покорной;
Большую опытность, бесспорно,
Имел в сердечных он делах.

И говорил он так умно!
А отличить в наш век, и сразу,
От чувства искреннего фразу
Сердцам наивным мудрено!

И в Петербург с собой увез
Ее он из глуши печальной;
С ним в путь она пустилась дальный
Без горьких жалоб и без слез.

Он представлял друзьям своим
Ее с торжествовавшим взором;
Друзья все поздравляли хором
Его с сокровищем таким.

Как был доволен он и рад,
Когда знакомые артисты,
Бывало, этот облик чистый
С головкой грёзовской сравнят!

Одна беда: своим трудом
Обоим жить им приходилось;
Она без устали трудилась,
Сидела ночи за шитьем;

А он... он места всё искал,
Но, получив ответ повсюду

Один: «Иметь в виду вас буду», —
Пока сложивши руки ждал.

Хоть он на связи прошлых лет
Считать имел бы основанье,
Но в этот раз ему вниманья
Не оказал холодный свет.

Уверен я, известно вам,
Читатель мой, что очень трудно
В столице нашей многолюдной
Себя пристроить беднякам.

Себе отказывать во всем
Он не привык. Среди лишений,
Грошовых счетов, огорчений
Нередко желчь кипела в нем.

Купить хотел бы он своей
Подруге пышные наряды,
Чтобы завистливые взгляды
Привлечь, когда идет он с ней.

Ему хотелось побывать
В любимой опере, в балете;
Порой хотелось даже в свете
Блеснуть любезностью опять.

Во сне он часто видел бал;
Гремел оркестр, блистали свечи,
И кто-то пламенные речи
Ему под музыку шептал...

Но что же делала она?
Ей не мечтался говор бальный:
Зажжет себе огарок сальный
И шьет сидит, не зная сна,

Чтоб только он доволен был,
Клясть перестал судьбы нападки;
Чтоб завтра свежие перчатки
Себе к гулянью он купил.

Она была так весела,
Как бы нужды не знала гнета;
Лишь красота, казалось, что-то
Немного блекнуть начала.

Но наконец — хвала судьбе
(Я отношу сей случай к чудным) —
Местечко с жалованьем скудным
Нашел приятель наш себе.

И стал он в должность каждый день
Ходить и там строчить бумаги;
Но ненадолго в нем отваги
Хватило... не осилил лень!

И, тяготясь своим трудом,
Он стал твердить: «Нет, право, мочи
Приказным быть чернорабочим,
Каким-то упряжным волом.

Не снился мне такой удел!
Доволен будет им не каждый;
Моя душа томится жаждой
Иных, полезных миру дел!»

Но если правду говорить,
Он к делу годен был не слишком;
И не таким, как он, умишкам
Дела великие творить!

И становились всё тошней
Ему служебные занятья;
Всё чаще сыпал он проклятья
И на судьбу, и на людей!

И даже той он не щадил —
Когда домой к себе, бывало,
Придет сердитый и усталый, —
Кому милее жизни был!

Не раз бросал в лицо упрек
Он ей в минуту озлобленья,

Хотя потом просил прощенья
И у ее валялся ног.

То, чем душа была больна,
У ней не изливалось в пенях;
И по ночам лишь на коленях
Молилась пламенно она.

А он всё думал об одном:
«Когда ж мне счастье улыбнется?
Иль в должность целый век придется
Мне шляться по́ грязи пешком!

Ужели буду поглощен
Я весь чиновничества тиной
И в месяц двадцать два с полтиной
Брать целый век я обречен!»

Желанье благ пережитых
В груди его всё возрастало,
И он во что бы то ни стало
Поклялся вновь добиться их.

Давно известно нам из книг,
Что человеку с силой воли
Возможно всё. Так мудрено ли,
Что цели скоро он достиг.

Достиг... но не путем труда;
Ведь по привычкам был он барин,
А этот путь неблагодарен
В отчизне нашей, господа!

Он часто льстил себя мечтой,
Что, говорить умея плавно,
Он, верно б, был оратор славный
Иль адвокат в стране иной.

Увы! не то ему судил
И бед и радостей виновник,
Капризный рок. Один сановник
Тогда в столице нашей жил.

Хотя у старца голова
Была сединами покрыта,
Но называла волокитой
Его стоустая молва.

И точно, от семьи тайком
(Имел детей он и супругу)
Завел он нежную подругу
И ей купил в Коломне дом.

Связь эта длилась много лет,
И дочь была плодом их страсти,
Хоть, признаюсь, темно отчасти,
Кто произвел ее на свет.

Ее любил он: исполнял
Он дочки каждую затею
И обещался дать за нею
Довольно круглый капитал.

Охота страшная была
У ней отведать жизни брачной;
Но, к сожалению, невзрачной
Ее природа создала.

Хотя подчас пускала в ход
Она румяна и белила,
Но женихов не находила,
А ей уж шел двадцатый год.

Она училась кой-чему,
Но не могла прочесть без скуки
Двух слов: не нравились науки
Ее небойкому уму.

Боялась мать, чтобы греха
Какого с дочкой не случилось, —
И к старцу с просьбой обратилась
Скорей найти ей жениха.

Примерным старец был отцом
И, много времени не тратя,

Искать усердно начал зятя
В обширном ведомстве своем.

И наш приятель там служил;
Фигурой стройной, смелым взором,
Изящным светским разговором
Он тотчас старца поразил,

И старец был ужасно рад,
Что сей чиновник интересный
Живет себе в каморке тесной,
Что беден он и не женат.

К себе он на дом звал его
И там однажды, в кабинете,
Открыл ему, что на примете
Имел невесту для него;

Что не красавица она,
Но обладает состояньем,
Притом с отличным воспитаньем,
И будет добрая жена.

Отвесил наш герой поклон,
И с восхищенным старцем вместе
На смотр к назначенной невесте
Поехать согласился он.

Невеста юная гостей
Ждала с тоской нетерпеливой;
Жених изящный и красивый
Давно во сне являлся ей.

Когда ж предстал ей наяву,
Ее он просто озадачил;
Ей стало жаль, что не назначил
Он где-нибудь ей рандеву.

Что не сошлись они тайком
В саду, в аллее темной, длинной,
А здесь, в гостиной этой, чинно
Сидят, и даже не вдвоем...

Сбылся ее заветный сон,
Его мечты сбывались тоже;
Так дожидаться им чего же?
Вопрос о браке был решен.

Но в душу страх ему проник:
Как объяснить подруге прежней?
А объясненье неизбежней
Всё становилось каждый миг.

И этот страх преодолеть
Не в силах будучи, из дому
Он скрылся раз... Она к знакомой
Пошла в тот вечер посидеть.

Когда ж назад она пришла
И, победив свою дремоту,
Хотела взяться за работу, —
Письмо на столике нашла.

Рукой дрожащею печать
Она в испуге надломила,
Прочла... Слезы не проронила
И тихо села на кровать...

И просидела так она
Вплоть до утра, храня молчанье,
Как будто скорби изваянье,
И недвижима, и бледна.

Он ей поведал коротко́,
Что в нем уж нету прежней страсти.
Что чувства все не в нашей власти
И с сердцем сладить нелегко.

Ну, словом, он сумел мотив
Найти достаточный измене
И кончил нежно, в нотабене
Подруге помощь предложив.

Но вот уж розовым лучом
К ней утро в комнатку блеснуло:
Она очнулась и взглянула
Глазами мутными кругом.

У ней, казалось, на лице
Уж нет отчаянья и тени;
Привстала... дверь толкнула в сени
И очутилась на крыльце.

Всё спало. Даже в мелочной
Лавчонке не было продажи,
И не гремели экипажи
Еще по пыльной мостовой.

С крыльца сошла она и вот
Куда-то улицей пустою
Идет поспешною стопою,
Не озираяся идет.

Дома и церкви перед ней
Громадно высились... но скоро
Пошли лачуги да заборы,
А там застава, даль полей...

Минуя фабрик дымных ряд,
Кладбища тесные могилы,
Она идет, идет... и силы
Ей изменить уже хотят.

Ей темя жжет полдневный зной,
Томят ее усталость, голод...
А сердце словно тяжкий молот
Стучит у ней в груди больной.

Переступать она с трудом
Могла — подкашивались ноги...
И вдруг упала средь дороги,
Как колос, срезанный серпом...

Купцом проезжим найдена,
Она в ближайший стан попалась;
И при допросе оказалось,
Что сумасшедшая она.

А наш приятель получил
Довольно выгодное место
И с некрасивою невестой,
Спустя неделю, в брак вступил.

Я видел раз, как их несла
В коляске модной серых пара, —
И пожалел лишенных дара
Свои обделывать дела!

<1862>

ДВЕ ДОРОГИ

(Посв<ящается> И. С. Аксакову)

1

Две легли дороги, братья, перед нами,
А какая лучше, рассудите сами.
Первая дорога — широка, привольна;
Всякого народу ходит тут довольно;
Глаже, веселее не сыскать дороги:
Не изрежут камни пешеходу ноги;
По бокам всё рощи с темною листвою;
Есть где приютиться от дождя и зною.
И в садах роскошных недостатка нету,
И гулять в них может всякий без запрету.
Там плоды на солнце, наливаясь, зреют,
Там цветы в зеленой мураве пестреют,
Как богатой ткани яркие узоры,
Любоваться ими не устанут взоры;
И ведет не к горю, не к нужде гнетущей,
А к счастливой доле этот путь цветущий.
В роскоши да в неге, весело, богато
Заживет счастливец в расписных палатах;
Перед ним холопы будут изгибаться,

От него подачки жадно добиваться...
Золотом пресыщен и пресыщен властью,
Попривыкнув к лести и к подобострастью,
Он совсем забудет, что на белом свете
Есть нужды и горя страждущие дети,
Что они не знают счастья до могилы,
А чела не клонят рабски перед силой.
Славная дорога! Хоть кого заманит,
Околдует сердце, разум отуманит!

2

Но другой есть путь — кремнистый,
По горам крутым идет;
Не шумит здесь сад тенистый
И не зреет сочный плод.
Только острые каменья
Чья-то щедрая рука
Разбросала на мученье
Пешехода-бедняка.
Терн колючий то и дело
Вырастает из земли
И ему вонзает в тело
Иглы острые свои.
И идущим по такому
Безотрадному пути —
В золоченые хоромы,
К наслажденью не прийти!
И не ждут они веселья,
На пирах им места нет:
В путь они пустились с целью
Проложить в пустыне след.
Хоть угрюма та дорога
И не к радостям ведет,
Но по ней за ними много
Новых путников пойдет
С упованьем, что желанный
Час придет когда-нибудь,
Что на край обетованный
Будет им дано взглянуть;
И с душою умиленной,
В этот час, с крутых высот,

Солнца правды над вселенной
Встретят путники восход!..
Так-то, братья! Перед нами
Пролегают два пути:
Рассудите же вы сами,
По какому нам идти!

<1862>

РОДНОЕ

Свесилась уныло
    Над оврагом ива,
И всё дно оврага
    Поросло крапивой.

В стороне могила
    Сиротеет в поле:
Кто-то сам покончил
    С горемычной долей!

Вон вдали чернеют,
    Словно пни, избушки;
Не из той ли был он
    Бедной деревушки?

Там, чай, труд да горе,
    Горе без исхода...
И кругом такая
    Скудная природа!

Рытвины да кочки,
    Даль полей немая;
И летит над ними
    С криком галок стая...

Надрывает сердце
    Этот вид знакомый...
Грустно на чужбине,
    Тяжело и дома!

<1862>

СОВЕТЫ МУДРЕЦОВ

1

Нет! вы к делу не годитесь,
В вас «умеренности» нет!
Лучше с жизнью примиритесь,
Бросьте юношеский бред!
Ненавидеть слишком страстно,
Слишком искренно любить —
Это в книгах всё прекрасно,
Но иначе нужно жить.
В идеалах мало проку,
В них, напротив, вся беда:
С идеалами далеко
Не уйти вам никогда!

2

Ваш язык острее бритвы,
Желчь в речах у вас слышна;
Жизнь, по-вашему, для битвы
Для какой-то создана,
Злым началом отрицанья
Дух ваш слишком заражен;
Всё вам видятся страданья,
Всё вам слышен чей-то стон.
Отрицайте осторожно
И карьеры не губя;
Иногда ругнуть и можно,
Но не громко... про себя!

3

«Или белый, или черный —
Что-нибудь из двух одно!» —
Вами, с пылкостью задорной,
Очень быстро решено.
Это крайности! Ни меры,
Ни границ в вас чувства нет!
Лучший цвет, поверьте, серый:
Он «умеренности» цвет.

А она земные блага
И спокойствие дает;
Вы ж безумною отвагой
Только тешите народ!

4

Но придете вы к тому же!
Поседеет голова,
И стремленья станут у́же,
Осторожнее слова...
Если ж в сердце сохранится
Пламень юношеских лет,
Лучше б вам и не родиться:
Не уйдете вы от бед!
Бросьте ваши увлеченья,
Изберите путь иной —
Путь единственный спасенья:
Середины золотой!

<1862>

В ЛЕСУ

Шумели листья под ногами,
Мы шли опушкою лесной.
Роса над спящими лугами
Ложилась белой пеленой.

Мы шли. Он молод был, звучала
Отвагой пламенная речь.
Он говорил: «Пора настала,
И стыдно нам себя беречь.

Дружней приняться за работу
Должны все честные умы;
И лжи и зла двойному гнету
Довольно подчинялись мы.

Довольно трусости и лени,
К нам перешедшей от отцов,

И бесполезных сожалений,
И красноречия цветов.

Пускай толпа за подвиг смелый
Нам шлет бессмысленный укор;
Не бросим мы святого дела!
Мы встретим радостно позор!..»

Речам восторженным внимая,
Я думал: «Дай-то, дай-то бог,
Чтоб, на неправду восставая,
Ты в битве той не изнемог!»

Он замолчал... А лес сосновый,
Кивая, ветви простирал,
Как бы его на труд суровый,
На путь святой благословлял...

<1862>

НОЧЬЮ

Неприветна, молчалива
Ночь глядит в мое окно;
Время тянется тоскливо,
Спят домашние давно.

Одному лишь мне не спится:
Только дня замолкнет шум,
В голове моей гнездится
Рой зловещих, мрачных дум.

Всё испуганному взору
Призрак смерти предстает,
И сдается мне, что скоро
С жизнью кончится расчет.

Страсти! жизнь! Хоть вас порою
Проклинал я, жаль мне вас!
Пусть гнетущею тоскою
Грудь полна и в этот час,

Оттого что тьма густая
Над землей еще висит
И повсюду сила злая
Торжествует и крушит.

Но я верю... и расстаться
Жаль мне с верою моей;
Всё хотелось бы дождаться
Первых истины лучей!

Жаль покинуть сердцу милых,
Кто и лаской и слезой
В дни, когда слабел я в силах,
Врачевал мой дух больной!

Кто словами укоризны
Сердце мне не уязвил,
Но кому немало в жизни
Я мгновений отравил.

Жаль мне ненависти честной,
Дорогих любви забот...
Неужель в могиле тесной
Скоро, скоро всё заснет?

<1862>

* * *

Всю-то, всю мою дорожку
Ранним снегом занесло!
Было время золотое,
Да как сон оно прошло.
Было время — и блистало
Солнце в яркой синеве,
И цветов пестрело много
В зеленеющей траве.
Шумом радостным шумели
Бесконечные леса...
И звенели в темной чаще
Вольных птичек голоса.
И река спокойно в море
Волны чистые несла;

И дрожащим в этих волнах
Звездам не было числа!

Но разнес осенний ветер
    Пожелтевшие листы;
И под холодом поникли
    Запоздалые цветы...
Улетели в край далекий,
    Под иные небеса,
Птички вольные, покинув
    Обнаженные леса!
И в волнах реки шумящих
Не лазурный, чистый свод,
Не бесчисленные звезды —
Тучи смотрятся с высот...

Было время — молодое
Сердце билося в груди;
Жизнь и счастье и свободу
Обещало впереди!
Божий мир казался тесен
Для могучих юных сил;
Как орел ширококрылый,
В беспредельность дух парил!
Жажда подвигов высоких
Волновала смелый ум;
Много в сердце было страсти,
В голове — кипучих дум!
Жизнь! зачем же обещаний
Не сдержала ты своих
И зачем не пощадила
Упований молодых?
Сгибло всё: надежды, силы...
Как ненастною порой
Зеленеющие всходы
Под дыханьем бури злой!
Было время золотое,
Да как сон оно прошло!
Всю-то, всю мою дорожку
Ранним снегом занесло!

<1862>

К ЮНОСТИ

(Посвящается молодому поколению)

О юность, юность, где же ты?
Где эта пылкая отвага
И вдохновенные мечты?
Готовность где во имя блага,
Покинув всё — семью и дом, —
Идти на битву с мощным злом?

Их нет давно! .. И нету сил
На подвиг трудный и суровый;
Как раб, что много лет носил
Неволи тяжкие оковы,
Я духом слаб, я изнемог,
Сломил меня железный рок.

Лишь одного житейский гнет
Убить в душе моей не в силах,
Одно в ней только не умрет,
Хотя и будет в этих жилах
Струиться старческая кровь:
К отважной юности любовь! ..

Когда, толпясь вокруг меня,
Кипит младое поколенье,
Иного, радостного дня
Рассвет я вижу в отдаленье
И говорю с восторгом я:
«Бог помочь, братья и друзья!

Несите твердою рукой
Святое знамя жизни новой,
Не отступая пред толпой,
Бросать каменьями готовой
В того, кто сон ее смутит,
Чья речь, как божий меч, разит.

Бог помочь, братья и друзья!
Когда ж желанный день настанет,

Пусть ваша дружная семья
Отживших нас добром помянет,
Нас всех, чья молодость прошла
В борьбе с гнетущей силой зла!»

25 февраля 1862

ЛЖЕУЧИТЕЛЯМ

Жрецы греха, пророки тьмы!
Напрасно вы постыдной ложью
Затмить хотите правду божью,
Сердца опутать и умы!
Бессильны злобы ухищренья,
Бессильно жало клеветы:
Свободы пылкие мечты,
Ко благу честные стремленья
Вам не убить! Года пройдут,
И лжи замрет бесследно голос;
Зерно добра даст пышный колос,
А ваши плевелы сгниют!

Иль ослепленным вашим взорам
Заря иная не ясна?
Вам дела нет, что племена,
Покончив с вековым раздором,
Друг другу руки подают;
Что столько свергнуто кумиров
И что сильней всех сильных мира
Стал мысли животворный труд!
Вам дела нет! Но час настанет,
Жрецы греха, пророки тьмы,
И человек, как от чумы,
От вас с проклятием отпрянет!
И вы, с позором на челе,
Пойдете, ужасом объяты,
Как древле брат, убивший брата,
Искать приюта на земле!

27 февраля 1862

ЛЕТНИЕ ПЕСНИ

1

Запах розы и жасмина,
Трепет листьев, блеск луны...
Из открытых окон льется
Песня южной стороны...

И томят и нежат душу
Эта ночь и песня мне;
Что затихло, что заснуло —
Снова будят в ней оне.

И нежданно встрепенулась
Вереница давних грез;
А казалось, что навеки
Эти грезы рок унес;

И что всё, чем в молодые
Дни душа была полна,
Поглотила невозвратно
Жизни мутная волна!

Но опять потухший пламень
Загорается в крови,
И опять раскрылось сердце
Для восторга и любви!

Пахнут розы и жасмины,
Серебримые луной...
И поет, поет о счастье
Чей-то голос молодой!..

<1862>

2

И вот шатер свой голубой
Опять раскинула весна;
Окроплены луга росой,
И серебристой полосой
Бросает свет на них луна.

Светла, как детский взор, река,
И ветви ив склонились к ней
Под гнетом легким ветерка;
И прилетел издалека
С звенящей трелью соловей...

Прекрасны вы, дары весны;
И горе бедным и больным,
Чьи очи горьких слез полны...
Такие ночи созданы
Для тех, кто счастлив и любим!

<1862>

3

Отдохну-ка, сяду у лесной опушки;
Вон вдали — соломой крытые избушки,
И бегут над ними тучи вперегонку
Из родного края в дальнюю сторонку.
Белые березы, жидкие осины,
Пашни да овраги — грустные картины;
Не пройдешь без думы без тяжелой мимо.
Что же к ним всё тянет так неодолимо?

Ведь на свете белом всяких стран довольно,
Где и солнце ярко, где и жить привольно.
Но и там, при блеске голубого моря,
Наше сердце ноет от тоски и горя,
Что не видят взоры ни берез плакучих,
Ни избушек этих серераньких, как тучи;
Что же в них так сердцу дорого и мило?
И какая манит тайная к ним сила?

Июль 1861

4

Люблю я по́д вечер тропинкою лесною
Спуститься к берегу зеленому реки
И там, расположась под ивою густою,
Смотреть, как невод свой закинут рыбаки,
Как солнце золотит прощальными лучами
И избы за рекой, и пашни, и леса,
А теплый ветерок меж тем, шумя листами,
Едва-едва мои взвевает волоса,
И ласково лицо мое целует ива,
Нагнув ко мне свои сребристые листы.
О, как мне хорошо! Довольный и счастливый,
Лежу я вдалеке от скучной суеты;
Мне в уши не жужжат заученные фразы
Витий, что ратуют за «медленный прогресс»
И от кого бы прочь бежал, как от заразы,
В пустыни дикие, в непроходимый лес.
Порою в разговор рыбак со мной вступает
О том, какой ему на долю выпал лов,
Как сына он к дьячку учиться посылает...
И я внимать ему хоть целый день готов:
Мне по душе его бесхитростное слово,
Как по душе мне жизнь средь вспаханных
полей, —
Здесь, пошлости и лжи стряхнув с себя оковы,
Свободней я дышу и чувствую полней.

Июль 1861

5

Солнце горы золотило,
Золотило облака.
Воды светлые катила
В яркой зелени река.

И казалось, эти воды
Унесли с собою вдаль
И недавние невзгоды,
И недавнюю печаль.

И как будто воротилась
    Снова дней моих весна;
Сердце весело так билось,
    Так душа была ясна.

Всё, чего душа просила
    Так напрасно с давних пор,
Всё природа ей дарила:
    И свободу, и простор!

Июль 1862

6

Ночь пролетала над миром,
    Сны на людей навевая;
С темно-лазоревой ризы
    Сыпались звезды, сверкая.

Старые мощные дубы,
    Вечнозеленые ели,
Грустные ивы листвою
    Ночи навстречу шумели.

Радостно волны журчали,
    Образ ее отражая;
Рожь наклонялась, сильнее
    Пахла трава луговая.

Крики кузнечиков резвых
    И соловьиные трели,
В хоре хвалебном сливаясь,
    В воздухе тихом звенели,

И улыбалася кротко
    Ночь, над землей пролетая...
С темно-лазуревой ризы
    Сыпались звезды, сверкая...

Июль 1862

7

Бледный луч луны пробился
   Сквозь таинственной листвы,
И приносит ветер теплый
   Запах скошенной травы.

Всё бы только здесь лежал я,
   Под навесом этих ив,
В даль немую, в купол звездный,
   Взор бесцельно устремив;

Всё бы слушал, как вершина
   Ивы дремлющей шумит,
Как на темном дне оврага
   По камням родник журчит.

Это тихое журчанье,
   Шелест листьев, свет луны —
На меня всё навевает
   Примиряющие сны...

Ночь! с твоим сияньем кротким,
   Для усталого меня,
Ты дороже и милее
   Ярко блещущего дня...

Июль 1862

8

Что ты поникла, зеленая ивушка?
   Что так уныло шумишь?
Или о горе моем ты проведала,
   Вместе со мною грустишь?

Шепчутся листья твои серебристые,
   Шепчутся с чистой волной...

Не обо мне ли тот шепот таинственный
Вы завели меж собой?

Знать, не укрылася дума гнетущая,
Черная дума от вас!
Вы разгадали, о чем эти жгучие
Слезы лилися из глаз?

В шепоте вашем я слышу участие;
Мне вам отрадно внимать...
Только природе страданья незримые
Духа дано врачевать!

<1863>

* * *

Зачем при звуках этих песен,
Знакомых песен старины,
Ты, сердце, сильно так забилось,
Как будто в дни своей весны?

Ужель восторги и печали,
Все бури юношеских лет,
В тебе оставили навеки
Ничем неизгладимый след?

Ты жарко верило, любило —
Но жизнь разбила все мечты.
Жизнь ничего не пощадила,
Пред чем благоговело ты!

И холоднее год от году
В тебе струиться стала кровь...
Что ж встрепенулось ты? Иль пламень,
Давно угасший, вспыхнул вновь?

Иль просто жаль тебе былого:
Тревог и чувств пережитых?

Но, как волну, что вдаль умчалась,
Не воротить нам больше их!

Оставь напрасные порывы,
Тревоги старые забудь...
О! лучше б нам под эти звуки
С тобой последним сном заснуть!

<1863>

* * *

В суде он слушал приговор —
Его галеры ожидали:
Он был бедняк, и был он вор.
Неделю дети голодали,
И, нищетой удручена,
Глядела в гроб его жена;
Труды, заботы, огорченья,
Знать, не по силам были ей;
И поддался он искушенью:
Украл на хлеб семье своей.

И осуждение бесстрастно
Прочел ему синедрион;
Казалось, нищетой ужасной
Никто из них не поражен;
Пример не нов, да и напрасно
Жалеть — неумолим закон!
Лишь одному людское горе
Доступно было в этот миг,
Любовь в одном светилась взоре:
Глядел — и кроток и велик —
Среди безмолвной тишины
Христос распятый — со стены...

<1863>

УМИРАЮЩИЙ

Оставь, душа, сомненья и надежды!
Конец борьбе с мирским всесильным злом.
Я чувствую: сомкнутся скоро вежды,
Близка пора заснуть последним сном!

Истощены бесплодно наши силы;
Мы не щадя их тратили в борьбе;
Но у дверей темнеющей могилы
Мы не пошлем проклятия судьбе.

И от нее не ждем мы воздаянья
За всё, чем жизнь была отравлена...
Страдали мы — но были те страданья
Дороже нам бездействия и сна.

Покинем мир спокойно, без упрека;
Пусть не для нас победные венцы,
Пусть цель от нас была еще далеко,
Но пали мы как честные борцы!..

<1863>

ВЕСНА

Опять весной в окно мое пахнуло,
И дышится отрадней и вольней...
В груди тоска гнетущая заснула,
Рой светлых дум идет на смену ей.

Сошли снега... Оковы ледяные
Не тяготят сверкающей волны...
И плуга ждут далекие, немые
Поля моей родимой стороны.

О, как бы мне из этих комнат душных
Скорей туда хотелось — на простор,
Где нету фраз трескучих и бездушных,
Где не гремит витий продажных хор.

В поля! в поля! знакомая природа
К себе красой стыдливою манит...
В поля! там песнь воскресшего народа
Свободная и мощная звучит.

<1863>

ИПОХОНДРИЯ

Подумать страшно, что такой
Конец сужден житейской драме;
Что будешь в узкой, темной яме
Лежать недвижный и немой;

Что черви примутся точить
Твое покинутое тело —
Точить то сердце, что умело
И ненавидеть и любить.

И после многих, многих лет
Какой-нибудь мечтатель праздный
Найдет твой череп безобразный
И унесет в свой кабинет,

Чтоб вместо мрамора лежал
Он на листах бумаги пыльной
Или детей, жилец могильный,
Как зашалят они, пугал.

<1863>

ОСЕНЬ

Я узнаю тебя, время унылое:
Эти короткие, бледные дни,
Долгие ночи, дождливые, темные,
И разрушенье — куда ни взгляни.
Сыплются с дерева листья поблекшие,
В поле, желтея, поникли кусты;

По небу тучи плывут бесконечные...
Осень докучная!.. Да, это ты!

Я узнаю тебя, время унылое,
Время тяжелых и горьких забот:
Сердце, когда-то так страстно любившее,
Давит мертвящий сомнения гнет;
Гаснут в нем тихо одна за другою
Юности гордой святые мечты,
И в волосах седина пробивается...
Старость докучная!.. Да, это ты!

<1863>

ТУЧИ

Отвори, мой друг, окошко,
Воздух тепел и душист,
Ни один не колыхнется
На березках белых лист.

Отвори, мой друг, окошко
И не бойся. Стороной
Туча грозная промчалась,
Нас пугавшая с тобой.

Но я вижу, ты за нею
Робким взором всё следишь;
И грозу — тебе сдается —
Предвещает эта тишь.

Посмотри! Блеснуло солнце...
В бледно-розовых лучах
Тонет даль полей немая...
Отгони свой детский страх;

Посмотри, как чист и ясен
Солнца летнего закат...
И на завтра безмятежный
Небеса нам день сулят.

Но я знаю, что за дума
На челе твоем легла:
Ты забыть не можешь тучи,
Что далеко уплыла.

И, невольно подымая
К небу грустные глаза,
Говоришь себе: «Над кем-то
Грянет страшная гроза!

Дай-то бог, чтоб не застигла
Бедных странников она —
Бедных странников, бредущих
В ночь без отдыха и сна;

Не застигла б тех, кто бросил
Близких, родину и дом
И пошел к далекой цели
Неизведанным путем!»

Июль 1863

* * *

Что год, то новая утрата, —
И гибнут силы без конца!
Еще меж нами нет собрата,
За правду честного бойца!

Подумать страшно, скольких мы
Недосчитались в эти годы!
И всех, врагов отважных тьмы,
Сломили ранние невзгоды.

И вот над свежею могилой
Нас дума тяжкая гнетет...
Ужели та же участь ждет
Все возникающие силы?

9 октября 1863

* * *

Честные люди, дорогой тернистою
К свету идущие твердой стопой,
Волей железною, совестью чистою
Страшны вы злобе людской!

Пусть не сплетает венки вам победные
Горем задавленный, спящий народ, —
Ваши труды не погибнут бесследные;
Доброе семя даст плод.

Сбудутся ваши святые желания,
Хоть не дождаться поры этой вам
И не видать, как все ваши страдания
Здесь отольются врагам.

Вестники правды, бойцы благородные,
Будете жить вы в правдивых сердцах,
Песню могучую люди свободные
Сложат о ваших делах...

1863

* * *

Если хочешь ты, чтоб мирно,
Ясно дни твои летели,
Брось тревожные вопросы
И возвышенные цели.

Пусть орлы парят высоко
Где-то там, под облаками;
Что тебе до них! По-волчьи
Вой себе, живя с волками.

Верь, гораздо ближе к делу,
Отложив пустые бредни
О воздушных этих замках,
Постоять часок в передней;

Чаще льстить тому, кто си́лен
(Но не грубо льстить — с уменьем),
Чем без проку на неправду
Нападать с ожесточеньем.

Не гнушайся дураками —
Это сила в наше время;
Ты насмешкой не убавишь
Их плодящееся племя.

Слушай вздор их терпеливо:
В люди выскочить поможет
Кто-нибудь из них, пожалуй;
Насолить же всякий может.

Общепринятой морали
Ты придерживайся строго
И иди, не уклоняясь,
Торной, битою дорогой.

В тех же, кто с нее своротит,
Полон рьяного усердья,
И каменьями и грязью
Ты швыряй без милосердья.

Чтоб беды какой не вышло,
Дипломата изреченью
Верен будь: «Не поддавайся
Сердца первому движенью»;

Брось мечты о благе ближних,
Семьянином будь примерным;
И жену и ребятишек
Обеспечь доходом верным.

И твой век пройдет счастливо;
А покинешь мир наш бренный,
Скажут все, идя за гробом:
«Вот скончался муж почтенный;

Слишком был хорош для мира,
Потому и взят он богом».
И почтит тебя, быть может,
Даже пресса некрологом.

<1864>

* * *

Смотрю на нее и любуюсь:
Как птичка порхает она,
И уст ее детских улыбка,
Как майское утро, ясна.

Смотрю и любуюсь, а сердце
Привычная дума гнетет:
Быть может, и эту головку
Судьба невеселая ждет.

И скоро, быть может, поникнет
Под бурей житейской чело,
Слезой отуманятся глазки,
Что смотрят на мир так светло.

Настанет тяжелое время
Тоски и душевных тревог...
Но всё же пусть лучше страданья
В удел посылает ей рок,

Чем пошлости омут бездонный,
Что много так жертв поглотил,
Где много так гибнет бесследно
И честных стремлений и сил.

<1864>

ГОСТИ

(С немецкого)

Всё-то, всё они болтают!
Нет конца их болтовне...
И безжалостно терзают
Эти люди сердце мне.
Им не видеть, как исходит
Кровью бедное оно,
Что иных в могилу сводит —
Им и странно и смешно.
Их не гложет червь сомненья,
Им неведома борьба,
Бережет их от волненья,
От житейских гроз судьба!
В ночь бессонную незримых
Слез никто из них не льет,
В них судей неумолимых
Падший брат всегда найдет.
Чья душа тоской объята,
Кто утратил и сгубил
Всё, чему он верил свято,
Всё, что искренно любил?
Кто клянет свое паденье,
Век свой, тщетно прожитой, —
К ним за словом ободренья
Не пойдет с своей тоской.
Боже! Как они болтают —
Нет конца их болтовне —
И на части разрывают
Беспощадно сердце мне.

<1864>

ПАМЯТИ Е. А. ПЛЕЩЕЕВОЙ

1

Как ей, почившей вечным сном,
В гробу из дома унесенной,
Уж не вернуться в этот дом,
К семье, печалью удрученной, —

Так в сердце бедное мое
И радость больше не вернется;
В нем скорбь на долгое житье
Незваной гостьей остается.

Не озарит души моей
Былого счастья луч отрадный;
И жизнь, что ждет меня, мрачней
Осенней ночи беспроглядной...

2

Ты не любила этот свет,
Где вечно добрые страдали,
И отошла в тот край, где нет
«Ни воздыханья, ни печали».
И что́, как перл в волнах морей,
Таилось в любящей и честной,
Не знавшей лжи душе твоей,
Осталось людям неизвестно.

Как мало их, кто понимал
Высокий подвиг жизни темной,
От чьих очей не заслонял
Мишурный блеск твой образ скромный,
Кому не чужд был мир твоих
Заветных дум, надежд любимых, —
Их мало, но тобою в них
Оставлен след неизгладимый.

3

Вот она, твоя могила,
Снегом вся занесена.
Всё, чем сердце дорожило,
Всё, чем жизнь была ясна, —
Всё-то, всё навек сокрыла
От очей моих она!

И стою над ней, рыдая,
С головой поникшей я.
О! явись мне, дорогая,
Безупречная моя!

О! покинь хоть на мгновенье
Тесный, мрачный свой приют;
И уста твои прощенье
Мне пускай произнесут.

Всё прости, что омрачало
Дни недолгие твои;
И с улыбкой, как бывало,
На меня опять взгляни!

Тщетен зов мой! .. И не взглянет
На меня твой кроткий взгляд.
Образ милый не предстанет,
И уста твои молчат!
Что земли добычей станет,
Не вернет она назад!

Одинок стою, взывая
К незабвенной тени я;
И скорбящая, больная
Рвется к ней душа моя!

Январь 1865
Москва

APOSTATEN-MARSCH[1]

(Мотив одного немецкого поэта)

Пресмыкаться в грязи, ноги сильным лизать,
За подачку от них продавать убежденье,
Кто отважен и чист, на того клеветать,
    Чтоб изведал беду и гоненье, —
        Вот оно, призванье наше!
        Служим верно мы ему.
        Горе мысли неподкупной!
        Гибель честному уму!
Горе пылким сердцам, что мечты юных дней
Словно клад берегут и, по старой привычке,
Всё о правде кричат да о благе людей, —
    Мы дадим им опасные клички.

[1] Песня отступников (нем.). — *Ред.*

Горе тем, кто в лицо нам бросает укор,
Кто позором клеймит наше дело и слово;
Мы толпе закричим: он разбойник и вор,
Подавайте скорее оковы!
Было время, когда мы, подъявши чело,
Тоже рвались к борьбе и немало шумели;
Слава богу, теперь опьяненье прошло,
Мы другие преследуем цели.
Мы сознали, что все эти грезы смешны,
Что к почету ведет нас дорога иная
И что старый свой грех искупить мы должны,
Честь и совесть в грязи попирая!
Пресмыкаться в грязи, ноги сильным лизать,
За подачку от них продавать убежденье,
Кто отважен и чист, на того клеветать,
Чтоб изведал беду и гоненье, —
Вот теперь призванье наше!
Служим верно мы ему.
Горе мысли неподкупной!
Гибель честному уму!

Октябрь 1865

* * *

Быстро тают снега, побежали ручьи,
И теплей небеса засинели...
Вот недолго еще — прилетят соловьи,
Зазвучат их влюбленные трели.

Все-то, все тебя ждут не дождутся, весна!
Жду и я наболевшей душою,
Чтобы лес зашумел, пробужденный от сна,
Разукрашенный яркой листвою.

Сколько раз этот шум, как ему я внимал,
На меня навевал примиренье;
Я сильнее любил, я полнее прощал,
Затихало в груди озлобленье,

И как будто шептал чей-то голос: «Сомкни
Здесь навеки усталые очи,

Хорошо умереть в эти ясные дни,
В эти теплые, тихие ночи.

Хоть и жаль, может быть, расставаться с землей,
Когда всё вкруг тебя расцветает;
Но блажен, кто, пройдя путь нерадостный свой,
С примиреньем в груди угасает».

<1867>

СЛАВЯНСКИМ ГОСТЯМ

Примите, славяне, наш братский привет,
Любовью он к вам непритворной согрет,
Примите желанье — да крепнет
Духовный меж нами союз,
Чтоб козни врагов не расторгли
Нас ныне связующих уз.
Да крепнет на долгие, долгие лета
Под знаменем правды, науки и света!

Мы верим, что к цели великой
Господня ведет нас рука,
Мы верим — желанная вами
Пора возрожденья близка.
И мощным бойцам за народность и право
Воскликнет весь мир с изумлением: «Слава!»

23 мая 1867
Москва

* * *

Где ты, пора веселых встреч, —
В саду при ярком свете дня?
И детски ласковая речь,
Любить учившая меня?

Где незабвенная пора,
Когда житейскою тропой,

Чиста, правдива и добра,
Она шла об руку со мной?

Где кроткий свет прекрасных глаз,
Что примиренье в душу лил?
На миг блеснул он — и погас,
На миг он путь мой озарил!

И снова мраком я объят.
И только бледные лучи
Воспоминания дрожат
Еще порой в моей ночи.

Их свет не греет, не живит;
Но жизнь без них еще мрачней;
Больное сердце дорожит
И призраком счастливых дней...

<1868>

* * *

Когда тебе молчанием суровым
За ласки я платил, мое дитя,
Иль оскорблял тебя ревнивым словом,
Стихала ты, поникнув и грустя.
В глазах твоих напрасно я старался
Подметить гнев: лишь скорбь я видеть мог,
И никогда в тот миг не вырывался
Из уст твоих язвительный упрек.

Когда ж потом, с рыданьем и мольбою
К ногам твоим припав, я говорил:
«Судьба велит расстаться нам с тобою,
Тебе одно лишь горе я дарил!
Оставь меня! Моя душа больная
Былых невзгод с тебя не сбросит гнет!
Ты рвешься жить, и сила молодая
В тебе ключом неудержимым бьет!

Оставь меня! Усеянный цветами,
Быть может, ждет тебя веселый путь,

И страсть еще горячими лучами —
Иная страсть — твою согреет грудь!»
Твой взор тогда огнем негодованья
Сверкал, уста шептали мне упрек...
И верил я легко, что расставанья
Тяжелый час от нас еще далек.

<1868>

* * *

Жаль мне тех, чья гибнет сила
Под гнетущим игом зла;
Жаль мне тех, кого могила
Преждевременно взяла;
Тех бойцов с душою чистой,
Мысли доблестных вождей,
Что дорогою тернистой
Бодро к цели шли своей
С словом пламенным пророка,
Пробуждающим от сна;
Я скорблю о них глубоко,
Свято чту их имена.

Но и вас мне жаль порою,
Изнемогших на пути:
Не хотели вы с толпою
Ослепленною брести,
Но не в силах были благу
Ближних жертвовать собой;
Дух ваш гордость и отвагу —
Всё утратил пред бедой.
Жаль мне вас: я знаю, совесть
Часто шепчет вам укор;
Вашей молодости повесть
Вам слезой туманит взор.
В вашем сердце боязливом
Не угасли стыд и честь;
Знаю я, благим порывам
И теперь к вам доступ есть.

Но над вами полной власти
Не иметь им никогда,
Потому что сила страсти
Сердцу вашему чужда.
И идете вы, склоняя
Грустно голову свою,
Но в душе благословляя
Честно гибнущих в бою.

Жаль мне вас... Но есть иные —
И бесчисленны они, —
Что на подвиги благие
Тоже шли в былые дни;
Но высокие стремленья
В жертву пошлости людской
Принесли без сожаленья,
Преклонившись пред толпой.
Честной мысли изменили,
Братьев продали своих,
И позором их клеймили,
И швыряли грязью в них.
Эта дышащая злобой
И предательская рать
Будет ненависть до гроба
В честных душах пробуждать!

<1868>

ОБЛАКА

(Посв<ящается> Г. А. Ларошу)

Я лежал на траве и глядел,
Как по небу плывут облака;
Ветер листьями клена шумел,
Их ко мне нагибая слегка.

И неслись облака надо мной,
Исчезая и тая вдали...
Они солнце ревниво собой
Заслоняли порой от земли.

Будто солнцу хотели сказать:
«Не дари ты ей теплых лучей!
Перестань, перестань согревать
Эту землю любовью своей!

Где сгустилась вечерняя мгла,
Где твой пламенный луч догорел,
Сколько там совершается зла,
Сколько темных, неправедных дел!

Разве ласк она стоит твоих?
Разве, грешная, любит тебя?
Нам одним ты сияй! Нас одних,
Непорочных и чистых, любя!»

И неслись по степям голубым
Облака в бесконечную даль,
Исчезая одно за другим;
Но, казалось, их солнцу не жаль;

Не хотело оно чистоты
Их холодной на землю менять
И горячим лучом с высоты
Стало грешную землю лобзать...

14 июля 1868
Царицыно

СТАРИКИ

Вот и опять мы, как в прежние годы,
Старый товарищ, беседу ведем,
И прожитые когда-то невзгоды
Смутным каким-то нам кажутся сном.

Сколько мы лет не видались с тобою!
Сколько воды с той поры утекло...
Старость, подкравшись к нам тихой стопою,
Избороздила обоим чело.

Пламень, горевший в глазах, потушила,
Снегом обсыпала волосы нам.

Где наша бодрость, отвага и сила?
Видно, они не под стать сединам!

Помнишь, товарищ, минуту разлуки?
Весело вдаль мы глядели тогда;
Жали друг другу с улыбкой мы руки,
Грозная нас не страшила беда.

Мы говорили друг другу, прощаясь:
Скоро желанное время придет;
Сбудется всё, что толпа, издеваясь,
Бредом, мечтаньем нелепым зовет.

Веруя в силу свободного слова,
Думали мы, что могучая рать
Ринуться в битву с неправдой готова,
Стоило только ему прозвучать.

Что же ты вдруг покачал головою?
Что улыбнулись так горько уста?
Молодость нас обманула с тобою...
Совесть зато у обоих чиста.

Бедны мы оба, в потертой одежде;
Много от нас отшатнулось друзей.
Пусть их! Но сердце в нас бьется,
как прежде,
Верой горячей в добро и людей.

Пыл нетерпенья в душе охладили,
Свергли немало кумиров года;
Но и кумирам толпы не кадили
В чаяньи благ мы земных никогда.

С пеной у рта не бросали каменья
В юность кипучую, если, полна
Гордой отваги, в пылу увлеченья,
Нас за ошибки корила она.

Знаем мы оба: как время настанет
Нам от житейских трудов отдохнуть,
Лихом она стариков не помянет,
Скажет: они пролагали нам путь.

Так-то, товарищ! Разбитым и хилым,
Нам остается глядеть в стороне,
Как нарождаются новые силы,
Как на борьбу выступают оне;

Да вспоминая прожитые годы,
В сердце суровое небо молить,
Чтоб миновали все наши невзгоды
Тех, кто пришел нас, отживших, сменить.

<1869>

* * *

Тяжелая, мучительная дума
Гнетет меня. Везде она со мной,
В толпе ли я, средь говора и шума,
Иль одинок брожу в тиши лесной.
И шепчет всё неведомый мне голос:
«Жизнь прожита! Смотри: в твоих кудрях
Уж не один седой пробился волос,
В морщинах лоб, огонь потух в глазах.
Прошедшее окинь духовным взором
И совести правдивого суда
Не избегай! Пред строгим приговором,
Раскаянья исполнен и стыда,
Склонись во прах челом когда-то гордым,
Сознай, что жизнь напрасно тратил ты,
Что не служил добру оплотом твердым,
Но был рабом бессильным суеты;
Что больше слез, чем радости и счастья,
Ты преданным и добрым тем дарил,
Кто в дни невзгод, в дни бурного ненастья
Любовью путь твой мрачный озарил!
И что ни в чьей душе существованье
Твое следа оставить не могло...»

Бесплодное и горькое сознанье!
Зачем ко мне теперь лишь ты пришло,
Когда в кудрях седой пробился волос,
Когда для битв житейских нету сил?

Зачем мой дух укором этот голос
В былые дни от сна не пробудил?
Жизнь прожита... и скоро с ней проститься
Придет пора... Но думать тяжело,
Что над тобой с любовью не склонится
Ничье в тот миг печальное чело...

<1869>

СЛОВА ДЛЯ МУЗЫКИ

Я помню всё: и голос милый,
И ласки, ласки без конца;
Я буду помнить до могилы
Черты любимого лица.

И сад я помню над рекою,
Где мы, в вечерний, поздний час,
Бродили тихою стопою,
Где мы сошлись в последний раз.

Какой глубокой, страшной муки
Была душа моя полна,
Когда, мои сжимая руки,
«Прости!» — сказала мне она...

Прошли года... Но образ милый
Еще живет в душе моей,
И буду помнить до могилы
Я кроткий свет ее очей...

<1860-е годы>

* * *

Иль те дни еще далеки,
Далека еще пора,
Вами зримая, пророки,
Провозвестники добра?

Скоро ль сменится любовью
Эта ненависть племен
И не будет братской кровью
Меч народов обагрен?

Скоро ль мысль в порыве смелом
Лжи оковы разобьет;
Скоро ль слово станет делом,
Дело даст обильный плод?

Скоро ль разума над силой
Мир увидит торжество?
Или мы сойдем в могилы
Только с верою в него?

Засветись, о день счастливый!
Разгони густой туман,
Что лежит еще на нивах
Стольких сном объятых стран!

<1870>

ОЖИДАНИЕ

Дед-старик в избушке бедной
Чинит ветхий невод свой;
На постельке рядом внучек
Весь в жару лежит больной.

«Всё ненастье да ненастье,
Скоро ль кончатся дожди!» —
Говорит ребенок деду.
«Скоро, скоро, подожди!»

— «Скоро ль солнышко засветит,
Зашумит трава в степи,
Зашумят в лесу деревья...»
— «Скоро, скоро, потерпи!»

— «Скоро ль с удочкой, как прежде,
Буду я сидеть все дни

Над прудом под тополями?»
— «Скоро, друг, повремени!»

— «Да когда же? Вот и маму,
Говорил ты тоже, дед,
Скоро к нам отпустят с неба,
А ее всё нет как нет!»

И малютка недовольный
Замолчал, а дед-старик
Над разодранною сетью
Головой седой поник.

И по старческим морщинам
Тихо катится слеза...
Горе деда разглядели
Внука зоркие глаза.

И звучит ребенка слабый
Голосок еще грустней:
«Не дождусь я, видно, мамы —
Не дождусь и теплых дней!»

<1870>

* * *

Он в белом гробике своем
Лежал, усыпанный цветами;
Деревья тихо под окном
Качали темными ветвями.

На крепко сомкнутых губах
Улыбка кроткая застыла,
И что-то радостное было
В его младенческих чертах.

Казалось, спал он и видений
К нему нисходит светлый рой,
А не сразил своей косой
Ребенка мрачный смерти гений.

С глазами, красными от слез,
Бледна, исполнена печали,
Склонилась мать над ним. Вопрос
Уста дрожащие шептали:

«Зачем родился ты на свет,
Когда лишь ранняя могила
Тебя ждала? Какая сила
В ночь превратила твой рассвет?»

Напрасно! На вопросы наши
Не даст ответа рок — он нем;
Но лучше, верь мне, лучше тем,
Кто лишь коснулся жизни чаши.

Счастлив заснувший беспробудно
Младенец твой! Не спросит он,
Изнемогая в битве трудной,
Путем тернистым изъязвлен:
«Зачем на свет я был рожден?»

<1871>

* * *

Блаженны вы, кому дано
Посеять в юные сердца
Любви и истины зерно.
Свершайте ж честно, до конца
Свой подвиг трудный и благой,
И нет награды выше той,
Что вас за этот подвиг ждет:
Роскошный цвет, обильный плод
При жизни вашей принесет
Добро, посеянное вами.
Когда ж пробьет прощальный час,
С благоговеньем и слезами
Опустит в землю юность вас.

Но горе вам, коль захотите
Умы вы ложью омрачить;

Позора вы не избежите,
Пятна вам с совести не смыть!
Кто жаждет знанья, жаждет света,
Тем не ужиться долго с тьмой.
Придет пора, спадет долой
С их глаз повязка, что надета
Была предательской рукой;
Оковы рабства, бездну зла,
К которой ваша ложь вела,
Увидев, юность содрогнется,
Полна и скорби и стыда.
От лжеучителей тогда
Она с проклятьем отшатнется;
И имена их презирать
Своих детей научит мать!

<1871>

ВЕСЕННЕЙ НОЧЬЮ

Над росистыми лугами
Ветерок ночной гуляет,
Разговор ведет с цветами,
Травку тихо колыхает.

Над заснувшею долиной
Звезды яркие зажглися;
Звуки песни соловьиной
Из-за леса полилися.

Этой ночью не сидится
В душной комнате. Работа
Никакая не спорится,
И бежит от глаз дремота.

В эту ночь сильнее просит
Счастья сердце молодое;
Старика мечта уносит
В невозвратное былое.

Даже тот, чей взор слезою
Злое горе застилает,

Кто поник в борьбе с нуждою,
На мгновенье отдыхает

И, утешенный приветом
Расцветающей природы,
Забывает, что с рассветом
Вновь прийти должны невзгоды.

<1871>

ТОСТЫ

Первый тост наш — за науку!
И за юношей — второй.
Пусть горит им светоч знанья
Путеводною звездой.

Пусть отчизна дорогая
И великий наш народ
В них борцов неколебимых
За добро и свет найдет.

Третий тост наш — в честь искусства!
Воздадим хвалу тому,
Кто обрек себя всецело
На служение ему.

Всем, кто будит в людях словом,
Кистью, звуками, резцом
Красоты и правды чувство, —
Мы привет горячий шлем.

Не забудем также, братья,
Добрым словом помянуть
Тех, навек от нас ушедших,
Что, свершив свой трудный путь

И до гроба сохранивши
В сердце преданность добру,
Произнесть могли с поэтом:
«Знаю: весь я не умру».

Пожелаем, чтоб являлось
  На Руси побольше их,
Чистых, доблестных, живущих
  Лишь для подвигов благих.

Пожелаем, чтоб не меркло
  Над родимой стороной
Солнце разума и знанья,
  Солнце истины святой...

<1871>?

ВЕСНА

Уж тает снег, бегут ручьи,
В окно повеяло весною...
Засвищут скоро соловьи,
И лес оденется листвою!

Чиста небесная лазурь,
Теплей и ярче солнце стало,
Пора метелей злых и бурь
Опять надолго миновала.

И сердце сильно так в груди
Стучит, как будто ждет чего-то,
Как будто счастье впереди
И унесла зима заботы!

Все лица весело глядят.
«Весна!» — читаешь в каждом взоре;
И тот, как празднику, ей рад,
Чья жизнь — лишь тяжкий труд и горе.

Но резвых деток звонкий смех
И беззаботных птичек пенье
Мне говорят — кто больше всех
Природы любит обновленье!

<1872>

ДЕТСТВО

Мне вспомнились детства далекие годы
И тот городок, где я рос,
Приходского храма угрюмые своды,
Вокруг него зелень берез.

Бывало, едва лишь вечерней прохладой
Повеет с соседних полей,
У этих берез, за церковной оградой,
Сойдется нас много детей.

И сам я не знаю, за что облюбили
Мы это местечко, но нам
Так милы дорожки заглохшие были,
Сирень, окружавшая храм.

Там долго веселый наш крик раздавался,
И не было играм конца;
Там матери нежный упрек забывался
И выговор строгий отца.

Мы птичек к себе приручали проворных,
И поняли скоро оне,
Что детской рукой рассыпаются зерна
Для них на церковном окне.

Мне вспомнились лица товарищей милых;
Куда вы девались, друзья?
Иные далеко, а те уж в могилах...
Рассеялась наша семья!

Один мне всех памятней: кротко светились
Глаза его, был он не смел;
Когда мы, бывало, шумели, резвились,
Он молча в сторонке сидел.

И лишь улыбался, но доброго взора
С игравшей толпы не спускал.
Забитый, больной, он дружился не скоро,
Зато уж друзей не менял.

Двух лет сиротой он остался; призрела
Чужая семья бедняка.
Попреки, толчки он терпел то и дело,
Без слез не едал он куска.

Плохой он работник был в доме, но жадно
Читал всё и ночью и днем.
И что бы ни вычитал в книжках, так складно,
Бывало, расскажет потом.

Расскажет, какие на свете есть страны,
Какие там звери в лесах,
Как тянутся в знойной степи караваны,
Как ловят акулу в морях.

Любили мы слушать его, и казался
Другим в те минуты он нам:
Нежданно огнем его взор загорался
И кровь приливала к щекам.

Он, добрый, голодному нищему брату
Отдать был последнее рад.
И часто дивился: зачем те богаты —
А эти без хлеба сидят?

Что сталось с тобою? Свела ли в могилу
Беднягу болезнь и нужда?
Иль их одолел ты, нашел в себе силу
Для честной борьбы и труда?

Быть может, пустился ты в дальние страны
Свободы и счастья искать;
И всё ты увидел, что стало так рано
Ребяческий ум твой пленять.

Мне вспомнились лица товарищей милых;
Все, все разбрелись вы, друзья...
Иные далеко, а те уж в могилах;
Рассеялась наша семья!

А там, за оградой, всё так же сирени
Цветут, и опять вечерком
Малютки на старой церковной ступени
Болтают, усевшись рядком.

Там долго их говор и смех раздаются,
И звонкие их голоски
Тогда лишь начнут затихать, как зажгутся
В домах городских огоньки...

<1872>

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Хорошо вам, детки, —
Зимним вечерком
В комнатке уютной
Сели вы рядком,

Пламя от камина
Освещает вас...
Слушаете жадно
Мамы вы рассказ;

Радость, любопытство
На лице у всех;
Часто прерывает
Маму звонкий смех.

Вот рассказ окончен,
Все пустились в зал...
«Поиграй нам, мама», —
Кто-то пропищал.

«Хоть уж девять било,
Отказать вам жаль...» —
И послушно села
Мама за рояль.

И пошло веселье,
Началась возня,

Пляска, песни, хохот,
Визг и беготня!

Пусть гудит сердито
Вьюга под окном,
Хорошо вам, детки,
В гнездышке своем!

Но не всем такое
Счастье бог дает;
Есть на свете много
Бедных и сирот.

У одних могила
Рано мать взяла;
У других нет в зиму
Теплого угла.

Если приведется
Встретить вам таких,
Вы как братьев, детки,
Приголубьте их.

<1872>

В БУРЮ

Комнату лампада
Кротко озаряла;
Мать, над колыбелью
Наклонясь, стояла.

А в саду сердито
Выла буря злая,
Над окном деревья
Темные качая.

И колючей веткой
Ель в стекло стучала,
Как стучит порою
Путник запоздалый.

Дождь шумел; раскаты
Слышалися грома;
И гремел, казалось,
Он над крышей дома.

На малютку сына
Нежно мать глядела;
Колыбель качая,
Тихо песню пела:

«Ах! уймись ты, буря!
Не шумите, ели!
Мой малютка дремлет
Сладко в колыбели.

Ты, гроза господня,
Не буди ребенка;
Пронеситесь, тучи
Черные, сторонкой!

Бурь еще немало
Впереди, быть может,
И не раз забота
Сон его встревожит».

Спи, дитя, спокойно...
Вот гроза стихает;
Матери молитва
Сон твой охраняет.

Завтра, как проснешься
И откроешь глазки,
Снова встретишь солнце,
И любовь, и ласки!

<1872>

ИЗ ЖИЗНИ

1

Из школы детки воротились;
Как разрумянил их мороз!
Вот у крыльца, хвостом виляя,
Встречает их лохматый пес.

Они погладили барбоску,
Он нежно их лизнул в лицо,
И с звонким хохотом взбежали
Малютки живо на крыльцо.

Стучатся в двери; отворяет,
С улыбкой доброй, няня им:
«Пришли! Небось уж захотелось
Покушать птенчикам моим!»

Снимает с мальчика тулупчик
И шубку с девочки она;
Черты старушки просветлели,
Любовь в глазах ее видна.

И, чмокнув няню, ребятишки
Пустились в комнаты бегом;
Трясется пол под их ногами,
Весь ожил старый, тихий дом!

Отец угрюм; он в кабинете
Всё что-то пишет. В спальне мать
Лежит больная; мигом дети
К ней забралися на кровать.

Вот мальчик, с гордостью тетрадку
Из сумки вынув, показал:
«Смотри-ко, мама, две странички
Я без ошибок написал!»

— «А я сегодня рисовала, —
Сказала девочка, — взгляни,

Какая сосенка густая,
А возле кустики и пни.

Ведь всё сама я, право, мама,
Не поправлял учитель мне...»
И мать недуг свой забывает,
Внимая детской болтовне.

Встал и отец из-за работы,
Звенящий слыша голосок.
«Ну что вы, крошки, хорошо ли
Сегодня знали свой урок?»

Спрыгнув с кровати, вперегонку
Бегут они обнять отца...
И грусть мгновенно исчезает
С его усталого лица.

И даже солнышко, казалось,
В окно смотрело веселей
И блеском ярким осыпало
Головки русые детей!

И птичка в клетке тесной, вторя
Веселым детским голосам,
Не умолкая заливалась,
Как бы навстречу вешним дням!

2

Дед, поднявшись спозаранку,
К внучкам в комнату спешит;
«Доброй весточкой утешить
Вас пришел я, — говорит. —

Всё зимы вы ждали, детки,
Надоела вам давно
Осень хмурая с дождями;
Посмотрите же в окно!

За ночь выпал снег глубокий,
И мороз как в декабре;

Уж впрягли в салазки Жучку
Ребятишки на дворе».

И тормóшит дед раскрывших
Глазки сонные внучат!
Но на старого плутишки
Недоверчиво глядят.

«Это, — думают, — нарочно
Всё он выдумал, чтоб мы
Поскорей с постели встали;
Никакой там нет зимы!»

— «Полно, дедушка! Ты хочешь
Засадить нас за урок, —
Отвечает младший внучек, —
Дай поспать еще часок!»

Рассмеялся дед — любимец
Старика был этот внук;
Хоть проказничал он часто,
Всё ему сходило с рук.

«Ах лентяй! Еще не верить
Смеешь ты моим словам...
Марш сейчас с кровати, соня,
И смотри в окошко сам!

Или нет... Ведь пол холодный;
Босиком нельзя ходить,
Донесу тебя к окошку
На себе я, так и быть».

Вмиг вскарабкался на плечи
Мальчуган ему — и рад;
Пышут розовые щечки,
И смеется детский взгляд.

Поднял штору дед, — и точно!
Снег под солнечным лучом
Бриллиантами сверкает,
Отливает серебром.

«Слава богу! Слава богу!» —
Детки весело кричат.
И в уме их возникает
Уж картин знакомых ряд:

На салазках с гор катанье
И катанье на коньках...
И рождественская елка
Сверху донизу в огнях!

«Ну вставайте же, лентяи,
Я уж кучеру сказал,
Чтоб ковром покрыл он сани
И Савраску запрягал.

Гостью-зимушку покатим
Мы встречать на хуторок;
Побегут за нами следом
И Барбоска и Дружок.

Ваших кроликов любимых
Там покормим мы, друзья,
И шагающего важно
С умным видом журавля.

Посмеемся над сердитым
И ворчливым индюком;
Всех коровушек мы с вами,
Птичий двор весь обойдем.

А покамест мы гуляем,
Самоварчик закипит...
И яичницу, пожалуй,
Дед потом вам смастерит».

Деду ждать пришлось недолго:
Не успел умолкнуть он,
На ногах уж были детки,
Позабыв и лень и сон.

Вот умылись и оделись
И смотреть бегут скорей,

Запрягает ли Савраску
Кучер дедушкин, Матвей.

Солнце яркое сияет
В зимнем небе голубом,
И равниной снежной мчатся
Сани, крытые ковром.

Визг и крик! Всему хохочут
Детки резвые до слез;
Обдает их снежной пылью,
Лица щиплет им мороз...

Двое в санках, рядом с дедом,
А один на облучке.
«Ну! — кричит. — Пошел, Савраска!
Скоро будем в хуторке? ..»

Как ни счастливы малютки,
Но еще счастливей дед...
Словно с плеч его свалилось
Целых пять десятков лет!

<1873>

МОГИЛА ТРУЖЕНИКА

Спи, бедняк! Ты честно бился,
До утраты сил, с нуждою;
Умер ты, но не склонился
Пред неправдою людскою,
Потому-то над тобою
Речь людская не слышна.

Заросла тропа, что к дому,
Где нашел ты отдых, вьется,
И шагов на ней знакомых
Никогда не раздается.
Лишь природа остается
Другу старому верна.

Всё, что ты любил когда-то,
Здесь она соединила,
И без мрамора богато
Убрана твоя могила.

Над тобой цветут сирени
И шумят листы березы,
Каплет с них роса, как слезы,
На могильные ступени
В час, когда ночные тени
От лучей дневных бегут.

Мак в траве пестреет яркий,
Льет жасмин благоуханье,
Раздается в полдень жаркий
Вкруг цветов пчелы жужжанье,
Ночью — месяца сиянье
Озаряет твой приют.

Спи, бедняк! Без сожаленья
Ты расстался с этим миром,
Что бросал в тебя каменья,
Оттого что на служенье
Лжи его, его кумирам
Ты себя не обрекал.

В бедной доле, неизвестный,
Век трудясь неутомимо,
Совершал ты подвиг честный,
И в приют свой мрачный, тесный
Ты сошел с несокрушимой,
Страстной верой в идеал!

<1873>

* * *

Нет мне от лютого горя покоя,
Знать, никуда не уйду от него я.

Взялся бы я за свежительный труд,
Жил бы, как добрые люди живут, —

Только где сила, где воля на это?
Нету в душе на вопрос мой ответа.

Были когда-то и сила и воля, —
Всё доконала суровая доля.

Нет! не встряхнуть мне кудрями опять,
Гордо чела пред бедой не поднять.

С юностью честною, бодро и смело,
Мне ли идти на полезное дело!

Бурею смятый, кой-как я бреду,
Смотришь — и темная яма в виду.

Лютое горе, о если б ты в ней
Сном непробудным заснуло скорей!

<1873>

* * *

Теплый день весенний.
Солнышко блестит,
Птичка, заливаясь,
В поле всех манит.

Улицы, бульвары
Запрудил народ,
Пестрыми толпами
За город идет.

Праздничные лица
Радостно глядят;
Редко, редко встретишь
Невеселый взгляд.

Славно всем живется,
Так легко, что нет
У толпы нарядной
Ни забот, ни бед.

Только мне с тоскою
Справиться невмочь,
Как ее прогнать я
Ни стараюсь прочь.

Где б я ни был — всюду
Шепчет мне она:
«А твоя навеки
Отцвела весна!»

Зашумит ли в роще
Яркая листва,
Мне и в этом шуме
Слышатся слова:

«Нечего от жизни
Ждать тебе. Твой путь
Пройден, — не пора ли
Навсегда уснуть?

И когда сойдешь ты
В землю — над тобой
Зеленеть мы будем
Каждою весной!»

<1873>

НА БЕРЕГУ

(Картинка)

Домик над рекою,
В окнах огонек,
Светлой полосою
На воду он лег.

В доме не дождутся
С ловли рыбака:
Обещал вернуться
Через два денька.

Но прошел и третий,
А его всё нет.

Ждут напрасно дети,
Ждет и старый дед,

Всех нетерпеливей
Ждет его жена,
Ночи молчаливей
И как холст бледна.

Вот за ужин сели,
Ей не до еды.
«Как бы в самом деле
Не было беды».

Вдоль реки несется
Лодочка, на ней
Песня раздается
Всё слышней, слышней.

Звуки той знакомой
Песни услыхав,
Дети вон из дому
Бросились стремглав.

Весело вскочила
Из-за прялки мать,
И у деда сила
Вдруг нашлась бежать.

Песню заглушает
Звонкий крик ребят;
Тщетно унимает
Старый дед внучат.

Вот и воротился
Весел и здоров!
В росказни пустился
Тотчас про улов.

В морды он и в сети
Наловил всего;
С любопытством дети
Слушают его.

Смотрит дед на щуку —
«Больно велика!»
Мать сынишке в руку
Сует окунька,

Девочка присела
Около сетей
И взяла несмело
Парочку ершей.

Прыгают, смеются
Детки, если вдруг
Рыбки встрепенутся,
Выскользнут из рук.

Долго раздавался
Смех их над рекой;
Ими любовался
Месяц золотой.

Ласково мерцали
Звезды с вышины,
Детям обещали
Радостные сны.

<1874>

НОЧЬЮ

Жалобно ветер в трубе завывает,
Ночь неприветная смотрит в окно,
Маятник мерно стучит, догорает
Бледный ночник, в доме спят все давно.

Мне одному этой поздней порою
Сон не смежает тяжелых ресниц;
Прошлого тени встают предо мною,
Много знакомых мне вспомнилось лиц.

Вспомнились те, что когда-то так смело
Вышли на битву с неправдой и злом,

Делу благому отдавшись всецело,
Перед толпой не склоняясь челом.

Те, что, отвергнув все блага мирские,
Честную им нищету предпочли;
В ком ни обман, ни гоненья людские
Веры в добро умертвить не могли.

Где-то теперь вы? О, пусть ваше слово
Нам прозвучит в эту темную ночь. . .
Пусть оно силу на подвиг суровый
Даст нам, готовым в борьбе изнемочь.

Зов наш услышьте средь тьмы беспроглядной,
Нужен усталым ваш братский привет;
Гаснет их вера; увидеть отрадный
Взоры не чают рассвет!

<1874>

ВОСПОМИНАНИЕ

Посреди людского шума
И томящей суеты
Часто вижу пред собою
Вдруг я мертвые черты. . .

Очи впалые закрыты,
Плотно сомкнуты уста,
Но еще не отлетела
От почившей красота. . .

Пламя свеч, вокруг горящих,
На лице у ней дрожит,
Словно всё еще румянец
Не сошел с ее ланит.

Я отвесть не в силах взгляда
От спокойного лица,
И тоске, гнетущей сердце,
Меры нет и нет конца. . .

Помню я, когда сокрыли
Навсегда ее от глаз...
О! как мне взглянуть хотелось
На нее еще хоть раз!

Помню я, как промелькнула
Быстро в памяти моей
Вереница безмятежно
Прожитых счастливых дней...

И понятней с каждым годом
Становилось мне потом
Слово, сказанное миру
«Ада» сумрачным певцом:

Что тяжеле мук для сердца,
Что ужасней пытки нет,
Как о днях былого счастья
Вспоминать в годины бед!..

<1875>

ЗАВТРА

Сценка из вседневной жизни

(Посвящается Ивану Петровичу Ларионову)

Под окошком смуглый мальчик
Пригорюнившись сидит;
Перед ним раскрыта книжка,
Но в нее он не глядит.

Тихо в комнате... лишь слышен
Ровный маятника стук
Да мурлычит разжиревший
Кот, взобравшись на сундук.

Мать пошла к соседке в гости
Посидеть часок-другой;
Прикорнула няня, к печке
Прислонившись головой,

И упал с колен старушки
Недовязанный чулок.
Вот закрыл букварь малютка —
Знать, нейдет на ум урок.

Что мудреного! В окошко
Смотрит солнышко с небес;
Манит в даль, в поля и рощи,
Их лазуревый навес!

Славно в поле! Там бумажный
Вьется змей под небеса
И товарищей веселых
Раздаются голоса!

Уж какое тут ученье!
Разве тут до букварей:
В голове одна забота —
Как бы в поле поскорей!

И не выдержало сердце
Грамотея моего:
Он вскочил... Блестят глазенки
Нетерпеньем у него.

Подойдя с боязнью к няне,
Заглянул он ей в лицо.
«Спит!» — сказал и осторожно,
Тихо вышел на крыльцо.

На дворе собаку Жучку
От конурки отвязав,
За ворота шалунишка
С нею бросился стремглав.

Миновал он огороды
И соседние сады...
Вот и поле! Мальчик думал:
«Завтра выучу склады!»

Няня старая проснулась;
Из гостей вернулась мать:

«Где же Вася? Ах ленивец!
Уж опять успел удрать!

Погоди же, на орехи
Я задам тебе потом;
С утра до ночи ты завтра
Просидишь за букварем!»

Няня старая вступилась
За любимца своего,
Хоть и знала, что не будет
Мальчугану ничего,

Что тогда лишь, как ребенка
Нету здесь, сурова мать:
«Посмотри-ка — на дворе-то
Нынче что за благодать!

Пусть побегает по воле:
Мал, глупенек паренек;
Подрастет, тогда не станет
Докучать ему урок;

В толк возьмет небось, что нынче
Людям грамота нужна;
А теперь пока милее
Букварей ему весна!»

Поздно вечером вернулись
Вася с Жучкой. На крыльце
Мать сидела, сокрушаясь
О пропавшем беглеце.

Вот вбежал он запыхавшись,
На колени к ней вскочил.
«Посмотри, — вскричал он, — мама,
Что́ жуков я наловил!»

Глазки радостью светились,
И, пунцовый как пион,
Хохоча, жуков на волю
Выпускал из шапки он.

Разноцветный на головке
У него венок пестрел;
Тот венок схватил он быстро
И на мать свою надел.

Замер выговор невольно
На устах ее. Она
Говорит себе: «Уж завтра
Распеку я шалуна!

А сегодня расцелую. . .»
И целует без конца,
И свести не может взора
С загорелого лица. . .

А старушка няня смотрит
В дверь с сияющим лицом
И грозит, смеясь лукаво,
Мальчугану букварем!

<1875>

НА ДАЧЕ

Красивый домик, озаренный
Заката розовым лучом. . .
Кусты сирени и жасмина
Благоуханье льют кругом;

Балкон уставлен весь цветами,
Обвился плющ вокруг столбов;
И птичка звонко распевает
В зеленой клетке меж цветов.

Шарманка где-то заиграла;
Всё ближе звуки, всё слышней,
И вот из дома выбегает
Толпа нарядная детей.

Друг друга с криком обгоняя,
Они к калитке все спешат,

И как их лица раскраснелись!
Как глазки радостно блестят!

Уж им знакомы эти звуки,
Шарманщик смуглый им знаком:
У деток дружба завязалась
С веселым, добрым стариком.

Он каждый вечер к ним приходит,
Хоть им и нечем заплатить, —
Что за беда! — готов он даром
Друзей своих повеселить.

Порой, забывшись, долго-долго
Один мотив играет он;
В раздумье тихое о чем-то
Он в те минуты погружен.

С лица его улыбка сходит,
Слезой мутится добрый взгляд;
И смотрит с грустью затаенной
Он на детей, на дом и сад.

Унылой песни этой звуки
Воспоминанья будят в нем
О днях далеких и счастливых,
О многом, сердцу дорогом.

Давно покинутой отчизны
Пред ним сияют небеса;
Катятся волны голубые,
Шумят лавровые леса. . .

Он видит домик, потонувший
В листве зеленой и цветах,
И образ женщины прекрасной
С малюткой смуглым на руках.

И, как мадонна на картине,
Так у открытого окна
Стоит, прижав к груди ребенка,
С улыбкой ясною она.

А на крыльце кудрявый мальчик
Поет, плетя себе венок;
И дышит счастьем и отрадой
Цветущий мирный уголок.

Старик один теперь... Скосила
Смерть всю семью его; потом
Другая, незваная гостья —
Нужда — к нему прокралась в дом;

И вот побрел он на чужбину,
Побрел с шарманкою своей;
И каждый раз, когда встречает
Он ласку кроткую детей,

На них с глубокою любовью
Глядит старик... В чужом краю
Чужие дети заменяют
Ему погибшую семью.

Болтает, шутит и смеется
Он с ними, словно молодой,
Для них без устали шарманку
Вертя морщинистой рукой!

<1875>

СТАРИК

У лесной опушки домик небольшой
Посещал я часто прошлою весной.

В том домишке бедном жил седой лесник.
Памятен мне долго будешь ты, старик.

Как приходу гостя радовался ты!
Вижу, как теперь я, добрые черты...

Вижу я улыбку на лице твоем —
И морщинкам мелким нет числа на нем!

Вижу армячишко рваный на плечах,
Шапку на затылке, трубочку в зубах;

Помню смех твой тихий, взгляд потухших глаз
О житье минувшем сбивчивый рассказ.

По лесу бродили часто мы вдвоем;
Старику там каждый кустик был знаком.

Знал он, где какая птичка гнезда вьет,
Просеки, тропинки знал наперечет.

А какой охотник был до соловьев!
Всю-то ночь, казалось, слушать он готов,

Как в зеленой чаще песни их звучат;
И еще любил он маленьких ребят.

На своем крылечке сидя каждый день,
Ждет, бывало, деток он из деревень.

Много их сбегалось к деду вечерком;
Щебетали, словно птички перед сном:

«Дедушка, голубчик, сделай мне свисток».
— «Дедушка, найди мне беленький грибок».

— «Ты хотел мне нынче сказку рассказать».
— «Посулил ты белку, дедушка, поймать».

— «Ладно, ладно, детки, дайте только срок,
Будет вам и белка, будет и свисток!»

И смеясь, рукою дряхлой гладил он
Детские головки, белые как лен.

Ждал поры весенней с нетерпеньем я:
Думал, вот приеду снова в те края

И отправлюсь к другу старому скорей.
Он навстречу выйдет с трубочкой своей

И начнет о сельских новостях болтать.
По лесу бродить с ним будем мы опять,

Слушая, как в чаще свищут соловьи...
Но, увы! желанья не сбылись мои.

Как с деревьев падать начал лист сухой,
Смерть подкралась к деду тихою стопой.

Одинок угас он в домике своем,
И горюют детки больше всех по нем:

«Кто поймает белку, сделает свисток?»
Долго будет мил им добрый старичок.

И где спит теперь он непробудным сном,
Часто голоса их слышны вечерком...

<1877>

* * *

Я тихо шел по улице безлюдной
И, погружен в раздумье о былом,
Среди домов, облитых лунным светом,
Узнать хотел давно знакомый дом.

Он неуклюж был, ветх и с мезонином;
Я помню, мне казалось всё, что он
Из городка уездного в столицу
Каким-то чудом был перенесен.

Куда исчез тот дом? Иль дух стяжанья
Беднягу стер давно с лица земли,
И, где стоял он, серенький и скромный,
Высокие хоромы возвели?

Нет, нет! вот он. Сейчас узнал я друга!
Он — тот же всё, каким был и тогда;
И лишь чуть-чуть как будто покривился.
Не мудрено! Берут свое года!

Привет тебе! В стенах твоих нередко
Я поздний час в беседе забывал...
То были дни, когда стопой несмелой
Впервые в жизнь я, юноша, вступал.

Привет тебе! Под этой старой крышей
Жил труженик с высокою душой;
Любви к добру и веры в человека
В нем до конца не гас огонь святой.

Учил он нас мириться с темной долей,
Храня в душе свой чистый идеал;
Учил идти путем тернистым правды
И не искать за подвиги похвал.

Учил любить страну свою родную,
Отдать ей весь запас духовных сил,
Чтить имена борцов за свет и знанье —
Тех, кто одной лишь истине служил.

Читая нам создания поэтов,
Воспламенял он юные сердца;
И мы клялись идти к высокой цели,
Не изменять клялись ей до конца.

Уж нет его: давно он спит в могиле!
Но кто из тех, в чью грудь он заронил
Зерно благих, возвышенных стремлений,
Кто памяти о нем не сохранил?

И предо мной тот скромный образ часто
Встает, хотя десятки лет прошли;
Всё помню я: беседы эти, споры,
Что в уголке убогом мы вели.

О! как бы мне хотелось в дом проникнуть
Иль заглянуть хотя на миг в окно...
Кто здесь живет? Что здесь сердца волнует?
Безмолвен дом; как в гробе в нем темно.

И дальше я по улице пустынной
Иду. . . Но всё мне кажется, что вот
За мной знакомый голос раздается
И в старый дом опять меня зовет. . .

<1877>

НЕНАСТЬЕ

(Картинка)

Приуныли детки, молча
На окне они сидят. . .
Обещала накануне
Отпустить их мама в сад;

Разбудить себя просили
Няню все они чем свет;
Тачку, грабли и лопаты
Подарил им старый дед,

И с внучатами хотел он
Грядки сам прийти копать.
Деток счастливых насилу
Уложила няня спать.

И всю ночь малюткам снились
Солнце, зелень и цветы
И копающего грядки
Деда добрые черты.

Что же детки приуныли,
Не слыхать их голосов? . .
Отчего печально в окна
Всё глядят они без слов?

Оттого, что небо тучи
Обложили всё кругом;
Скрылось солнышко, деревья
Грустно мокнут под дождем;

Оттого, что смолкли птички
И, от бури в свой приют,
В чащу темную, забившись,
Не щебечут, не поют.

Вот и старый дед явился —
И к любимцу своему
Дети бросились, желая
Горе высказать ему:

«Ну как дождик вплоть до ночи
Будет, дедушка, идти?
Ну как целый день придется
Просидеть нам взаперти?»

— «Что вы! мигом перестанет! —
Утешает старичок. —
А пока садитесь, детки,
Вот сюда ко мне в кружок;

Да послушайте, какую
Расскажу я сказку вам».
И обрадовались детки,
И уселись по местам.

Долго сказывал он сказки
Про лису, про колобок,
Да про квакушку-лягушку,
Да про мышкин теремок.

Жадно слушали малютки,
О ненастье позабыв;
Лишь одну он сказку кончит,
Все кричат наперерыв:

«Расскажи другую!» Деду
Становилось тяжело,
Но тогда ему на смену,
К счастью, солнышко пришло;

И негаданно-нежданно
Яркий блеск его лучей

Озарил седины деда,
Кудри мягкие детей.

Дед вскочил и, настежь окна
Растворив, вскричал: «Ну вот,
Говорил я вам, что мигом
Тучки ветер разнесет!

Посмотрите-ка, как славно
Вспрыснул дождичек листву
И алмазами усыпал
Посвежевшую траву.

Птички звонко распевают,
Рады солнечным лучам,
И цветы свои головки
Поднимают к небесам.

Ну, теперь лопатки, тачку
Забирайте, да и в сад!»
Нет пределов восхищенью,
Крику, хохоту ребят.

Вот уж скачут, словно птички,
На сыром песке аллей!
И летят в лицо им брызги
С яркой зелени ветвей!

Вот уж песенка их в чаще
Беззаботная слышна...
Как и птичкам, детям нужны
Только солнце да весна!

«Дай-то бог, чтоб в вашей жизни, —
Тихо молвил старичок, —
Долгой радостью сменялись
Дни недолгие тревог!

Чтоб вы так же незаметно
Пережить те дни могли,
Как сегодня дождь и бурю,
Сказки слушая мои!»

<1877>

* * *

Расстался я с обманчивыми снами
Моей давно исчезнувшей весны;
Казалось, жизни мутными волнами
Уже навек они унесены.

Казалось мне, что нет уж к ним возврата,
Смирился я пред силой роковой;
За что страдал, боролся я когда-то —
Всё я признал несбыточной мечтой.

Казалось, впрок пошли мне наставленья
Тех мудрецов, что, мне бедой грозя,
Твердили: «Брось безумные стремленья!
Порочный мир пересоздать нельзя.

Пусть он коварной лжи опутан сетью,
Не твой картонный меч ее прорвет,
Перешибить нельзя обуха плетью:
Живи же так, как большинство живет!»

И годы шли, и в жилах кровь всё стыла,
В душе всё гасла вера в идеал...
И афоризм «солому ломит сила»
Порывы дум кипучих охлаждал...

Но отчего ж, когда порою снова,
Средь мудрецов с остывшею душой,
Из юных уст восторженное слово
Услышу я, зовущее на бой,

На честный бой, во имя тех забытых
Безумных грез... О! отчего тогда
Вдруг на моих поблекнувших ланитах
Румянец вспыхнет жгучего стыда?

И отчего так сильно сердце бьется,
Как билось в дни весны моей оно,
И к жизни вновь всё просится и рвется,
Что в глубине его погребено?

Или когда о наглом ликованье,
О торжестве неправды слышу я,
Зачем во мне кипит негодованье
И злобы так полна душа моя!

И кажется мне пошлостью бездушной
Вся эта мудрость опытных людей,
Которой я принес, как раб послушный,
Вас в жертву, грезы юности моей.

<1878>

БАБУШКА И ВНУЧЕК

Под окном чулок старушка
Вяжет в комнатке уютной
И в очки свои большие
Смотрит в угол поминутно.

А в углу кудрявый мальчик
Молча к стенке прислонился;
На лице его забота,
Взгляд на что-то устремился.

«Что сидишь всё дома, внучек?
Шел бы в сад, копал бы грядки
Или кликнул бы сестренку,
Поиграл бы с ней в лошадки.

Кабы силы да здоровье,
И сама бы с вами, детки,
Побрела я на лужайку;
Дни такие стали редки.

Уж трава желтеет в поле,
Листья падают сухие;
Скоро птички-щебетуньи
Улетят в края чужие!

Присмирел ты что-то, Ваня,
Всё стоишь сложивши ручки;

Посмотри, как светит солнце,
Ни одной на небе тучки!

Что за тишь! Не клонит ветер
Ни былинки, ни цветочка.
Не дождешься ты такого
Благодатного денечка!»

Подошел к старушке внучек
И головкою курчавой
К ней припал; глаза большие
На нее глядят лукаво...

«Знать, гостинцу захотелось?
Винных ягод, винограда?
Ну поди возьми в комоде».
— «Нет, гостинца мне не надо!»

— «Уж чего-нибудь да хочешь...
Или, может, напроказил?
Может, сам, когда спала я,
Ты в комод без спросу лазил?

Может, вытащил закладку
Ты из святцев для потехи?
Ну постой же... За проказы
Будет внучку на орехи!»

— «Нет, в комод я твой не лазил;
Не таскал твоей закладки».
— «Так, пожалуй, не задул ли
Перед образом лампадки?»

— «Нет, бабуся, не шалил я;
А вчера, меня целуя,
Ты сказала: „Будешь умник —
Всё тогда тебе куплю я..."»

— «Ишь ведь память-то какая!
Что ж купить тебе? Лошадку?
Оловянную посуду
Или грабли да лопатку?»

— «Нет! уж ты мне покупала
И лошадку, и посуду.
Сумку мне купи, бабуся,
В школу с ней ходить я буду».

— «Ай да Ваня! Хочет в школу,
За букварь да за указку.
Где тебе! Садись-ка лучше,
Расскажу тебе я сказку. . .»

— «Уж и так мне много сказок
Ты, бабуся, говорила;
Если знаешь, расскажи мне
Лучше то, что вправду было.

Шел вчера я мимо школы.
Сколько там детей, родная!
Как рассказывал учитель,
Долго слушал у окна я.

Слушал я — какие земли
Есть за дальними морями. . .
Города, леса какие
С злыми, страшными зверями.

Он рассказывал: где жарко,
Где всегда стоят морозы,
Отчего дожди, туманы,
Отчего бывают грозы. . .

И еще — как люди жили
Прежде нас и чем питались;
Как они не знали бога
И болванам поклонялись.

Рисовали тоже дети,
Много я глядел тетрадок, —
Кто глаза, кто нос выводит,
А кто домик да лошадок.

А как кончилось ученье,
Стали хором петь. В окошко

И меня втащил учитель,
Говорит: «Пой с нами, крошка!

Да проси, чтоб присылали
В школу к нам тебя родные,
Все вы скажете спасибо
Ей, как будете большие».

Отпусти меня! Бабусю
Я за это расцелую
И каких тебе картинок
Распрекрасных нарисую!»

И впились в лицо старушки
Глазки бойкие ребенка;
И морщинистую шею
Обвила его ручонка.

На глазах старушки слезы:
«Это божие внушенье!
Будь по-твоему, голубчик,
Знаю я, что свет — ученье.

Бегай в школу, Ваня; только
Спеси там не набирайся;
Как обучишься наукам,
Темным людом не гнушайся!»

Чуть со стула резвый мальчик
Не стащил ее. Пустился
Вон из комнаты, и мигом
Уж в саду он очутился.

И уж русая головка
В темной зелени мелькает. . .
А старушка то смеется,
То слезинку утирает.

<1878>

* * *

Тебе обязан я спасеньем
Души, измученной борьбой,
Твоя любовь — мне утешеньем,
Твои слова — закон святой!
Ты безотрадную темницу
Преобразила в рай земной,
Меня ты к жизни пробудила
И возвратила мне покой.
Теперь я снова оживился,
Гляжу вперед теперь смелей,
Мне в жизни новый путь открылся,
Идти по нем спешу скорей!

1879

ПАМЯТИ ПУШКИНА

Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Пушкин

Пока надеждою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

Пушкин

Мы чтить тебя привыкли с детских лет,
И дорог нам твой образ благородный;
Ты рано смолк; но в памяти народной
Ты не умрешь, возлюбленный поэт!

Бессмертен тот, чья муза до конца
Добру и красоте не изменяла,
Кто волновать умел людей сердца
И в них будить стремленье к идеалу;

Кто сердцем чист средь пошлости людской,
Средь лжи кто верен правде оставался
И кто берег ревниво светоч свой,
Когда на мир унылый мрак спускался.

И всё еще горит нам светоч тот,
Всё гений твой пути нам освещает;
Чтоб духом мы не пали средь невзгод,
О красоте и правде он вещает.

Все лучшие порывы посвятить
Отчизне ты зовешь нас из могилы;
В продажный век, век лжи и грубой силы
Зовешь добру и истине служить.

Вот почему, возлюбленный поэт,
Так дорог нам твой образ благородный;
Вот почему неизгладимый след
Тобой оставлен в памяти народной!

<1880>

* * *

Огни погасли в доме,
И всё затихло в нем;
В своих кроватках детки
Заснули сладким сном.

С небес далеких кротко
Глядит на них луна;
Вся комнатка сияньем
Ее озарена.

Глядят из сада ветки
Берез и тополей
И шепчут: «Охраняем
Мы тихий сон детей;

Пусть радостные снятся
Всю ночь малюткам сны,
Чудесные виденья
Из сказочной страны.

Когда ж безмолвной ночи
На смену день придет,

Их грезы песня птички
Веселая прервет...

Цветы, как братьям милым,
Привет пошлют им свой,
Головками кивая,
Блестящими росой...»

<1880>

ПЕСНЯ ИЗГНАННИКА

Лети, моя птичка, далеко,
Лети в городок мой родной.
Стоит он в равнине зеленой,
Над светлой широкой рекой.

Ты беленький домик увидишь,
Тенистый вокруг него сад;
В саду том душистые липы,
Березы и клены шумят...

Там, в темной листве притаившись,
Ты песню запой под окном.
И стукнет окно... и головка
Покажется детская в нем.

Ребенка лазурные глазки
Весеннего неба ясней;
Светлей золотистых колосьев
Волна его мягких кудрей.

И будет он слушать певунью,
Сияя восторгом; и ей
Потом на окне разбросает
Он зерна ручонкой своей.

А ты, легкокрылая птичка,
Малютке скажи моему,
Что в крае далеком есть сердце,
Которое рвется к нему;

Что горько мне жить на чужбине,
Что дума одна у меня:
Дождусь ли поры я желанной,
Дождусь ли отрадного дня,

Когда, возвращаясь веселый
В свой мирный родной городок,
Я беленький домик увижу,
Где детский звучит голосок. . .

И выбежит с хохотом звонким
Малютка навстречу отцу. . .
И крепко пылающей щечкой
К его он прижмется лицу. . .

И прошлое горе заставит
Меня позабыть в этот час
Улыбка его дорогая
И блеск голубых его глаз. . .

<1880>

* * *

Бурлила мутная река,
Почуяв близкие оковы;
И вдаль куда-то облака
Осенний ветер гнал сурово.

В саду безлюдном и немом
Деревья высились уныло
С листвой поблекшей. . . Всё кругом
О разрушенье говорило.

Но блеск весны я в сердце нес,
Мне божий мир казался светел;
Природы, полон ярких грез,
Я увяданья не заметил.

Был май, и веяло теплом,
Сады цвели благоухая,

Под ярким солнечным лучом
Волна сверкала голубая.

И тихий шум ветвей густых
Свободных птичек вторил пенью;
Привет в веселых песнях их
Звучал природы возрожденью.

Но мрак царил в душе моей. . .
Недавней поражен утратой,
Я, средь смеющихся полей,
Уныло шел, тоской объятый.

Небесный купол мне сиял,
Но я могилы видел своды. . .
И отвращение внушал
Мне пир ликующей природы.

<1881>

* * *

Без надежд и ожиданий
Мы встречаем Новый год.
Знаем мы: людских страданий,
Жгучих слез он не уймет;
И не лучше будет житься
Людям с честною душой —
Всем, кто с ложью не мирится,
Не мирится с злом и тьмой;
Кто святое знамя права
Нес всегда, и горд и смел,
И в союз вступать лукаво
С силой грубой не хотел!
Знаем мы: толпа Ваалу
Будет так же всё кадить,
Так же будет рок к нахалу
И глупцу благоволить!
Хоть и верим мы глубоко
В силу мощную добра,
Но, увы, еще далеко
Торжества его пора!

Без надежд и ликований
Мы встречаем Новый год:
Человеческих страданий
Он, как прежде, не уймет.
Но, подняв свои бокалы,
Пожелаем лишь, чтоб тот,
Кто стремленье к идеалу
В сердце чистом бережет,
Не утратил духа силы
Средь житейских бурь и гроз;
Светоч свой чтоб до могилы
Неугаснувшим донес
И чтоб он с своей суровой
Долей тем был примирен,
Что, страдая, жизни новой
Воздвигает зданье он.

<1881>

ИЗ СТАРЫХ ПЕСЕН

Давно, давно мне перестал
Звучать твой голос милый!
Бывало, в сердце пробуждал
Он дремлющие силы.

Дышалось легче мне тогда
И краше жизнь казалась:
Мне счастья нового звезда
Как будто загоралась. . .

Когда твоих прекрасных глаз
Лучи меня ласкали,
Как ночи мгла в рассвета час,
Летели прочь печали.

Под кротким светом тех лучей,
Их вызванная властью,
Слагалась песнь в душе моей
Весне, любви и счастью!

Но навсегда померк тот свет
И смолк тот голос милый. . .
Ни радостей, ни песен нет
С тех пор в душе унылой. . .

<1881>

* * *

Ты жаждал правды, жаждал света,
Любовью к ближнему согрета
  Всегда была душа твоя.

Не суету и наслажденье —
Добру высокое служенье
  Считал ты целью бытия.

И, провозвестник жизни новой,
На подвиг трудный и суровый
  Ты с юных дней себя обрек. . .

С горячей верой, с сердцем чистым
Ты бодро шел путем тернистым,
  Тщеславных помыслов далек.

Давно уж нет тебя меж нами,
Но над правдивыми сердцами
  Еще ты властвуешь досель.

И, духом падших ободряя,
Горит звездой в ночи благая,
  Тобой указанная цель!

<1881>

ПАМЯТИ Н. А. НЕКРАСОВА

> Как ни тепло чужое море,
> Как ни красна чужая даль,
> Не ей размыкать наше горе,
> Рассеять русскую печаль!
>
> *Некрасов*

> Не небесам чужой отчизны —
> Я песни родине слагал.
>
> *Некрасов*

Под небом южной стороны
Он вспоминал свой север дальний,
И яркий блеск ее весны
Души не радовал печальной.

В тот час, как луч вечерний гас
В волнах лазурного залива,
Бродил, быть может, он не раз
Один, угрюмый, молчаливый.

Он слушал, в думу погружен,
Густых и темных миртов шепот,
Вечерний колокола звон,
Волны сверкавшей плеск и ропот.

И край иной пред ним вставал,
С его простором и снегами;
Там буйный ветер тучи гнал
Над бесконечными степями...

И средь пустыни снеговой
Лачужки темные мелькали,
Где труд боролся с нищетой,
Где люди радостей не знали...

Тогда стране своей родной,
Тоски исполнен безысходной,
Слагал он песнь, и в песне той
Поэт о скорби пел народной,

Пел о желанных, лучших днях,
Народа прозревая силы...

И песнь его в людских сердцах
К неправде ненависть будила...

Он смолк... его не слышать нам...
Но в песнях, полных вдохновенья,
Он юным завещал певцам
Народу честное служенье!

<1882>

БЫЛОЕ

1

Картины далекого детства
Порой предо мною встают...
И вижу опять я знакомый,
Весь в белых кувшинчиках пруд.
Вокруг него темная чаща,
Где сотни звучат голосов;
И узкая вьется тропинка
К нему между цепких кустов.
То был уголок мой любимый
В запущенном старом саду.
Сюда с своей детскою думой,
Бывало, всегда я иду.
Под сень этих дубов могучих
И трепетных белых берез
Я детскую радость и слезы,
В груди накипевшие, нес.
И ласково так их вершины,
Казалось, в ответ мне шумят,
Что, слушая их, я каким-то
Был сладостным чувством объят...

2

И «детскую» нашу я вижу...
В углу с образами киот...
Лампада пред ними... сиянье
Вокруг она тихое льет.

Давно меня спать уложили,
Но я всё не сплю и очей
Свести не могу любопытных
С молящейся няни моей.
Крестясь и вздыхая, старушка
Кладет за поклоном поклон. . .
И много она называла
Мне близких и милых имен.
Вот стала она на колени;
Лицо ее мокро от слез.
«О чем она плачет?» — невольно
Во мне шевелился вопрос.
«Прости мне мои прегрешенья!» —
Дрожащие шепчут уста. . .
А я себе думаю: «Чем же
Она прогневила Христа?»

3

А вот и другая картина:
Морозная ночь и луна. . .
Равнина, покрытая снегом;
Немая вокруг тишина. . .
По гладкой, как скатерть, дороге
Мы едем в кибитке с отцом;
Надолго, быть может навеки,
С родным расстаюсь я гнездом. . .
Звенит под дугой колокольчик,
Полозья кибитки скрипят,
И ноет, болит мое сердце,
И слезы туманят мой взгляд
При мысли, что здесь уж не встречу
Поры я любимой своей,
Поры, когда выступит травка,
Журча засверкает ручей. . .
Что я не услышу ни шума
Знакомых берез и дубов,
Ни дышащих теплой любовью
И ласкою няниных слов. . .

<1882>

ПОСЛЕДНЯЯ СЕРЕДА

(П. И. Вейнбергу)

Всю зиму наш амфитрион
Нас созывал в свои палаты...
Они не пышны, не богаты,
И гостя взор не ослеплен
В них белым мрамором колонн
Или амфор массивным златом.

Зато здесь книгами полны
Стоят шкафы. Глядят портреты
Героев мысли со стены,
Всех, чьи созданья спасены
От волн неумолимой Леты...

Но мне сдается, начал я
Писать высоким слогом... «Лета,
Амфитрион, амфоры» — это
Наскучить может вам, друзья.
Увы! всему виною лета, —
Знать, муза старится моя!

Боюсь ужасно, чтоб не сбиться
Совсем на майковский шаблон...
Мне был всегда противен он,
И с ним искусство не мирится.
А потому спешу спуститься
С Олимпа, взяв попроще тон.

Мы обходились превосходно
Без раззолоченных амфор,
Хоть оживлялся часто спор
Вина струею благородной.
Непринужденный разговор
Лился здесь весело, свободно,

Сюда газетная вражда
И сплетня носу не совала,
Здесь наш кружок — людей труда —
Мог отдохнуть душой усталой,

И дверь была к нам заперта
Для идиота и нахала...

Но скоро нас лучи весны
Разгонят из столицы душной
По всем концам родной страны,
И мы с хозяином радушным
Пока расстаться все должны.

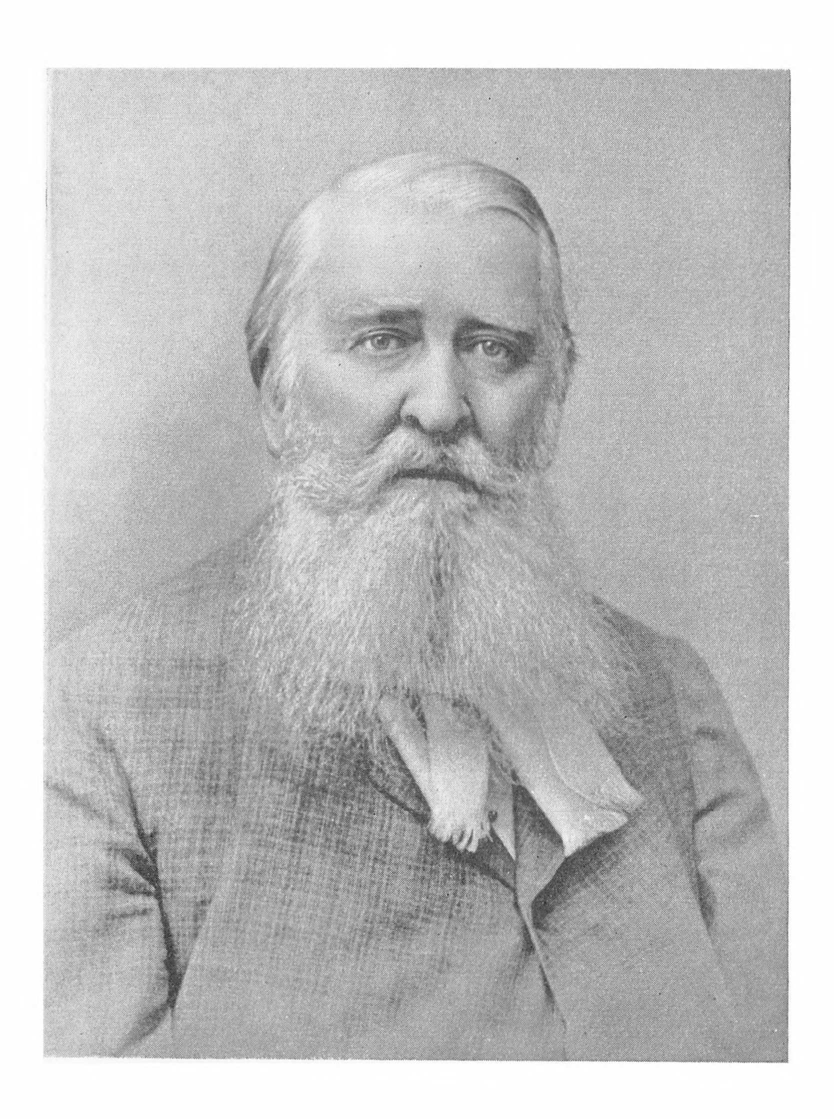
И вот в последний раз пришли мы,
Чтоб благодарственный привет
Сказать вам, искренно любимый
Наш педагог неутомимый
И симпатичнейший поэт.

Дай бог, чтоб будущей зимою
У вас мы снова, милый друг,
Сошлись свободною семьею,
Чтоб не редел наш тесный круг,
Чтоб вновь вечернею порою
Делили вместе мы досуг,

Чтоб речью образной и едкой
Нас Григорович услаждал...
Чтоб нам Давыдов так же метко
Мир закулисный рисовал,
Но чтоб не так являлся редко
Сюда Дитятин-генерал.

Чтоб протестант наш вечно пылкий
И обладающий притом
Юмористическою жилкой,
Наш Острогорский, за бутылкой
Всё был веселым остряком.

Чтоб, наконец, нас вдохновляли
Своим присутствием опять
И так же чай нам разливали
Две дамы милые... Едва ли
Мне нужно вам их называть!

Простите мне, что пожеланья
Плохим я выразил стихом...
И дар от нас — в воспоминанье
О наших дружеских собраньях —
Примите скромный наш альбом...

18 апреля 1883

27-го СЕНТЯБРЯ 1883 г.

(На смерть И. С. Тургенева)

Вот благородное угасло сердце...
«Гамлет»

Своей мы гордостью и славой
Тебя недаром признаем;
За человеческое право
Являлся честным ты бойцом.

Когда, исполненный смиренья,
Народ наш в рабстве изнывал,
Великий день освобожденья
К нему ты страстно призывал.

Корыстных, суетных, беспечных
Твой голос смелый устыдил...
Любить в глубоко человечных
Своих созданьях ты учил.

На скорбь людскую и страданья
Ты находил в душе ответ;
Ты мысль будить, будить сознанье
Не уставал на склоне лет.

На склоне лет огонь священный
В груди ты всё еще таил
И нас, художник вдохновенный,
Красою образов дивил!

И нет тебя!.. Недуга злого
Ты жертвой гас в стране чужой,
Но до прощанья рокового
Всё сердцем рвался в край родной.

Его любил ты бесконечно,
Как тот — друг юных дней твоих —
Знаменоносец правды вечной
И мыслей сеятель благих,

Кого так рано смерть сразила,
Но чья пророческая речь
Уж славы луч тебе сулила
И с кем желал ты рядом лечь.

И вот со всех концов прощальный
Тебе привет отчизна шлет...
И много в этот день печальный
Слез о тебе она прольет...

Да, человек он был! — словами
Поэта скажет край родной,
С благоговением цветами
Венчая холм могильный твой.

<1883>

1-е ЯНВАРЯ 1884 г.

Всем трудящимся на благо
Стороны своей родной,
Всем ее ведущим к свету
И бестрепетной рукой
Высоко несущим знамя
Правды вечной и святой,
Всем, кто избрал подвиг трудный
И не ждет себе венца, —
Пожелаем нынче, братья,
Чтоб остались до конца
Верны чистым идеалам
В битве жизни их сердца.

Пожелаем, чтоб не меркнул
Правды луч в краю родном,
Чтоб волной широкой знанье
Разлилось повсюду в нем
И чтоб мира кроткий гений
Осенил его крылом!

<1884>

* * *

Как часто образ дорогой
Встает в ночи передо мною,
С своей улыбкой молодой,
С своей задумчивой красою.
И вновь я вижу этот взор —
Взор, полный ласки и привета...
Больное сердце с давних пор
Его лучами не согрето!
Но тщетно к призраку с мольбой
Свои я простираю руки,
Взываю тщетно я: «Постой!
Изныла грудь моя от муки...»
Безмолвно он уходит прочь,
И остаюсь один я снова
С своей тоской... И только ночь
Глядит в окно мое сурово...

<1884>

СЛОВА ДЛЯ МУЗЫКИ

(Посвящается П. Н. О<стровско>му)

Нам звезды кроткие сияли,
Чуть веял теплый ветерок,
Кругом цветы благоухали,
И волны ласково журчали
У наших ног.

Мы были юны, мы любили,
И с верой вдаль смотрели мы;

В нас грезы радужные жили,
И нам не страшны вьюги были
Седой зимы.

Где ж эти ночи с их сияньем,
С благоухающей красой
И волн таинственным роптаньем?
Надежд, восторженных мечтаний
Где светлый рой?

Померкли звезды, и уныло
Поникли блеклые цветы...
Когда ж, о сердце, всё, что было,
Что нам весна с тобой дарила,
Забудешь ты?

<1884>

К ПОРТРЕТУ ПЕВИЦЫ

(Ван-Зандт)

Своей чарующей улыбкой
И серебристым голоском
Ты заставляешь биться шибко
Сердец немало. Всё кругом
Тебе с восторгом рукоплещет...
И яркой звездочкою блещет
В столице невской твой талант.
Ценитель музыки серьезной,
Художник, критик, дилетант —
Все без ума от грациозной,
От поэтической Ван-Зандт!

<1884>

НА ЗАКАТЕ

(Посвящается Серафиме Александровне Пагануцци)

Среди гнетущих ум сомнений
Порой, в безмолвии ночей,
Передо мною ваши тени
Встают, друзья весны моей, —
Друзья, делившие со мною
Восторгов юношеских пыл,
Борцы с отважною душою,
Которых рок не пощадил;
И на меня, полны печали,
Глядят, кивая головой,
И будто молвят: «Не пора ли,
Товарищ старый, на покой?
Чего ты ждешь? Твои кумиры
Лежат повержены во прах,
На звук твоей забытой лиры
Ответа нет в людских сердцах.
Взгляни вокруг себя: служенье
Иным свершается богам;
Иные слышны песнопенья,
И опустел наш старый храм.
Всё, что для нас так было свято,
Толпа глумленью предает,
Ты ей смешон, как был когда-то
Смешон несчастный Дон-Кихот.
Не верят в наши идеалы
Те, что тельца златого чтут...
Сойди ж, ненужный и усталый,
Скорей в безмолвный наш приют,
Тебя забвенья тихий гений
Своим крылом там осенит,
Там вечный сон, без сновидений,
Глаза усталому смежит!»

<1884>

В АЛЬБОМ АНТОНУ РУБИНШТЕЙНУ

Могучие, чарующие звуки!
Блажен внимавший им. Он сохранит
В душе своей навек воспоминанье
О тех часах священного восторга,
Которые художник вдохновенный
Ему дарил. Блажен, блажен стократ!
Но и твоя завидна также доля:
Людских сердец ты мощный властелин.
Тебе дано от неба в дар будить
Высокие и чистые стремленья,
Усталых душ печали врачевать
И с жизнью примирять ожесточенных...
Вот почему все шлют тебе привет
И слышатся со всех сторон желанья,
Чтоб гений твой еще пленял нас долго,
Перенося в мир идеальных грез,
И чаще б нам давал изведать сладость
Святых восторга слез!

<1886>

ЕЛКА

В школе шумно; раздается
Беготня и шум детей...
Знать, они не для ученья
Собрались сегодня в ней?

Нет! рождественская елка
В ней сегодня зажжена;
Пестротой своей нарядной
Деток радует она.

Детский взор игрушки манят...
Здесь лошадка, там волчок,
Вот железная дорога,
Вот охотничий рожок.

А фонарики... а звезды,
Что алмазами горят...

А орехи золотые,
А прозрачный виноград!

Будьте ж вы благословенны,
Вы, чья добрая рука
Убирала эту елку
Для малюток бедняка.

Редко, редко озаряет
Радость светлая их дни,
И весь год им будут сниться
Елки яркие огни!

<1887>

НА ПОХОРОНАХ ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА

Чиста, как снег на горных высотах,
И кротости исполнена безмерной
Была душа твоя, почивший брат.
Незлобив был, как голубь, ты; вражды
И зависти твое не знало сердце.
Любви и всепрощения родник
Неиссякаемый в груди твоей таился.
Любовью все твои созданья дышат,
Глубокою любовью к человеку...
Не отвергал с презреньем падших ты,
Но пробуждал к ним в ближних состраданье;
Вот почему все честные сердца
Ты влек к себе с неотразимой силой!

Не много тех, кто чистоту души
Умел сберечь средь мутных волн житейских,
Как ты сберег, и в ком не в силах были
Они любви светильник потушить...
Спи мирно, брат наш милый! .. Долго будет
В сердцах людских жить светлый образ твой.
О! если бы могли, хотя на миг,
Твои открыться вежды... в наших взорах
Прочел бы ты, какою беспредельной,
Великой скорбью душу наполняет
Нам мысль, что ты навек от нас ушел!

26 марта 1888

АНТОНУ ПАВЛОВИЧУ ЧЕХОВУ

Цветущий мирный уголок,
Где отдыхал я от тревог
И суеты столицы душной,
Я буду долго вспоминать,
Когда вернусь в нее опять,
Судьбы велениям послушный.
Отрадно будет мне мечтой
Перенестись сюда порой, —
Перенестись к семье радушной,
Где теплый дружеский привет
Нежданно встретил я, где нет
Ни светской чопорности скучной,
Ни карт, ни пошлой болтовни,
С пустою жизнью неразлучной;
Но где в трудах проходят дни
И чистый, бескорыстный труд
На благо края своего
Ценить умеет темный люд,
Платя любовью за него...
Не раз мечта перенесет
Меня в уютный домик тот,
Где вечером, под звук рояли,
В душе усталой оживали
Волненья давних, прошлых дней,
Весны умчавшейся моей,
Ее восторги и печали!..
Спасибо, добрые друзья,
За теплый, ласковый привет,
Которым был я здесь согрет!
Спасибо вам! И если снова
Не встречусь с вами в жизни я,
То помяните добрым словом
В беседе дружеской меня.

6 июня 1888
Усадьба «Лука»

* * *

(Посв<ящается> П. И. Вейнбергу)

Так тяжело, так горько мне и больно...
Так много мук в душе затаено,
Что мне сказать уж хочется давно
Всему, что жизнью мы зовем: «Довольно!»

Грядущее сулит лишь ряд мучений,
Нужду, недуг, заботы без конца;
Не сгонит тень с печального лица
Своим крылом надежды светлый гений!

О! если бы хоть мысль, что не бесплодно
Растрачен был запас духовных сил,
Что никогда я с тем, чего не чтил,
Не примирялся, гордый и свободный!

Но нет! Раба бессилье наложило
Свою печать на все мои дела,
И лишь одно сознанье, что прошла
Бесследно жизнь, я унесу в могилу...

1888 или 1889

* * *

Кто ты, красавица, с цветами полевыми,
Вплетенными в златистый шелк кудрей,
С улыбкой ясною, с глазами голубыми,
В одежде, сотканной из солнечных лучей,
И кем тебе таинственная сила
Дана сердца больные врачевать?
Пришла — и в них ты радость воскресила;
Что жизнь давно, казалось, в них убила,
Всё ожило, всё расцвело опять.
И в честь твою природа гимн слагает,
Звенят ручьи, им вторит птичек хор;
Шумя своей листвой зеленой, бор
К тебе, как друг, объятья простирает.

— Я только гостья здесь; я небом послана
В усталые сердца пролить успокоенье,
Смягчить суровых гнев, вражду и озлобленье,
Я только гостья здесь... зовут меня Весна.

<1891>

* * *

Это пламенное солнце,
Солнце южной стороны;
Это море голубое,
Вечный шум его волны;
Эти пальмы, эти розы,
Этих вилл красивых ряд,
Что с высот своих на море
Так приветливо глядят, —
Всё-то здесь чарует взоры
Бесконечной красотой,
И царит она всевластно
Над изнеженной толпой...

Но ликующей природе
Не рассеять мрачных дум,
Отравляющих печалью
Сердце мне, гнетущих ум:
В плеске волн и в шуме листьев,
В песне ветра в час ночной
Слышу плач я о невзгоде
Стороны моей родной! ..

Ноябрь 1891
Ницца

* * *

Как в дни ненастья солнца луч,
Блеснув внезапно из-за туч,
Всё оживляет на мгновенье —
Так милый, добрый ваш привет

И мне суровых жизни бед
Дает минутное забвенье.

На этот образ молодой,
С его блистающей красой,
Любуюсь я. И в сердце снова
Воскресли грезы прежних дней
Погибшей юности моей,
Волненья счастья прожитого...

Внимая ласковым словам,
Я говорю спасибо вам
За этот луч среди ненастья,
Он дорог мне...

Ноябрь 1891
Ницца

УПРЕК

(Романс)

Томимый горем и тоскою,
Изнемогающий в борьбе,
Послать хотел бы я порою
Упрек язвительный тебе

За то, что жизнь мне отравила,
Что веру в счастье и людей
Ты, беспощадная, убила
В душе измученной моей;

За то, что сгибли дорогие,
Восторга полные, мечты
И все надежды молодые,
Как бурей смятые цветы.

Но нет! Хоть горько мне и больно,
Лишь вспомню я твой светлый взор —
И на устах замрет невольно
Готовый вырваться укор!

ПЕРЕВОДЫ

С УКРАИНСКОГО

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

ДУМА

Проходят дни... проходят ночи;
Прошло и лето; шелестит
Лист пожелтевший; гаснут очи;
Заснули думы; сердце спит.
Заснуло всё... Не знаю я —
Живешь ли ты, душа моя?
Бесстрастно я гляжу на свет,
И нету слез, и смеха нет!

И доля где моя? Судьбою,
Знать, не дано мне никакой...
Но если я благой не стою,
Зачем не выпало хоть злой?
Не дай, о боже, как во сне
Блуждать... остынуть сердцем мне.
Гнилой колодой на пути
Лежать меня не попусти.

Но жить мне дай, творец небесный!
О, дай мне сердцем, сердцем жить!
Чтоб я хвалил твой мир чудесный,
Чтоб мог я ближнего любить!
Страшна неволя, тяжко в ней!
На воле жить и спать — страшней!
Прожить ужасно без следа,
И смерть и жизнь — одно тогда.

1858

СОН

Она на барском поле жала
И тихо побрела к снопам —
Не отдохнуть, хоть и устала,
А покормить ребенка там.

В тени лежал и плакал он;
Она его распеленала,
Кормила, нянчила, ласкала
И незаметно впала в сон.

И снится ей: житьем довольный
Ее Иван, пригож, богат;
На вольной, кажется, женат —
И потому, что сам уж вольный.

Они с лицом веселым жнут
На поле собственном пшеницу,
А детки им обед несут;
И тихо улыбнулась жница.

Но тут проснулась... Тяжко ей!
И, спеленав малютку быстро,
Взялась за серп — дожать скорей
Урочный сноп свой до бурмистра.

Между июлем и ноябрем 1858

ПЕСНИ

1

И долину, и курганы,
И вечерний тихий час —
Всё, что снилось, говорилось,
Вспоминал я много раз!

Разошлись мы, будто вовсе
И не знались никогда!

И минули невозвратно
Наши лучшие года!

Отцвели мы... Я в неволе,
Ты вдовой: мы не живем,
Только бродим, вспоминая,
Как живалось нам в былом!

1860

2

Проторила я дорожку
        Через яр,
Через горы, мой сердешный,
        На базар.
Парням бублики носила
        Вечерком;
Продала — и воротилась
        С пятаком.
Я два гро́ша, ох, два гро́ша
        Пропила,
На копейку музыканта
        Наняла.
Ты сыграй-ка мне на дудке
        На своей,
Чтоб забыла я кручину,
        Горе с ней.
Вот какая, мой сердешный,
        Девка я!
Сватай — выйду я, пожалуй,
        За тебя!

1859

3

Не вернулся из походу
Молодой гусар в село;
Что же я по нем горюю,

Что мне больно жаль его?
За кафтан короткий, что ли,
Иль за черный ус так жаль?
Иль за то, что не Марусей,
Машей звал меня москаль?
Нет! мне жаль, что пропадает
Даром молодость моя:
Не хотят меня и замуж
Брать уж люди за себя.
Да к тому еще и девки
Мне проходу не дают:
Не дают они проходу,
Всё гусарихой зовут!

1860

4

Хороша, богата
Я — да толку мало!
Видно, бесталанна,
Друга не сыскала.
Тяжко, тяжко сердцу
Без любви томиться;
Скучно одинокой
В бархат мне рядиться.
С парнем чернобровым,
Круглым сиротою,
Мы бы полюбились —
Да глядят за мною
Мать с отцом так зорко,
Даже сна не знают,
И гулять под вечер
В садик не пускают.
А когда и пустят,
Так всё с ним, с проклятым,
С недругом противным,
Стариком богатым.

1860

5

Полюбила я,
На печаль свою,
Сиротинушку
Бесталанного.
Уж такая мне
Доля выпала!
Разлучили нас
Люди сильные;
Увезли его,
Сдали в рекруты...
И солдаткой я,
Одинокой я,
Знать, в чужой избе
И состареюсь...
Уж такая мне
Доля выпала.

1860

* * *

В те дни, когда мы были казаками,
Об унии и речи не велось;
О, как тогда нам весело жилось!
Гордились мы привольными степями,
И братом нам считался вольный лях;
Росли, цвели в украинских садах,
Как лилии, казачки наши в холе.
Гордилась сыном мать: среди степей
Он вольным рос, он был утехой ей
Под старость лет в немощной, скорбной доле.
Но именем Христа в родимый край
Пришли ксендзы и мир наш возмутили,
Терзали нас, пытали, жгли, казнили —
И морем слез и крови стал наш рай!
И казаки поникнули уныло,
Как на лугу помятая трава;
Рыданье всю Украйну огласило;
За головой катилась голова;

И посреди народного мученья
«Te deum!» ксендз ревел в ожесточеньи.
Вот так-то, лях, вот так-то, друг и брат!
Голодный ксендз да буйный ваш магнат
Расторгли нас, поссорили с тобою;
Но если бы не козни их, поверь,
Что были б мы друзьями и теперь.
Забудем всё! С открытою душою
Дай руку нам и именем святым
Христа наш рай опять возобновим!

1860

С ПОЛЬСКОГО

АНТОНИЙ СОВА
(ЖЕЛИГОВСКИЙ)

ДВА СЛОВА

Над кладбищем, над могильными плитами
Солнышко весною всходит каждый год,
Каждый год пестреет мягкий луг цветами,
Птичка божия так весело поет.

Голос бога с каждою весною
Говорит природе: «Радуйся, живи;
Громы в небесах глубоко я сокрою;
Пой любовь и знай, источник я любви».

Над кладбищем, над могильными плитами
В тучи солнышко заходит каждый год,
И, с поблекшими от холода цветами
Расставаясь, птичка жалобно поет...

Слышит голос бога каждый год природа:
«Плачь и сокрушайся... Смерть есть твой закон».
И гремит гроза, и воет непогода,
В мире тленье всё, а вечность — только он.

<1854>

ВЛАДИСЛАВ СЫРОКОМЛЯ

ПТИЧКА

Птичка божия проснулася с зарею,
А уж пахаря застала за сохою;
Полетит она к лазурным небесам
И, что видит в селах, всё расскажет там.
Скажет птичка богу, что бедняк страдает,
Что кровавым потом ниву орошает;
Не мила, как птичке, пахарю весна,
Радостей не много подарит она...
Встретил бы он солнце песенкой веселой,
Да молчать заставит гнет нужды тяжелый.
На сердце заботы как свинец лежат,
Поневоле песня не пойдет на лад.
Где тут любоваться негой лунной ночи, —
Застилают слезы труженику очи...
Скажет птичка богу, чтоб его рука
Поддержала в горькой доле бедняка,
Чтоб ему нести свой крест достало силы,
Чтоб без ропота добрел он до могилы.

<Декабрь 1856>

ДУМА

Здесь дни мои текут спокойно,
Здесь хлеба вдоволь и цветов,
И вечерком приятель добрый
Потолковать со мной готов.

Средь яблонь, груш и дубов старых
Отрадно в этой мне тиши.
Еще одно бы только благо —
Одно спокойствие души!

О люди, братья, помолитесь
За брата бедного порой,

Чтобы остыл тревожной мысли
Жар в голове моей больной;

Чтобы мечтам моим крылатым
Рассудок воли не давал,
Чтоб о всеобщем, вечном счастье,
Безумный, я не помышлял!

<1860>

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОЭТЫ

СЕЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

(С польского)

Если волов я не так запрягаю,
Нету во мне для хозяйства пути,
Если в избе я тебе докучаю,
В школу, родная, меня отпусти.

Грамотный буду; крестьянского сына
В школе научат, я знаю, всему;
Сделают там из него господина,
Платье суконное справят ему.

К вам принесу я рассказов немало,
В книжке прочту, как всё в мире идет;
Всё, что в старинные годы бывало,
Даже и то, что случится вперед...

Каждую травку назвать я сумею,
Буду я в церкви попу помогать,
И на стене, над постелью твоею,
Лики угодников углем писать.

<1858>

СЕЛЬСКИЕ ПЕСНИ

1

Травка зеленеет,
Солнышко блестит,
Ласточка с весною
В сени к нам летит.

С нею солнце краше
И весна милей...
Прощебечь с дороги
Нам привет скорей.

Дам тебе я зерен,
А ты песню спой,
Что из стран далеких
Принесла с собой...

Что ты всё кружишься?
Что твой черный глаз
Ищет всё кого-то?
Нет ее у нас!

За солдата вышла,
Бросила наш дом;
С матерью прощалась
Вон за тем крестом.

Там, где куст, мне с плачем
Ноги обняла
И чуть не вернулась,
Как до гор дошла.

Если к ним летишь ты,
Расскажи потом:
Может, терпят нужду
В городе чужом?

Часто ль вспоминают
Обо мне у них?
Что их дочь-малютка?
Что сыночек их?

<1858>

2

Убравши головку цветами,
Маруся стоит над водами,
Любуясь собой, в них глядит
И Яну смеясь говорит:

«Поди ко мне, Ян белолицый,
Напейся студеной водицы...»
— «Не стану я пить той воды...
Недолго с тобой до беды...»

— «Зачем ты стоишь так далеко,
Знать, речки боишься глубокой?»
— «Боюсь! В нее смотрит твой глаз...
А он заколдует как раз!»

<1859>

3

Тебе няньки песни пели,
А уж я любил!
И тогда же на мизинец
Перстень подарил.
Взяли жен себе другие;
Я всё верен был.

Вдруг чужой пришел к нам парень
И тебе стал мил.
Музыкантов пригласили,
Я на свадьбе пил!
Стала ты чужой женою,
А я всё любил!

Овдовела ты — с тобою
 Вместе я тужил.
На вдове вдовец женился...
 Я еще любил!
Как смеялись нынче девки.
 Слез я не таил.
Знать, я даром ждал и перстень
 Мне не пособил!

<1859>

4

«Хоть бы песенку ты спела!..»
— «Не могу, услышит мать.
Ну отворит вдруг окошко;
Нам с тобой несдобровать!»

— «Видно, ты меня не любишь!
Холодна ты, словно лед;
Вот опять отворотилась...
Разве кто нас стережет?»

— «Замолчи! Мы возле хаты:
Могут люди увидать!
Ты бы только целовался;
Ну как нас увидит мать!»

— «Или каменное сердце
В молодой твоей груди?
Дорогая! хоть разочек
На меня ты погляди!»

— «Перестань! В другое время...
А теперь я не могу
Глаз отвесть на миг от стада,
Что пасется на лугу».

— «Посмотри! В тенистой роще
Колокольчик голубой...»
— «Колокольчик! Неужели?..
То цветок любимый мой!»

— «Так сорвем!» — «Ты здесь
останься...»
— «Где ж тебе одной сыскать?»
Поискали долго вместе...
Неужель узнает мать?

<*1859*>

5

Молодой стрелок идет дорогой,
И бежит собака перед ним;
Знать, устал и отдохнуть немного
Он прилег под деревом густым.

Встал опять и дальше в путь пустился
По пригорку... через ниву, в лес...
Смотрит в чащу... Вдруг остановился,
Затрубил и из виду исчез...

Я его собаку приласкаю...
Принесу ей больше молока,
Мяса ей и хлеба набросаю, —
Заведет к нам, может быть, стрелка.

Мать пойдет ему зажарить птицу,
Даст отцу он пострелять ружья...
Дети будут с псом его возиться;
И вдвоем останусь с гостем я!

<*1859*>

ШАНДОР ПЕТЕФИ

* * *

Степью иду я унылою,
Нет ни цветочка на ней;
Деревца нету зеленого,
Где бы мог спеть соловей.
Мрачно так вечер насупился,
Звезд — ни следа в вышине...
Сам я не знаю, что́ вспомнилась
Вдруг в эту пору ты мне!..
Вспомнилась ты, моя милая,
С кротким и ясным лицом...
Вижу тебя... И, мне кажется,
Мгла уж редеет кругом;
И будто песнь соловьиная
В чаще зеленой звучит;
Волны цветов колыхаются,
В звездах всё небо горит...

<1868>

* * *

За мою доброту меня хвалишь всё ты;
Может быть, я и добр не шутя;
Но меня не хвали, ведь моей доброты
Твое сердце источник, дитя.

Не заслуга земли, что пестреет цветок
И что плод созревает на ней;
Разве мог бы взойти хоть один стебелек
Без живительных солнца лучей?

<1868>

ЯНОШ АРАНИ

* * *

Ах! Сколько, сколько пало их
    В бою за край родной!
Отважных, гордых, молодых,
    С кипучею душой!
Ах! Сколько, сколько сгибло их
    Под гнетом нищеты,
Кому дороже благ земных
    Казались их мечты,
Кто на чужбине чашу бед
    Всю осушил до дна,
Деяний чьих не знает свет,
    Чьи темны имена...
Но не погиб тот идеал,
    Что возвышал их дух!
И пламень тот, что в них пылал,
    С их жизнью не потух!
Завещан честным он сердцам...
    И если б край родной
Опять воззвал к своим сынам —
    Они готовы в бой!

1879

С НЕМЕЦКОГО

ГЕТЕ

ТИШЬ НА МОРЕ

Тишина немая в море,
Волны темны, как свинец.
Беспокойно на просторе
Озирается пловец.

Легкий ветер не подует;
Как в могиле, тишина...
И в дали необозримой
Не колы́хнется волна.

<1844>

МОЛИТВА

О мой творец! О боже мой,
Взгляни на грешную меня:
Я мучусь, я больна душой,
Изрыта скорбью грудь моя.
О мой творец! велик мой грех,
Я на земле преступней всех!

Кипела в нем младая кровь;
Была чиста его любовь;
Но он ее в груди своей
Таил так свято от людей.

Я знала всё... О боже мой,
Прости мне, грешной и больной.

Его я муки поняла;
Улыбкой, взором лишь одним
Я б исцелить его могла,
Но я не сжалилась над ним.
О мой творец, велик мой грех,
Я на земле преступней всех!

Томился долго, долго он,
Печалью тяжкой удручен;
И умер, бедный, наконец...
О боже мой, о мой творец,
Ты тронься грешницы мольбой,
Взгляни, как я больна душой!

<1845>

ГЕЙНЕ

* * *

Речная лилея, головку
Поднявши, на небо глядит;
А месяц влюбленный лучами
Уныло ее серебрит...

И вот она снова поникла
Стыдливо к лазурным водам;
Но месяц — всё бледный и томный,
Как призрак — сияет и там...

1845

* * *

Вот снова незваная гостья —
Слеза на реснице дрожит...
Одна она только осталась
И взор мой порою мутит.

Подруги слезы запоздалой
Исчезли одна за другой...
Исчезли, как радость и горе:
Их высушил ветер ночной.

И звезды, те синие звезды,
Что так улыбалися мне,
Что радость и горе дарили,
Угасли навек и оне.

И даже любви в этом сердце,
Давно охладелом, уж нет.
Скорей же, слеза, о скорее
И ты укатись им вослед!

1845

* * *

Был старый король... (Эту песню
Я, други, слыхал в старину.)
Седой и с остылой душою,
Он взял молодую жену.

Был паж с голубыми глазами,
Исполнен отваги и сил;
Он шелковый шлейф королевы
Прекрасной и юной носил.

Докончить ли старую песню?
Звучит так уныло она...
Друг друга они полюбили,
И смерть им была суждена.

1845

* * *

Дитя! как цветок, ты прекрасна,
Светла, и чиста, и мила;
Смотрю на тебя... и любуюсь, —
И снова душа ожила...

Охотно б тебе на головку
Я руки свои возложил,
Прося, чтобы бог тебя вечно
Прекрасной и чистой хранил.

1845

* * *

Скучно мне! И взор кидаю
Я на прошлое с тоской;
Лучше мир был! И дружнее
Жили люди меж собой...

А теперь... несносно, вяло,
Словно вымер целый свет.
В небесах не стало бога,
Но и черта больше нет.

Всё так мрачно... отовсюду
Веет холодом могил;
И не будь любви немножко,
Право, жить не стало б сил!..

<1846>

* * *

Возьми барабан и не бойся,
Целуй маркитантку звучней!
Вот смысл глубочайший искусства,
Вот смысл философии всей!

Сильнее стучи, и тревогой
Ты спящих от сна пробуди!
Вот смысл глубочайший искусства;
А сам маршируй впереди!

Вот Гегель! Вот книжная мудрость!
Вот дух философских начал!
Давно я постиг эту тайну.
Давно барабанщиком стал!

<1846>

* * *

Ветер осенний колышет
Листья дерев при луне;
В плащ завернувшись, я еду
Лесом густым на коне.

Мысли, меня обгоняя,
Быстро несутся вперед...
Домик подруги знакомый
Взорам моим предстает.

Лают собаки... С огнями
Слуги встречают меня;
Вот я вхожу, о ступени
Шпорами громко звеня.

В комнате теплой и светлой
Милая плачет одна...
Радостно вскрикнув, на шею
Кинулась другу она.

Шум вкруг меня раздается;
Слышу я говор ветвей:
«Что тебе нужно, безумец,
С глупой мечтою своей?»

<1846>

* * *

Они меня много терзали —
И бледный я стал и худой —
Одни своей глупой любовью,
Другие своею враждой.

И хлеб мой они отравили,
И яду смешали с водой —
Одни своей глупой любовью,
Другие своею враждой.

Но та, кто всех больше терзала
И мучила сердце мое...
Меня никогда не любила;
Вражды не вселил я в нее!

1846

* * *

И смех, и песни, и солнца блеск!
Челнок наш легкий качают волны;
Я в нем с друзьями, веселья полный,
Плыву беспечно... Вдруг слышен треск.

И разлетелся в куски челнок —
Друзья пловцами плохими были,
Родные волны их поглотили,
Меня ж далеко умчал поток.

И вот сработал в чужой стране
Другой челнок я; но бьют сурово
Чужие волны в челнок мой новый;
Мой край далеко! Как грустно мне!

Друзья иные теперь со мной!
И снова песни! Но воют бури,
И гаснут звезды в ночной лазури...
Прости навеки, мой край родной!

<1858>

БЛАГОТВОРИТЕЛЬ

Брат с сестрой когда-то жили,
Он богат, она бедна.
Раз сестра сказала брату:
«Помоги, я голодна!»

— «Ах! оставь меня сегодня! —
Брат ей вымолвил в ответ. —
Я совету городскому
Задаю большой обед.

Этот любит ананасы;
Этот суп из черепах;
Этот с трюфлями фазанов;
Целый день я в хлопотах.

Одному морскую рыбу,
А другому семгу дай;
Третий жрет что ни попало,
Лишь вина в него вливай!»

И, голодная, от брата
В угол свой она пришла,
Там, слезами обливаясь,
На соломе умерла.

Все умрем мы... Вот явилась
Смерть и к братнему одру;
Богача она сразила
Так, как он сразил сестру.

Но, почуяв, что пришлося
Грешный мир наш покидать,
Он нотариуса призвал
Завещание писать:

Духовенству он оставил
Очень круглый капитал;
Школе также и музею
Много денег отказал;

Не забыл он в завещанье
Институт глухонемых,
Поощрил богоугодных
Обществ много и других.

Был им колокол огромный
В дар собору принесен;
Страшный вес! Металл отличный!
Потрясает воздух звон!

И, весь день не умолкая,
Этот колокол гудит
Про тебя, о муж великий,
Как добром ты знаменит!

Языком своим он медным
Возвещает, что тобой
Все сограждане гордятся,
Весь гордится край родной.

В честь твою гудеть он будет,
Незабвенный филантроп,
И тогда, когда ты ляжешь,
К общей скорби, в тесный гроб.

Погребенье совершилось
С подобавшим торжеством;
На кортеж толпа взирала
В удивлении немом;

Балдахин был убран в перья,
Пышный гроб стоял под ним,
Черным бархатом обитый,
С позументом дорогим.

Серебро на черном фоне
Представляет чудный вид;
Позументы, кольца, бляхи —
Всё сверкает и блестит!

Шаг за шагом колесницу
Черных шесть коней везли;

Будто мантии, попоны
Упадали до земли.

Сзади в трауре лакеи
Шли, в печаль погружены;
Все у глаз платки держали
Чрезвычайной белизны.

А потом карет парадных
Протянулся длинный ряд;
И я видел, что почетных
Много в них особ сидят.

И совета городского
Члены были также здесь.
Но однако ж, к сожаленью,
Налицо он был не весь.

Муж почтенный, что фазанов
Кушать с трюфлями любил,
Несварением в желудке
Сам сведен в могилу был.

<1858>

* * *

Красавицу юноша любит;
Но ей полюбился другой.
Другой этот любит другую
И на́звал своею женой.

За первого встречного замуж
Красавица с горя идет;
А бедного юноши сердце
Тоска до могилы гнетет.

Старинная сказка! Но вечно
Останется новой она;
И лучше б на свет не родился
Тот, с кем она сбыться должна!

1858
С.-Петербург

* * *

На станции встретились как-то
Семья моей милой со мной;
Папаша, мамаша, сестрицы
Меня обступили толпой.

Спросили меня о здоровье
И хором сказали: «Ей-ей,
Такой же вы всё, как и были,
Но только как будто бледней!»

А я — о снохах, о золовках,
О скучных знакомых спросил,
Спросил их, всё так же ли лает
Их мопс изо всех своих сил.

О милой, уж вышедшей замуж,
Я в речи коснулся слегка...
И мне отвечали с улыбкой:
«Бог дал ей недавно сынка».

Я тоже с улыбкой поздравил,
Прося убедительно их
Мое передать ей почтенье,
Когда она будет у них.

Меньшая сестрица сказала,
Что мопс их всё выл по ночам,
От жару взбесившись; и в речке
Папá утопил его сам.

И мне показалось, что с милой
Есть сходство в сестрице меньшой:
У ней те же глазки, что душу
Мою отравили тоской!

1858
С.-Петербург

* * *

Собравшись за столиком чайным,
Они о любви говорили;
Мужчины изящны, а дамы
Так нежны, чувствительны были.

«Любить платонически должно!» —
Советник сказал свое мненье,
Советница только плечами
Пожала, с улыбкой презренья.

«Любить слишком пылко не надо, —
Заметил пастор. — Не здорово!»
— «Ну, вот!» — поспешила девица
Вклеить в разговор свое слово.

Графиня промолвила томно:
«Любовью я страсть называю», —
Потом господину барону,
Вздохнув, подала она чаю.

Твое лишь за столиком чайным
Местечко не занято было...
А как бы ты им рассказала,
Мой друг, про любовь свою мило!

1858
С.-Петербург

* * *

О! не будь нетерпелива
И прости, что в песнях новых
Всё еще так внятны звуки
Старой боли дней суровых!

Подожди! Замолкнет скоро
Эхо прожитых мучений
И в душе расцветшей песен
Пробудится рой весенний!

1858
С.-Петербург

ГРАФИНЯ ГУДЕЛЬ ФОН ГУДЕЛЬФЕЛЬД

Преклоняются все, о графиня,
За червонцы твои пред тобой.
В раззолоченной пышной карете,
Запряженной четверкой лихой,
Ты на герцогский бал покатила,
Там они, и оркестр уж гремит,
И по мраморным гладким ступеням
Длинный шелковый шлейф твой шумит.
А вверху галуны и ливреи,
И кричат великаны-лакеи:
«M-me la comtesse Goudelfeld!» [1]

В дорогих кружевах, в бриллиантах,
По сияющим залам дворца
Гордо с веером ты выступаешь,
И не сходит улыбка с лица.
Так высоко от радости дышит
Грудь твоя, и полна и бела;
Перед целым дворцом герцогиня
Cara mia [2] тебя назвала.
Вальсируют с тобой камергеры;
Превозносит сам герцог манеры
De m-me la comtesse Goudelfeld.

Но беда, если денег не будет!
Все к тебе повернутся спиной.
Cara mia презрительно взглянет
И ни слова не скажет с тобой.
Длинный шлейф твой оттопчут лакеи,
Не пойдешь с камергером плясать,
И любезностей ты не услышишь,
Только будешь обиды глотать;
Даже герцог сострит герцогине:
«Как несет чесноком от графини,
От m-me la comtesse Goudelfeld!»

<1859>

---

[1] Графиня Гудельфельд! (франц.) — *Ред.*
[2] Моя дорогая (итал.). — *Ред.*

ТАМБУРМАЖОР

Он низко пал... Тамбурмажора
Не узнаю я больше в нем!
А в дни империи, бывало,
Каким глядел он молодцом!

Он шел с улыбкой перед войском
И палкой длинною махал;
Галун серебряный мундира
При свете солнечном блистал.

Когда при барабанном бое
Вступал в немецкий город он,
В ответ на этот бой стучали
Сердца у наших дев и жен.

Придет, увидит он красотку —
И победит ее сейчас;
Слезами женскими увлажен
Был черный ус его не раз.

Мы всё сносили поневоле,
И покорял, являясь к нам,
Мужчин — французский император,
Тамбурмажор французский — дам.

Как наши ели терпеливы,
Молчали долго мы; но вот
Нам наконец освобождаться
Приказ начальство отдает.

И вдруг, как бык рассвирепелый,
Свои мы подняли рога;
И песни Кернера запели...
И одолели мы врага!

Стихи ужасные звучали
В ушах тирана день и ночь;
Тамбурмажор и император
От них бежать пустились прочь.

Обоим грешникам правдивой
Судьбой урок был страшный дан,
Наполеон попался в руки
Жестокосердых англичан.

Его на острове пустынном
Позорно мучили они;
И наконец уж рак в желудке
Пресек страдальческие дни.

Тамбурмажор был точно так же
Всех прежних почестей лишен;
Чтоб избежать голодной смерти,
У нас в отеле служит он:

Посуду моет, топит печи,
Таскает воду и дрова;
Кряхтит, бедняга, и трясется
Его седая голова.

Когда приятель Фриц порою
Ко мне заходит вечерком,
Никак не может удержаться,
Чтоб не сострить над стариком.

Не стыдно ль, Фриц? Совсем не место
Здесь этим пошлым остротáм:
Величье падшее позорить
Нейдет Германии сынам;

Тебе бы должно с уваженьем
Смотреть на эти седины...
Старик, быть может, твой родитель,
Хотя и с левой стороны...

<1859>

ЮДОЛЬ ПЛАЧА

Уныло в трубах раздаются
Ночного ветра завыванья...
На чердаке, бледны и тощи,
Лежат два бедные созданья.

И говорит одно: «Рукою
Обвей мне крепче, крепче шею,
К устам моим прильни устами,
Согрей меня, я холодею».

И говорит другое: «Если
Любовь в твоем мне светит взоре,
Я забываю стужу, холод
И всё свое земное горе».

Они друг другу жали руки,
И целовались, и рыдали...
Порой смеялись, песню пели
И вдруг затихли, замолчали...

Явился утром полицейский
И с ним хирург, здоровый малый,
Для подтвержденья, что на свете
Двух бедняков еще не стало.

И объявил хирург, что холод
В соединенье с пустотою
Желудка — смерти их считает
Он несомненною виною.

«Из байки нужны одеяла, —
Прибавил он, — зима сурова», —
Потом сказал, что пища тоже
Сытна должна быть и здорова.

<1864>

ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОЭТУ

Ты поешь, как Тиртей. Твоя песня
Вдохновенной отваги полна...
Но ты публику выбрал плохую,
Ты в плохие поешь времена.

Тебя слушают, правда, с восторгом
И, дивясь, восклицают потом:
«Как полет его дум благороден,
Как владеет он мощно стихом!»

За стаканом вина не однажды
Тебе даже кричали: «Ура!»
Хором песни твои распевали,
Распевали всю ночь до утра.

За столом спеть свободную песню
Очень любят рабы... Ведь она
И желудку варить помогает,
Да и больше с ней выпьешь вина!

<1870>

* * *

Вчера меня ласкало счастье,
А уж сегодня нет его!
Мне привязать не удавалось
К себе надолго никого.

В мои объятья любопытство
Толкало женщин много раз,
Но, заглянув мне в сердце глубже,
Спешили прочь они сейчас.

Одна в молчаньи уходила,
Другая — весело смеясь.
И только ты, меня бросая,
Слезами горько залилась!

<1870>

РАЗГОВОР В ДУБРАВЕ

«Слышишь, к нам несутся звуки
Контрабаса, флейты, скрипки?
Это пляшут поселянки
На лугу, под тенью липки».

— «Контрабасы, флейты, скрипки!
Уж не спятил ли с ума ты?
Это хрюканью свиному
Вторят с визгом поросята».

— «Слышишь, как трубит охотник
В медный рог свой в чаще темной?
Слышишь, как ягнят сзывает
Пастушок волынкой скромной?..»

— «Я не слышу ни волынки,
Ни охотничьего рога;
Вижу только свинопаса,
Что идет своей дорогой».

— «Слышишь пенье? Сладко в душу
Льется песня неземная;
Веют белыми крылами
Херувимы, ей внимая...»

— «Бредишь ты! Какое пенье
И какие херувимы?
То гусей своих мальчишки,
Распевая, гонят мимо».

— «Колокольный звон протяжный
Раздается в отдаленьи;
В бедный храм свой поселяне
Идут, полны умиленья».

— «Ошибаешься, мой милый,
И степенны и суровы

С колокольчиками и́дут
В стойло темное коровы».

— «Посмотри, между ветвями
Платье белое мелькает.
То идет моя подруга,
Страстью взор ее блистает!»

— «Вот потеха! Иль не знаешь
Ты лесничихи-старушки;
Целый день с клюкою бродит
У лесной она опушки».

— «Все вопросы фантазера
Осмеял ты ядовито...
Одного ты не разрушишь,
Что глубоко в сердце скрыто...»

<1872>

* * *

Спектакль окончен. Занавес спустили;
Толпа изящных дам и кавалеров
Спешит домой. Поэта наградили
Рукоплесканья шумные партера.
И вот теперь в большом и темном зданье
Сменило шум угрюмое молчанье.
Но чу! Близ опустевшей сцены вдруг
Послышался какой-то резкий звук:
То лопнула струна в оркестре... Крысы
Скребутся где-то и грызут кулисы...
Повсюду ненавистный запах масла...
Вот лампа замигала... и, шипя,
С отчаяньем — последняя — угасла!
Тот бедный пламень был — душа моя.

<1872>

* * *

Как цветы, расцветают желанья
Лишь затем, чтоб потом отцвести,
И опять расцветают и блекнут,
И так будет до гроба идти.

Это мне отравляет веселье,
Отравляет любовь мне давно...
Как умно мое сердце, что кровью
Наконец истекает оно!

<*1872*>

* * *

Пора оставить эту шутку
И заученные слова!
Давно холодному рассудку
Пора вступить в свои права.

Я был с тобой актером ловким:
И живописен и блестящ,
Средь театральной обстановки,
Казался рыцарским мой плащ.

Довольно! Я его бросаю,
Но отчего ж в душе опять
Тоска, как будто продолжаю
Я всё комедию играть?

Иль, сам того не сознавая,
Правдивым был я до конца...
И смерть носил в груди, играя
Роль умиравшего бойца?

<*1874*>

ФРИДРИХ ГЕББЕЛЬ

СОН

Мне снилось, что яму копал я;
Вечерняя близилась мгла...
Копал в ширину и в длину я,
И это могила была.

И будто я к этой работе
Был вынужден чем-то, но знал,
Что только ее я окончу,
Как всё получу, что желал.

Когда же могила готова
Была, я совсем изнемог,
Желать мне уж нечего было,
И сам я в могилу ту лег.

<1873>

РЕБЕНОК

Мать в гробу лежит, цветами
Убрана в последний раз;
А ребенок удивленный
С тех цветов не сводит глаз.

На одежде белой розы,
Иммортели в волосах;
Не срывал цветов красивей
Он ни в поле, ни в лесах.

И звучит его молящий,
Серебристый голосок:
«Мама, мама! Подари мне
Хоть один такой цветок!»

Но ответа не дождавшись,
Про себя он говорит:
«Спит она! Когда проснется,
Непременно подарит!»

И на цыпочках ушел он;
Но потом к дверям опять
Подходил не раз послушать —
Может быть, проснулась мать.

<1873>

ФЕРДИНАНД ФРЕЙЛИГРАТ

* * *

Люби, пока любить ты можешь,
Иль час ударит роковой,
И станешь с поздним сожаленьем
Ты над могилой дорогой.

О, сторожи, чтоб сердце свято
Любовь хранило, берегло,
Пока его другое любит
И неизменно и тепло.

Тем, чья душа тебе открыта,
О, дай им больше, больше дай!
Чтоб каждый миг дарил им счастье,
Ни одного не отравляй!

И сторожи, чтоб слов обидных
Порой язык не произнес;
О боже! он сказал без злобы,
А друга взор уж полон слез!

Люби, пока любить ты можешь,
Иль час ударит роковой,

И станешь с поздним сожаленьем
Ты над могилой дорогой!

Вот ты стоишь над ней уныло;
На грудь поникла голова;
Всё, что любил, — навек сокрыла
Густая влажная трава.

Ты говоришь: «Хоть на мгновенье
Взгляни; изныла грудь моя!
Прости язвительное слово,
Его сказал без злобы я!»

Но друг не видит и не слышит,
В твои объятья не спешит.
С улыбкой кроткою, как прежде,
«Прощаю всё» не говорит!

Да! ты прощен... но много, много
Твоя язвительная речь
Мгновений другу отравила,
Пока успел он в землю лечь.

Люби, пока любить ты можешь,
Иль час ударит роковой,
И станешь с поздним сожаленьем
Ты над могилой дорогой!

21 сентября 1858

РОБЕРТ ГАМЕРЛИНГ

* * *

И вот опять увидел я леса...
Как часто мне они, бывало, снились
Там, на далеких, знойных берегах
Чужих морей, где странствовал я долго.

Их простота суровая душой
Неотразимо вновь овладевает...
Как море, и сосновый этот лес
Стоит, красой бессмертною блистая,
Когда вокруг уже давно поблек
Цветов пестревших маленький мирок.

Здесь, освежая сердце мне, встречает
Улыбкой всё приветливой меня:
К былинке ль я нагнусь, что из-за моха
Невинно так глядит, иль отдохнуть
Прилягу под гигантскою сосною,
Что одиноко высится. Она
От гибели одна лишь уцелела
Из всех подруг, вокруг нее стоявших.
Так чудно, так торжественно шумит
Она своею темною вершиной,
Что, слыша величавый этот шум,
Молить готов я небо, чтоб позорный
Не выпал ей конец под топором,
Но чтоб ее, когда настанет время
Ей умереть, сразил небесный гром!

<1872>

ОСЛЕПЛЕННАЯ ПТИЧКА

О песня! Ты звезде подобна яркой,
Что льет свой блеск в глубокой тьме ночной...

Осенним днем однажды увидал
Я в тесной клетке маленькую птичку.
Я подошел к ней ближе и нежданно
Был зрелищем печальным поражен:
В ее головке, вместо бойких глаз,
Две впадины глубокие чернели.
Ослеплена была она. Невольно
Я отступил! И стало за нее
Мне в этот миг так тяжело и больно.

«Бедняжка, — я подумал, — для тебя
Уж нет весны! С высот лазурных неба
Не будешь ты смотреть на божий мир!
Вершины гор, покрытые лесами,
Колосья нив, цветущие луга
И ручейков блестящие извивы...
Погибло всё для взора твоего!
И никогда, хотя бы сквозь решетку
Тюрьмы своей, тебе не увидать
Ни кроткого румяного заката,
Ни утренних торжественных лучей.
Как от меня, навеки отлетели
От птички бедной радость и весна...
А где их нет, и песня не слышна!»
Так сожалел о птичке я, но вдруг
Как бы журчанье бьющего фонтана
Иль треск ракет, что к темным небесам
Взвились и там рассыпались звездами,
Я услыхал: то зазвенела трель,
А вслед за ней и песня раздалася.
Но песня та не грустная была,
Не жалоба в ней горькая звучала.
Нет! Из груди затворницы слепой
Ликующие, радостные звуки
С неудержимой силою лились.
То был привет весне благоуханной,
То счастья был восторженный порыв!
А между тем седой туман осенний
Уныло в окна тусклые глядел,
По небесам холодным плыли тучи,
И блеклый лист с нагих ветвей летел!

Невольно я сквозь слезы улыбнулся.
«Откуда, — говорил я, — у тебя
Взялись такие звуки? Из чего
Узоры песен сотканы тобою?
Как ты могла веселые напевы
Найти в своей безрадостной ночи́?
Найти весну средь осени глубокой?
Как ты поешь еще, когда вокруг
Давно твои подруги уж замолкли,
Хотя их глаз не застилает мрак?»

Был светлый май. Листвой оделись рощи,
Цвели фиалки, ландыши цвели,
Ручьи, звеня, меж зелени бежали,
И по ночам уж пели соловьи.
Тогда и эта маленькая птичка
Встречала песнью радостной весну;
Но чьей-то вдруг безжалостной рукою
Была навеки света лишена.
И вот теперь слепая, в узкой клетке,
Сидит она, но всё еще поет,
Поет свой гимн торжественный и светлый,
Не ведая, что дни весны умчались,
Что пронеслось и лето им вослед;
Что лес, клубами серого тумана
Окутанный, безмолвствует давно.
Всё тот же май, с своим теплом и блеском,
В ее душе по-прежнему живет!
Всё, что когда-то в грудь ее запало
При виде вешних солнечных лучей,
И зелени, и неба голубого,
Сказалось в звуках тех. И до конца
В них изливать она не перестанет
Сокровищ, в сердце собранных у ней!
От этих ярких грез не отрезвиться
Ей, упоенной не́ктаром весны.
Рассеять их блестящей вереницы
Действительности грустной не дано!

Да! у тебя могли похитить зренье,
Но не могли лишить тебя весны;
Она твоя, тебе принадлежит —
И более, чем всякому другому.
Тебе лететь не нужно за моря
Искать ее, ушедшую отсюда;
Она всегда в душе твоей цветет,
Твоей весны метели не прогонят,
Не страшно ей дыханье непогод!

О! лучше быть слепым, но в звуках страстных
Излиться, чем, смотря на мир цветущий
И красотой блистающий, пройти
В молчаньи мимо... Во сто крат несчастней

Очей, навек лишенных света, — сердце,
Которому возвышенное чуждо!
Не увядает, песня, твой венок!
Когда вокруг всё блекнет и тускнеет
И гибели на всем лежит печать —
Он всё цветет и памятником служит
Нам лучших дней, грядущего залогом,
Как радуга в далеких облаках.

Пусть радостей не ведает избранник,
Волнующий нам песнями сердца;
Но всё ж ему удел сужден завидный.
Прекрасна песен яркая звезда,
Хотя она блистает одиноко
Во тьме ночей, бросая чудный блеск
На этот мир пустынный и печальный.
О лучших днях дай сердцу волю петь!
Прекрасное так быстро исчезает —
Так пусть оно хоть в песнях будет жить!
Не умолкайте ж, песни, и высоко
Звучите над печальною землей:
Среди цветов поблекших и развалин
Вы памятник прекрасного живой!

<1873>

МОРИЦ ГАРТМАН

* * *

Капля дождевая
Говорит другим:
«Что мы здесь в окошко
Громко так стучим?»

Отвечают капли:
«Здесь бедняк живет;
Мы ему приносим
Весть, что хлеб растет».

23 декабря 1860
С.-Петербург

НА МОТИВ БОЛГАРСКОЙ ПЕСНИ

Я в свой цветок любимый заглянула,
И чудный мир увидела я в нем:
Стоял в родной долине домик белый,
Зеленый луг раскинулся кругом.

И я сама сидела на пороге;
Был у меня ребенок на руках;
Ты, милый мой, ходил с улыбкой мимо,
И счастья луч горел в твоих глазах.

Но вот увял, поблек цветок мой бедный;
Напрасно я гляжу в него опять;
Напрасно я ищу цветка такого
Во всех садах, — его мне не сыскать!

<1860>

МАННВЕЛЬТОВА НЕДЕЛЯ

(Н. А. Некрасову)

Ма́ннвельт коня в воскресенье седлал:
Дом его старый немил ему стал.
Едет. . . Из церкви выходит народ;
Нищих толпа у церковных ворот;
Мимо себе богомольцы прошли,
С де́ньгами кружку попы пронесли;
Нищим не подал никто — и с тоской
Молча поникли они головой.
Вот на помост прилегли отдохнуть:
Может, в вечерню подаст кто-нибудь.
Маннвельт, унылый, вернулся домой.

Маннвельт коня в понедельник седлал:
Дом его старый немил ему стал.
Едет. . . Пред ним многолюдный базар;
Крики и шум, и пестреет товар —
Есть из чего выбирать богачам,

Много поживы и ловким ворам;
С рынка богатый богаче ушел,
Только бедняк был по-прежнему гол.
Маннвельт, унылый, вернулся домой.

Маннвельт во вторник коня оседлал:
Дом его старый немил ему стал.
Едет он: площадь народом кипит,
Суд там правитель открыто чинит.
Кто пресмыкался, был знатен, богат,
Был им оправдан, добился наград.
Плохо лишь бедным пришлось от него...
А между тем за поездом его
С радостным криком народ весь бежал,
Милость его, доброту прославлял,
Полон восторга от ласковых слов,
Сыпал к ногам его много цветов!
Маннвельт, унылый, вернулся домой.

В середу Маннвельт коня оседлал:
Дом его старый немил ему стал.
Видит он, шумной толпою во храм
Люди стремятся... и пастырь уж там
Молча стоит в облаченье своем.
Скоро невеста вошла с женихом;
Стар он и сед был, прекрасна она;
Был он богат, а невеста бедна;
Счастлив казался жених; а у ней
Слезы лились и лились из очей.
Пастырь спросил у ней что-то; в ответ
Да прошептала она, словно *нет*.
Гости чету поздравляют, потом
Едут на пир к новобрачному в дом.
Мать молодой была всех веселей:
Дочь своим счастьем обязана ей!
Маннвельт, унылый, вернулся домой.

Вот он коня и в четверг оседлал:
Дом его старый немил ему стал.
Видит огромное здание он,
Видит, стекаются с разных сторон

Женщины в бедной одежде туда.
Знатные там собрались господа.
Дамам, разряженным в шелк и атлас,
Бодрых кормилиц ведут на показ.
Кончился смотр; и с довольным лицом
Вышли иные, звеня серебром.
Стон вылетал из груди у других;
Шли они, плача о детях своих,
И еще долго смотрели назад,
Им посылая свой любящий взгляд.
Маннвельт, унылый, вернулся домой.

В пятницу Маннвельт коня оседлал:
Дом его старый немил ему стал.
Видит, на улице муж и жена
Спорят, кричат и бранятся. Она
Волосы рвет на себе: «Осквернил
Брачный союз ты. . . жену погубил!»
Он отвечает, грозя кулаком:
«Ад принесла ты, злодейка, в мой дом.
Сам я обманут тобою, змея!»
В книгу закона взглянувши, судья
Молвит чете: «Вы расстаться должны».
И разошлись они, злобы полны.
А в отдаленьи на камне сидел
Бледный ребенок, дрожа, и глядел
То на отца, то на мать он с тоской.
Брошенный ими — пошел он с сумой.
Маннвельт, унылый, вернулся домой.

Маннвельт в субботу коня оседлал:
Дом его старый немил ему стал.
Въехал он в город: на улицах бой.
Кровью исходят и добрый и злой;
Раб и свободный убиты лежат.
Бьют барабаны, и пули свистят.
Веют знамена, и много на них
Слов благородных, призывов святых!
Падая, их произносят бойцы. . .
С криком народ разрушает дворцы.

В бегстве король. . . Обуял его страх.
Вносит другого толпа на руках.
Маннвельт, унылый, вернулся домой.

Маннвельт коня в воскресенье седлал:
Дом его старый немил ему стал.
В чистое поле он ранней порой
Выехал. — Мир был объят тишиной;
Где-то вился над деревней дымок,
Легкий его колыхал ветерок;
Жаворонок в чистой лазури звенел;
Плод на ветвях наливался и зрел;
Тихо — сквозь сеть золотистых лучей —
Воды катил, извиваясь, ручей.
Маннвельт задумчив сидел на коне,
Слышался топот копыт в тишине;
Голос кукушки звал всадника в лес. . .
Вот уж он в чаще зеленой исчез.
Дальше он всё углублялся во тьму:
Тысяча звуков навстречу ему,
Мягких, ласкающих, чудных, неслись.
Нежили слух его. . . в душу лились.
Ей обещали забвенье, покой. . .
Маннвельт совсем не вернулся домой!

<1860>

МОЛЧАНИЕ

Ни слова, о друг мой, ни вздоха. . .
Мы будем с тобой молчаливы. . .
Ведь молча над камнем могильным
Склоняются грустные ивы. . .

И только, склонившись, читают,
Как я, в твоем взоре усталом,
Что были дни ясного счастья,
Что этого счастья — не стало!

<1861>

ПОДАРКИ

«Наш милый гость спешит отсюда.
Скажите, дети, что ему
Дадите вы, чтобы подольше
Остался он у нас в дому?»

И старший сын ответил быстро:
«Мой сокол гостю лучший дар;
Он прежде был красив, а нынче
В крыло подстрелен, слеп и стар».

Другой сказал: «А я в придачу
Стрелу, пожалуй, гостю дам;
Она врагов не поражает,
Но в грудь вонзается стрелкам».

Словам их дочь внимала грустно
И тихо молвила потом:
«Я гостю всё отдать готова —
Не откажу ему ни в чем:

Ему наряд свой драгоценный,
Ему свой перстень отдаю,
Свое девическое ложе,
Постель пуховую свою!»

— «Так пусть же гость уходит с миром!
Прискорбно мне, что сыновья
Мои дарят ему так мало, —
Дарит так много дочь моя!»

<1863>

* * *

Стало мне в доме и скучно и тесно,
Тянет куда-то, куда — неизвестно.
В сад не пойти ль, у цветов допроситься,
Может быть, мне порасскажут они,
Что это нынче со мною творится

И отчего в эти ясные дни,
Странной, глубокой тоской удручен,
Рвусь я куда-то всё из дому вон.

Нет! На вопросы мои разрешенья
Я никогда не дождусь от цветов;
Им не понять ни тоски, ни томленья. . .
Тупо глядят они, нет у них слов;
Скучно мне в мертвом, безмолвном саду,
В лес я, в зеленую чащу пойду.

Вот я стою под листвой изумрудной,
Тысячи радостных звуков кругом!
Что же и здесь мне так больно и трудно,
Словно опять воротился я в дом,
Словно я в комнате мрачной своей;
Вон бы из этого мира скорей!

<1864>

ЦВЕТЫ

Каждый день, когда из дому
Выхожу я, у ворот
Ждет меня кудрявый мальчик
И цветы мне подает.

Я привык к его букетам,
И как будто веселей
Стало с ними в одинокой
Тесной комнатке моей.

Так красивы, ярки, свежи
Те цветы всегда, что я
Наконец спросил ребенка:
«Где ты взял букет, дитя?»

— «У меня могильщик дядя, —
Он ответил, — и живу
Вместе с ним я на кладбище;
Там цветы я эти рву».

И пошел я с грустной думой,
Тихо молвив: «Узнаю
Я и здесь, судьба, всё ту же
Шутку вечную твою;

В каждой радости, что в жизни
Нам тобою послана,
Капля есть отравы горькой —
Грусть на дне затаена».

<1874>

НИКОЛАУС ЛЕНАУ

ВЕСЕННИЙ ПРИВЕТ

Солнышком весенним снова мир согрет;
Вот приносит нищий мальчик мне букет.

Больно мне, что первый твой привет, весна,
Приносить нам бедность грустная должна!

Но залог прекрасный лучших ясных дней
Стал в руках несчастья мне еще милей. . .

И страданья наши так должны принесть
Новым поколеньям — лучшей жизни весть!

<1861>

* * *

Тяжелые черные тучи
Висели с небесных высот;
По старому саду с тобою
Ходили мы взад и вперед.

За тучами спрятались звезды...
Темна была ночь и душна;
Казалось, она для печали,
Как наша любовь, создана...

Когда же тебе на прощанье
«Спокойная ночь!» я сказал,
Обоим от полного сердца
Я смерти в тот миг пожелал!

Январь 1861

РОБЕРТ ПРУТЦ

ПОСЛЕ БУРИ

Ты коварно меня укачала,
Злая, долгая буря судьбы;
Но стряхнул я с себя утомленье
И для новой готов уж борьбы!
Я расправил помятые крылья;
Слышишь, старые песни звучат, —
Видно, сердце в груди не разбито,
Видно, прежние силы не спят!

Не тужу я о том, что так много
Я волос себе нажил седых!
Не беда! Лишь бы только струилась
Кровь горячая в жилах моих.
Хоть чело и склонял я порою,
Но склонял я его не рабом.
И в руке еще силы довольно —
Совладать она может с мечом.

Не потухнут от лет мои взоры.
Не увлажатся горькой слезой:
Солнце юности вечной сияет
Тем, кто вечного ищет душой!

Если счастье мне снова изменит,
Если вырвет победный венец,
Пусть на поле сраженья останусь
Я с оружьем, как честный боец!

<1861>

* * *

Смотрел ли ты на Альпы в час заката?
Кругом давно поля, долины спят,
Густою мглой окрестность вся объята,
А там лучи пурпурные горят.

Ты, может быть, испытывал желанье
Взлететь туда, где вечный свет дневной?
Но то обман! То вечера сиянье;
Светило дня ушло уж на покой...

И я как те вершины: есть мгновенья —
В глазах огонь, мне дышится легко;
Но то былого счастья отраженье,
И ночь во мне... Уж солнце далеко!

<1872>

АНАСТАСИЙ ГРЮН

СТАРЫЙ КОМЕДИАНТ

Вот занавес подняли с шумом.
Явился фигляр на подмостках;
Лицо нарумянено густо,
И пестрый костюм его в блестках.

Старик с головой поседевшей,
Достоин он слез, а не смеху!

В могилу глядишь ты, а должен
Ломаться толпе на потеху!

И хохот ее — это хохот
Над близким концом человека,
Над бедной его сединою —
Награда печального века.

Всё — даже и милое сердцу —
С летами старик забывает;
А бедный фигляр всяким вздором,
Кряхтя, себе мозг набивает.

В прощальный лишь миг приподымет
Старик одряхлевшие руки,
Когда вкруг него, на коленях,
Стоят его дети и внуки.

Без устали руки фигляра
Бьют в такт пустозвонным куплетам,
И сколько усилий, чтоб вызвать
У зрителей хохот при этом!

Болят твои старые кости,
И тело кривляться устало,
Не прочь ты заплакать, пожалуй,
Лишь только б толпа хохотала!

Старик опускается в кресло.
«Ага! Это лени поблажка! —
В толпе восклицают со смехом. —
Знать, любит покой старикашка!»

И голосом слабым, беззвучным
Он свой монолог начинает;
Ворчанье кругом: «Видно, роли
Фигляр хорошенько не знает!»

Он тише и тише бормочет;
Нет связи в речах и значенья,

И вдруг, не докончивши слова,
Замолк и сидит без движенья.

Звенит колокольчик за сценой:
То слышится звон погребальный!
Толпа недовольная свищет:
То плач над умершим прощальный!

Душа старика отлетела —
И только густые румяна
По-прежнему лгали; но тщетно:
Никто уж не верил обману.

Как надпись на камне могильном,
Они на лице говорили,
Что ложь и притворство уделом
Фигляра несчастного были.

Дерев намалеванных ветки
Не будут шуметь над могилой,
И месяц, напитанный маслом,
Над ней не засветит уныло.

Когда старика обступили,
Из труппы вдруг голос раздался:
«Тот честный боец, кто с оружьем
На поле сраженья остался!»

Лавровый венок из бумаги,
Измятый, засаленный, старый,
Как древняя муза, служанка
Кладет на седины фигляра.

Снести бедняка на кладбище
Носильщиков двух подрядили;
Никто не смеялся, не плакал,
Когда его в землю зарыли.

<1859>

ИОЗЕФ ЭЙХЕНДОРФ

* * *

Ах, не та уж эта липа,
На которую когда-то
Я влезал, чтоб любоваться
Ярким заревом заката.

И не этой рощей темной
Я, под шум ветвей сосновых,
От подруги возвращался
С сердцем, полным песен новых.

Знать, не та уж и долина,
Где порой любви счастливой
Выходили на свиданье
Мы стопою боязливой.

Нет! долина, роща, липа —
Те же всё, что в дни былые;
Ты не тот... Остыло сердце,
Да и волосы седые!

<1859>

ЛУННАЯ НОЧЬ

Казалось, небо землю тихо
Поцеловало перед сном,
Чтоб лишь оно одно ей снилось
В прозрачном сумраке ночном.

Скользил по нивам ветер теплый,
Колосьев двигалась волна...
И перешептывались листья,
И ночь в звездах была ясна...

И, широко расправив крылья,
Душа моя в тиши ночной
Неслась над спящею долиной,
Неслась как будто бы домой...

<1861>

ЗИМНИЙ СОН

И снилось мне, что будто снова
Передо мною отчий дом;
Что я лежу в долине старой
С веселым, радостным лицом;
Что ветерок играет легкий
С листвой в полдневной тишине;
Что цвет летит с родных деревьев
На грудь и на голову мне...

Когда ж проснулся я — за лесом
Всходила тусклая луна;
Вокруг меня в сияньи бледном
Лежала чуждая страна...
И, озираясь, на деревьях
Я видел иней, а не цвет;
Поля покрыты были снегом,
И сам я был уж стар и сед.

<1861>

НОЧНЫЕ ГОЛОСА

И дол и лес объяты тьмой...
Необозримы, молчаливы,
Лежат поля передо мной...
И не колышет ветер нивы...

Вдали раздался где-то звон...
То бьют часы протяжно, мерно...
В испуге встрепенулась серна
И снова погрузилась в сон.

Вот на горе сосновый бор,
Шумя, вершины преклоняет:
Господь идет по высям гор
И спящий край благословляет.

<1862>

ФРИДРИХ БОДЕНШТЕДТ

* * *

Пронзительно ветер ночной завывал,
  И волны вздымались высоко...
Один я в раздумье над морем лежал,
  Томимый печалью глубокой.

О прошлом я вспомнил, о днях молодых,
  О днях, что казались часами;
Сурова пора, заменившая их:
  Часы нынче кажутся днями.

Лежал я с безрадостной думой своей
  И видел — звезда задрожала...
Но в небе от бледных, холодных лучей
  Светлее и чище не стало.

И думы о прошлом подобны звездам:
  Осенней порою унылой
Встают они только затем, чтобы нам
  Поведать, что ночь наступила...

<1877>

АДОЛЬФ ШУЛЬТС

ИЗ ПЕСЕН О ПРИРОДЕ

1

Деревья весело шумели,
Когда вернулась к ним весна;
И только ель одна меж ними
Была безмолвна и мрачна.

Деревья жалобно шумели,
Когда настали холода;
Лишь ель молчала равнодушно
И зеленела, как всегда.

<1871>

2

На волны небо грустное смотрело:
Оно сойти хотело б с вышины;
Ему казалось, звезды золотые
Пучиною морской поглощены.

На небо волны с ропотом взирали
И думали: зачем не там оне?
Не ведая, что звезды золотые
Покоятся в их темной глубине.

<1871>

3

Когда умру я, схороните
Меня в лесу, в лесу густом.
Могильным памятником будет

Мне старый дуб; давно уж имя
Свое я вырезал на нем.

Пусть буду в шуме листьев темных
И в переливах соловья
Порой вечерней над могилой
Я слышать: «Спи, товарищ милый!
С тобою были мы друзья!»

<1871>

4

«Скажи, фиалка, отчего
Так рано к нам ты воротилась,
Когда в полях ни одного
Еще цветка не распустилось?»

— «Бедна нарядом и мала,
Я меж других цветов незрима,
И если б с ними я цвела,
Ты, может быть, прошел бы мимо».

<1872>

ФРИДРИХ РЮККЕРТ

* * *

Тени гор высоких
На воду легли;
Потянулись чайки
Белые вдали.

Тихо всё... Томленьем
Дышит грудь моя...
Как теперь бы крепко
Обнял друга я!

Весело выходит
Странник утром в путь;
Но под вечер дома
Рад бы отдохнуть.

<1844>

ДЖОРДЖ БАЙРОН

* * *

Когда я прижимал тебя к груди своей,
Любви и счастья полн и примирен с судьбою,
Я думал: только смерть нас разлучит с тобою,
Но вот разлучены мы завистью людей.

Пускай тебя навек, прекрасное созданье,
Отторгла злоба их от сердца моего,
Но верь — им не изгнать твой образ из него,
Пока не пал твой друг под бременем страданья.

И если мертвецы приют покинут свой
И к вечной жизни прах из тленья возродится,
Опять чело мое на грудь твою склонится:
Нет рая для меня, где нет тебя со мной!

<1846>

WELL, THOU ART HAPPY

Ты счастлива, и я бы должен счастье
При этой мысли в сердце ощутить;
К судьбе твоей горячего участья
Во мне ничто не в силах истребить.

Он также счастлив, избранный тобою,
И как его завиден мне удел!
Когда б он не любил тебя — враждою
К нему бы я безмерною кипел!

Изнемогал от ревности и муки
Я, увидав ребенка твоего,
Но он простер ко мне с улыбкой руки —
И целовать я страстно стал его...

Я целовал, сдержавши вздох невольный
О том, что на отца он походил;
Но у него твой взгляд, и мне довольно
Уж этого, чтоб я его любил.

Прощай! Пока ты счастлива, ни слова
Судьбе в укор не посылаю я.
Но жить, где ты... нет, Мери, нет! Иль снова
Проснется страсть мятежная моя.

Глупец! Я думал, юных увлечений
Пыл истребят и гордость, и года;
И что ж? Теперь надежды нет и тени,
А сердце так же бьется, как тогда.

Мы свиделись... Ты знаешь, без волненья
Встречать не мог я взоров дорогих;
Но в этот миг ни слово, ни движенье
Не выдали сокрытых мук моих.

Ты пристально в лицо мне посмотрела,
Но каменным казалося оно;
Быть может, лишь прочесть ты в нем успела
Спокойствие отчаянья одно.

Воспоминанье, прочь! Скорей рассейся,
Рай светлых снов, снов юности моей!
Где ж Лета? Пусть они погибнут в ней!
О сердце, замолчи или разбейся!

<1871>

ЕВРЕЙСКИЕ МЕЛОДИИ

1

У вод вавилонских, печалью томимы,
В слезах мы сидели, тот день вспоминая,
Как враг разъяренный по стогнам Солима
Бежал, всё мечу и огню предавая;
Как дочери наши рыдали! Оне
Рассеяны ныне в чужой стороне.

Свободные волны катились спокойно...
«Играйте и пойте», — враги нам сказали.
Нет, нет! Вавилона сыны недостойны,
Чтоб наши им песни святые звучали;
Рука да отсохнет у тех, кто врагам
На радость ударит хоть раз по струнам.

Повесили арфы свои мы на ивы:
Свободное нам завещал песнопенье
Солим, как его совершилось паденье;
Так пусть же те арфы висят молчаливы.
Вовек не сольете со звуками их,
Гонители наши, вы песен своих!

<1871>

2

Ты кончил жизни путь, герой!
Теперь твоя начнется слава,
И в песнях родины святой
Жить будет образ величавый,
Жить будет мужество твое,
Освободившее ее.

Пока свободен твой народ,
Он позабыть тебя не в силах.
Ты пал! Но кровь твоя течет
Не по земле, а в наших жилах;

Отвагу мощную вдохнуть
Твой подвиг должен в нашу грудь.

Врага заставим мы бледнеть,
Коль назовем тебя средь боя;
Дев наших хоры станут петь
О смерти доблестной героя;
Но слез не будет на очах:
Плач оскорбил бы славный прах.

<1871>

3

THE WILD GAZELLE[1]

Газель, свободна и легка,
Бежит в горах родного края,
Из вод любого родника
В дубравах жажду утоляя.
Газели быстр и светел взгляд,
Не знает бег ее преград.

Но стан Сиона дочерей,
Что в тех горах когда-то пели,
Еще воздушней и стройней,
Быстрей глаза их глаз газели;
Их нет! Всё так же кедр шумит,
А их напев уж не звучит!

И вы, краса родных полей,
В их почву вросшие корнями,
О пальмы! Участью своей
Гордиться можно вам пред нами;
Вас на чужбину перенесть
Нельзя... Вы там не стали б цвесть.

Подобны блеклым мы листам,
Далеко бурей унесенным...

[1] Дикая газель (англ.). — *Ред.*

И где отцы почили, там
Не опочить нам, утомленным...
Разрушен храм. Солима трон
Врагом поруган, сокрушен!

<1872>

WHEN ALL AROUND GREW DREAR AND DARK...

Когда был страшный мрак кругом
И гас рассудок мой, казалось,
Когда надежда мне являлась
Далеким, бледным огоньком;

Когда готов был изнемочь
Я в битве долгой и упорной
И, клевете внимая черной,
Все от меня бежали прочь;

Когда в измученную грудь
Вонзались ненависти стрелы, —
Лишь ты одна во тьме блестела
И мне указывала путь.

Благословен будь этот свет
Звезды немеркнувшей, любимой,
Что, словно око серафима,
Меня берег средь бурь и бед!

За тучей туча вслед плыла,
Не омрачив звезды лучистой;
Она по небу блеск свой чистый,
Пока не скрылась ночь, лила.

О, будь со мной! Учи меня
Иль смелым быть, иль терпеливым;
Не приговорам света лживым —
Твоим словам лишь верю я!

Как деревцо, стояла ты,
Что уцелело под грозою
И над могильною плитою
Склоняет верные листы.

Когда на грозных небесах
Сгустилась тьма и буря злая
Вокруг ревела не смолкая, —
Ко мне склонилась ты в слезах.

Тебя и близких всех твоих
Судьба хранит от бурь опасных;
Кто добр, небес достоин ясных, —
Ты прежде всех достойна их.

Любовь в нас часто ложь одна;
Но ты измене недоступна,
Неколебима, неподкупна,
Хотя душа твоя нежна.

Всё той же верной встретил я
Тебя, в дни бедствий погибая,
И мир, где есть душа такая,
Уж не пустыня для меня!

<1872>

АЛЬФРЕД ТЕННИСОН

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Бледные руки скрестивши на грудь,
Спи! Совершил ты тяжелый свой путь.
С листьев плакучей сребристой березы
Каплют на гроб твой росинки, как слезы.

Горе в груди не совьет уж гнезда;
В дом твой стучаться не будет нужда.

Грустно шумит над тобою дубрава...
Спи! Отдохнуть ты купил себе право.

Жизнь трудовая не даром прошла...
Ратовал ты против мощного зла,
Честно стоял ты за честное дело —
Сердце враждой и любовью кипело!

Спи! Над могилой зеленой твоей
Птичка звенит в темной чаще ветвей;
Мирного сна не встревожит шипенье
Зависти черной и сильных гоненье!

Пчелы, которых здесь манят цветы,
Слаще поют, чем уста клеветы;
Спи беспробудно под сладкие звуки,
Накрест сложив свои бледные руки.

В твой одинокий, цветущий приют
Люди с своей суетой не придут;
Только скользят по могильной ступени
Солнца лучи да волнистые тени...

<1861>

ЛЕДИ КЛАРА ВЕР-ДЕ-ВЕР

О леди Клара Вер-де-Вер!
Простите! к вам я равнодушен,
Не в силах вы меня пленить.
От скуки сердцем деревенским
Вам захотелось пошутить;
Но как ни страстны ваши взоры,
Не обожгут меня они.
Не вы мне счастье подарите,
Хоть двадцать графов вам сродни!

О леди Клара Вер-де-Вер!
Вы родословною гордитесь,
Гордитесь именем, гербом;
А мне до предков дела мало,

Крестьянин был моим отцом.
Нет! не разбить вам это сердце!
Иная ждет его судьба;
Ему любовь крестьянки доброй
Дороже всякого герба.

О леди Клара Вер-де-Вер!
Я не такой ручной, поверьте,
Каким, быть может, вам кажусь;
И будьте вы царица мира,
Я всё пред вами не склонюсь.
Над бедным парнем для потехи
Хотели опыт сделать вы...
Но так же холодно он смотрит,
Как на воротах ваших львы.

О леди Клара Вер-де-Вер!
Зачем тот день я вспоминаю,
Когда, под тенью старых лип,
Лежал недвижим бедный Лоренц.
(Лишь две весны — как он погиб!)
Вы завлекли... Околдовали...
Вам не учиться колдовать;
Но этот череп раздробленный
Вам страшно было б увидать!

О леди Клара Вер-де-Вер!
Лежал он бледный. Мать рыдала...
И слово горькое у ней
Невольно вырвалось... Страданье
Ожесточает так людей!..
Не повторю я здесь, что слышать
Пришлось мне в миг печальный тот...
Да! мать была не так спокойна,
Как Вер-де-Веров знатный род!

О леди Клара Вер-де-Вер!
За вами тень его повсюду,
И на пороге вашем кровь!
Вы сердце честное разбили...

Когда бедняк свою любовь
Решился высказать, улыбкой
И взором нежным ободрен,
Вы тотчас выдвинули предков...
Удар был метко нанесен!

О леди Клара Вер-де-Вер!
С какой насмешкою взирает
С небес наш праотец Адам
На то, чем все вы так гордитесь,
На эту ветошь, этот хлам!
Поверьте, тот лишь благороден,
Чья не запятнана душа...
А ваши графские короны
Не стоят медного гроша!

О леди Клара Вер-де-Вер!
Вы свежи, молоды, здоровы,
А утомление легло
На ваши гордые ресницы,
На ваше гордое чело!
Однообразно, бесконечно
Идут для вас за днями дни,
И вот вы ставите от скуки
Сердцам наивным западни!

О леди Клара Вер-де-Вер!
Не зная, что с собою делать,
Вы умираете с тоски;
Но неужель к вам не стучатся
Рукою робкой бедняки?
Войдите в хижины... начните
Учить вы грамоте сирот,
А уж на нас рукой махните,
Мы — неотесанный народ!

<1864>

РОБЕРТ СОУТИ

ЖАЛОБЫ БЕДНЯКОВ

«И что так ропщет бедный люд?» —
Богач сказал мне раз.
«Чтоб я тебе ответить мог,
Пойдем со мной сейчас».

Морозный вечер был, и снег
На улицах лежал.
Мы шли дрожа. Нас зимний плащ
От стужи не спасал.

Старик нам встретился седой;
Он сгорблен был и хил.
«Зачем из дому вышел ты?» —
Я старика спросил.

Он отвечал: «У очага
Сидеть бы я готов,
Когда бы подали вы мне
Хоть на вязанку дров».

Вот мальчик, видим мы, идет.
В лохмотьях весь и бос.
«Куда ты, — я спросил его, —
Бедняк, в такой мороз?»

— «За подаяньем послан я, —
Он мне сказал в ответ. —
Отец мой при смерти лежит,
А в доме хлеба нет!»

На чье-то бледное лицо
Пал свет от фонарей:
На камне женщина сидит,
Малюток двое с ней.

«Зачем, — я молвил ей, — ты здесь?
Ведь ночь так холодна,

И деток бедных жаль...» Но мне
Ответила она:

«Мой муж солдат. За короля
Пошел он воевать.
И подаяньем хлеб должна
Себе я добывать».

В одежде легкой мимо нас
Красавица прошла,
В лицо с усмешкой нам взглянув,
Развязна и смела.

Я, воротив ее, спросил:
«Иль сладок так порок,
Что он и в эту ночь тебя
Из дома вызвать мог?»

Ее заставила глаза
Потупить речь моя,
И тихий голос прозвучал:
«Весь день не ела я!»

Богач стоял смущен и нем.
«Теперь, — я произнес, —
Ты знаешь всё. Ответил сам
Народ на твой вопрос».

<1871>

БЛЕНГЕЙМСКИЙ БОЙ

Прохладный вечер наступил,
    Сменив палящий зной.
У входа в хижину свою
    Сидел старик седой;
Играла внучка перед ним
С братишкой маленьким своим.

И что-то круглое в траве
    Бросали всё они.
Вдруг мальчик к деду подбежал
    И говорит: «Взгляни,

Что это мы на берегу
Нашли, понять я не могу».

Находку внучка взяв, старик
Со вздохом отвечал:
«Ах, это череп! Кто его
Носил — со славой пал.
Когда-то был здесь жаркий бой
И не один погиб герой.

В саду костей и черепов
Не сосчитаешь, друг!
И в поле тоже: сколько раз
Их задевал мой плуг.
Здесь реки крови протекли
И храбрых тысячи легли».

— «Ах, расскажи нам, расскажи
Про эти времена! —
Воскликнул внук. — Из-за чего
Была тогда война?»
Затихли дети, не дохнут:
Чудес они от деда ждут.

«Из-за чего была война,
Спросил ты, мой дружок;
Добиться этого и сам
Я с малых лет не мог.
Но говорили все, что свет
Таких не видывал побед.

В Бленгейме жили мы с отцом...
Пальба весь день была...
Упала бомба в домик наш,
И он сгорел дотла.
С женой, с детьми отец бежал,
Он бесприютным нищим стал.

Всё истребил огонь, и рожь
Не дождалась жнеца.
Больных старух, грудных детей
Погибло без конца.

Как быть! На то война, и нет,
Увы, без этого побед!

Мне не забыть тот миг, когда
На поле битвы я
Взглянул впервые. Горы тел
Лежали там, гния.
Ужасный вид! Но что ж? Иной
Побед нельзя купить ценой.

В честь победивших пили все,
Хвала гремела им».
— «Как! — внучка деда прервала. —
Разбойникам таким?»
— «Молчи! Гордиться вся страна
Победой славною должна.

Да! принц Евгений и Мальброг
Тот выиграли бой».
Тут мальчик перебил: «А прок
От этого какой?»
— «Молчи, несносный дуралей!
Мир не видал побед славней».

1871
Москва

ТОМАС МУР

ИЗ ИРЛАНДСКИХ МЕЛОДИЙ

1

НЕ НАЗЫВАЙТЕ ЕГО

Пусть лежит он в тенистом приюте своем,
Где зарыт он без почестей нами...
И, как ночью роса, наши слезы о нем
Пусть безмолвными будут слезами.

От слезинок росы дерн могил зеленей,
Хоть она и в тиши их роняет...
Так и память о нем в нашем сердце свежей
Сохранить нам слеза помогает...

<1875>

2

ВПЕРЕД

Вперед, мой челн! Пусть ветер гонит нас;
К какой бы мы стране ни мчались дальной,
Но не видать нам более печальной
Страны, чем та, что скрылася из глаз.

И волны мне как будто бы журчат:
«Хоть смерть порой под нашей лаской скрыта,
Но те, кем жизнь твоя была разбита,
Нас холодней, коварней во сто крат!»

Вперед, вперед! Пусть море без конца...
Несись, челнок, и в тишь и в день ненастный:
Как отдыху, и буре рад опасной
Покинувший коварные сердца!

Но если б где-нибудь еще найтись
Мог уголок пустынный, ни враждою,
Ни ложью не запятнанный людскою, —
Тогда, но лишь тогда, остановись.

<1875>

3

КО МНЕ ИДИ

Не в пышный зал, блистающий огнями,
Куда стремятся юноши толпой, —
В мой бедный сад с поблекшими цветами
Иди, мой друг: мы старики с тобой.
Там вызовем мы тени дорогие,

С умолкшими беседу поведем;
Подняв бокал за годы прожитые,
Там совершим мы тризну по былом.

Там мы почтим безмолвною слезою
Погибшие надежды и мечты,
Меж тем как мир над нашей сединою
Склонит свои увядшие листы.
И как в краю пустынном и унылом
Ветвями гордый лавр шумит порой,
Так пусть и наш привет звучит могилам,
Где силы спят, забытые толпой!

<1875>

4

СЫН МЕНЕСТРЕЛЯ

Он на битву пошел, сын певца молодой,
Опоясан отцовским мечом;
Его арфа висит у него за спиной,
Его взоры пылают огнем.

«Все тебя предают, — барда слышится речь, —
Страна песен, родная страна,
Но тебе до конца не изменит мой меч,
И моя будет арфа верна!»

Пал он в битве... Но враг, что его победил,
Был бессилен над гордой душой;
Смолкла арфа: ее побежденный разбил,
По́рвал струны он все до одной.

«Ты отвагу, любовь прославлять создана, —
Молвил он, — так не знай же оков.
Твоя песнь услаждать лишь свободных должна,
Но не будет звучать меж рабов!»

<1875>

5

I saw from the beach.[1]

Я видел, как розовым утром качался
В волнах прибывавших у озера челн;
И вновь я пришел, когда мрак надвигался.
Челнок был всё там же, но не было волн.

Я так же охвачен был счастья волною,
Как этот песком занесенный челнок...
Отхлынули волны, и, полон тоскою,
Остался у берега я одинок.

Зачем говорите вы мне в утешенье,
Что слава должна услаждать мой закат...
Отдайте мне бурную смелость стремленья,
Отдайте мне юности слезы назад!

<1885>

6

Как солнце золотит поверхность тихих вод,
А в глубине меж тем объяты волны тьмою, —
Улыбкой так лицо озарено порою,
Хотя в душе печаль гнетущая живет.

На нас унылый луч осенних бледных дней
Бросает о былых скорбях воспоминанья,
И радость ли нам жизнь дарит или страданья —
Нам всё равно тогда: мы безучастны к ней.

Не так ли ветвь одна засохшая висит
На дереве, что всё покрыто пышным цветом;
Облитая зари вечерней алым светом,
Она еще красой обманчивой манит,
Но ей уж не расцвесть, и свежею листвою
Листва поблекшая не сменится весною.

<1888>

---

[1] Я видел с берега (англ.). — *Ред.*

ВИЛЬЯМ МОТЕРВЕЛЛЬ

В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

В голове моей мозг хочет треснуть,
    Кровью сердце мое истекло;
Изменяют мне ноги... О Вилли!
    Умереть, видно, время пришло.
Приложи свою руку мне к сердцу
    И щекою приникни к моей,
И скажи — ты меня не забудешь
    Даже там, даже в царстве теней?

О, к чему утешать меня? Полно!
    Пусть беснуется горе в груди.
Только дай мне наплакаться вволю;
    На колени меня посади.
Дай обнять твою голову, Вилли,
    Дай облить мне слезами ее;
Дай потухшим глазам наглядеться
    На лицо дорогое твое!

Никогда уж я больше не буду
    На коленях сидеть у тебя;
Я, несчастная мать, без супруга,
    Умираю, глубоко любя.
Приложи свою руку мне к сердцу.
    Приложи ее крепче — вот так.
Это сердце так бешено рвется,
    Что мой шелковый лопнет кушак.

Проклинаю тот день, как впервые
    Образ твой в мою душу проник,
Рокового с тобою свиданья
    Проклинаю я сладостный миг,
И ту рощу, тот край, где, бывало,
    Не устанем всю ночь мы бродить,
И судьбу, что меня допустила
    Беспредельно тебя полюбить!

О, прости мне, мой милый, не слушай,
    Я сказала тебе не в укор,
Но ведь я так глубоко страдаю,
    Ведь на долю мне выпал позор!
Вижу, градом внезапные слезы
    Из очей покатились твоих...
Но о чем же ты плачешь, скажи мне?
    О грехе ль? о страданьях людских?

Опостылел мне мир этот, Вилли!
    Я всех радостей стала чужда:
Чем была, не могу я остаться,
    И женой мне не быть никогда.
О, прижми это сердце больное
    К своему еще раз, еще раз...
Поцелуй эти впалые щеки,
    На которых румянец погас!

В голове моей мозг хочет треснуть!
    Кровью сердце мое истекло...
Еще раз перед вечной разлукой
    Я твое поцелую чело,
Еще раз — и в последний, мой милый...
    Подогнулись колени... прощай...
На кладбище, где буду лежать я,
    Не ходи... надо мной не рыдай.

Этот жаворонок, звонкою песнью
    Оглашающий воздух полей,
Целый день будет петь не смолкая
    Над могилою тихой моей.
Эта влажная зелень долины
    Скроет бедное сердце мое,
Что любило тебя так безмерно,
    Как тебя не полюбит ничье!

Не забудь, где бы ни был ты, Вилли,
    Не забудь своей Мери! Она
Одного тебя только любила
    И до смерти осталась верна.

Не забудь, что засыпаны прахом
Будут светлые кудри лежать
И прильнет он к ланитам, которых
Уж тебе никогда не лобзать!

<1861>

РОБЕРТ НИКОЛЛЬ

ВСЕ ЛЮДИ — БРАТЬЯ

О, как бы он счастлив был, свет этот старый,
Да люди друг друга понять не хотят!
К соседу сосед не придет и не скажет:
«Ведь люди все братья — дай руку мне, брат!»

Зачем мы разлад и вражду не покинем,
Зачем не составим одну мы семью?
Один бы другому сказать мог с любовью:
«Приди! мы все братья, — дай руку свою.

Богат ты и носишь нарядное платье;
Я беден, на мне кафтанишко худой;
Но честное сердце в груди у обоих,
Так дай же мне руку, мы братья с тобой!

Тебе ненавистны измена и подлость,
Но правды закон тебе дорог и свят;
Я тоже любовью к добру пламенею —
Приди! мы все братья, — дай руку мне, брат!

Ни сильный, ни слабый тобой не обманут,
За слово свое, как и ты, я стою;
Не то же ль, что я, называешь ты счастьем?
Мы братья с тобою, — дай руку свою!

Ты матерью нежно, глубоко любим был,
Моя и жила и дышала лишь мной;

Пускай мы стоим на различных ступенях,
Но руку подай мне, — мы братья с тобой!

Мы любим вечернего солнца сиянье,
Всего нам дороже родимый наш край,
И жизнь для борьбы послана нам обоим;
Мы братья... Так братски мне руку подай!

Грозит уж обоим нам хилая старость,
И смерть неизбежная ждет нас за ней,
И оба мы в темную ляжем могилу.
Да, люди все братья!.. Дай руку скорей!»

<1861>

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОЭТЫ

ЖАЛОБА ИРЛАНДСКОГО ВЫХОДЦА

Иду я тропинкой заглохшей,
  Поникнув на грудь головой.
Здесь утром весенним однажды
  Мы встретились, Мери, с тобой.
Зеленая рожь колыхалась,
  И звонко пел зяблик в кустах,
Светилась любовь в твоем взоре,
  И розы цвели на устах.

Не многое здесь изменилось:
  Всё так же прекрасна весна,
По-прежнему рожь зеленеет
  И зяблика песня слышна.
Но руки твои, дорогая,
  Моих не сжимают уж рук,
И тщетно хочу я услышать
  Любимого голоса звук!

Знакомая взорам ограда
  Белеет опять предо мной —
Ограда той маленькой церкви,
  Где на́звал тебя я женой.
А вот и погост... Нарушают
  Шаги мои часто твой сон...
Сюда отнесли тебя, Мери;
  И здесь же твой сын схоронен...

Теперь я один, моя Мери,
  Не нужен бедняк никому;
Но тем дорожит он сильнее
  Могилами близких ему.
Была моя жизнь трудовая
  Тобой лишь одною светла,
И некого больше любить мне
  С тех пор, как ты в землю сошла.

Слабели не раз мои силы
  Под гнетом нужды и труда,
И к небу и к людям кипела
  В измученном сердце вражда!
Но ты, ты не падала духом,
  Ясна оставалась в борьбе,
И вот почему я взываю,
  Хоть ты и не слышишь, к тебе:

Спасибо тебе, дорогая!
  Ведь голод томил и тебя...
И ты настрадалась немало,
  Но только молчала, любя.
Спасибо тебе за улыбку,
  За каждый сердечный привет...
Спасибо за то, что ушла ты
  В тот край, где страдания нет!

Надолго с тобой я прощаюсь...
  Пройдут на чужбине года,
И старость настанет; но помнить
  О Мери я буду всегда.
Они говорят, что работы
  Там больше и солнце ясней...

Но всё буду сердцем стремиться
Я к родине бедной своей!

Закрою ль глаза я порою,
Бродя в первобытных лесах,
Туда унесут меня мысли,
Где милый покоится прах...
Мне будет казаться, что Мери
Ко мне, улыбаясь, идет,
И рожь зеленеет, и зяблик
В кустах свою песню поет.

<1867>

ПОИСКИ

Ищите его по долинам,
Где быстрые реки журчат,
На горных вершинах ищите,
Где жалобно птицы кричат,
В пустыне, где странников звезды
Путем незнакомым ведут.
Того, кто мне жизни дороже,
Быть может, найдете вы тут.

Искали они его всюду,
Кипя беспредельной враждой;
Искали в оврагах, поросших
Высокой шумящей травой,
И бешено к горным ущельям
Своих они гнали коней;
Но тщетно: он был уж далеко...
Позорных избег он цепей.

Чего они мне ни сулили,
Чтоб я им сказала, в каких
Местах отдаленных укрыться
Изгнаннику легче от них.
Глупцы! Если б даже корона
Наградою быть мне могла,

Улыбку гонимого ими
Короне бы я предпочла!

Украдкой ему приносила
Я хлеба, вина и плодов;
В объятьях его проводила
Я много счастливых часов.
От мест, где мой милый укрылся,
Бегите, враги! У него
В запасе есть меткие пули...
Они не щадят никого!

Искали они его всюду:
В долинах, в лесу и в горах,
И криком своим наводили
На женщин и девушек страх;
А в чаще лесной, где сплелися
И дуб, и орешник, и вяз,
Я сон беглеца охраняла,
К его изголовью склонясь...

<1873>

ЛЕГЕНДА

Был у Христа-младенца сад,
И много роз взрастил он в нем;
Он трижды в день их поливал,
Чтоб сплесть венок себе потом.

Когда же розы расцвели,
Детей еврейских сóзвал он;
Они сорвали по цветку,
И сад был весь опустошен.

«Как ты сплетешь теперь венок?
В твоем саду нет больше роз!»
— «Вы позабыли, что шипы
Остались мне», — сказал Христос.

И из шипов они сплели
Венок колючий для него,
И капли крови вместо роз
Чело украсили его.

<1877>

ДЖОНИ ФА

(Из шотландских народных баллад)

Пред замком шумная толпа
Цыган поет, играет...
Хозяйка замка вниз сошла
И песням их внимает...

«Пойдем, — сказал ей Джони Фа, —
Красавица, со мною,
И мужу не сыскать тебя,
Ручаюсь головою!..»

И обнял правою рукой
Красавицу он смело,
Кольцо на палец Джони Фа
Она свое надела.

«Прощайте все — родные, муж!
Судьба моя такая!
Скорее плащ мне, чтоб идти
С цыганами могла я.

В постели пышной ночи я
Здесь с мужем проводила;
Теперь в лесу зеленом спать
Я буду рядом с милым!»

Вернулся лорд, и в тот же миг
Спросил он, где супруга.
«Она с цыганами ушла», —
Ответила прислуга.

«Седлать коней! Недалеко
Еще она отсюда.
Пока я не найду ее,
Ни пить, ни есть не буду!»

И сорок всадников лихих
В погоню поскакали;
Но все они до одного
В лесу зеленом пали!

<1881>

АНРИ БЛАЗ

* * *

На небо взглянул я, и тучи
Увидел я черные там.
На землю взглянул я — катились
Поблеклые листья к ногам.

И в душу к себе заглянул я:
Как на небе, мрачно и в ней,
И луч упованья не светит
Душе охладелой моей.

<1845>

В. ГЮГО

ПЕСНЯ

«Поля цветами запестрели,
Веселый май вернулся к нам;
Скажи, изгнанник, неужели
Не рад ты солнцу и цветам?»

— «Цветы, что я в стране далекой,
В родной стране своей взрастил,
Я вспоминаю, одинокий...
Май без отчизны мне немил!»

— «Взгляни, изгнанник, на могилы,
Взгляни: и в царстве их немом
Затрепетали жизни силы,
Горячим вызваны лучом!..»

— «Могилы вспомнил я иные
И тех, чьи очи я закрыл;
Немилы небеса чужие,
И май изгнаннику немил!»

— «Смотри! Вот птички в темной чаще
Свивают гнездышки свои...
В их трелях, весело звучащих,
Блаженство слышится любви!»

— «Гнездо мне вспомнилось родное,
Тот уголок, где я любил,
Где кинул всё мне дорогое...
Май на чужбине мне немил!»

<1881>

МАРК МОНЬЕ

* * *

В церкви я стоял и слушал,
Как пред набожной толпой
Говорил входящий в славу
Проповедник молодой;

Так земля ему казалась
Безотрадна и мрачна,

Что лишь страх и отвращенье
Поселяла в нем она.

Слушал я его и думал
О прекрасных вешних днях,
О пестреющих цветами,
Солнцем залитых полях!

Говорил он, что в пороках
Грешный сын земли погряз,
Что любви мы к братьям чужды;
Нет на подвиг силы в нас.

Слушал я его и думал
О друзьях, что на краю
Бездны страшной мне простерли
Руку верную свою.

Слушал я его и думал
О безрадостной судьбе
Стольких добрых и отважных,
В честной гибнущих борьбе!

Он об огненной геенне
В исступлении вещал;
Вопли, плач, зубовный скрежет
За грехи нам обещал.

А меня в обетованный
Край несла мечта моя,
В ту страну, где будут люди
Жить как дружная семья!

Где вражды потухнет пламя,
Перестанет литься кровь
И в сердцах людских зажжется
Бесконечная любовь.

Смолк аббат. Из церкви вышел
Я, краснея за него:
За хулу, что произносит
Он на бога своего!

<1872>

ЛУИ РАТИСБОНН

ЦВЕТОК

Весело цветики в поле пестреют;
Их по ночам освежает роса;
Днем их лучи благодатные греют,
Ласково смотрят на них небеса.

С бабочкой пестрой, с гудящей пчелою,
С ветром им любо вести разговор;
Весело цветикам в поле весною,
Мил им родимого поля простор!

Вот они видят: в окне, за решеткой,
Тихо качается бледный цветок...
Солнца не зная, печальный и кроткий,
Вырос он в мрачных стенах — одинок.

Цветикам жаль его, бедного, стало,
Хором они к себе брата зовут:
«Солнце тебя никогда не ласкало,
Брось эти стены, зачахнешь ты тут».

— «Нет! — отвечал он. — Хоть весело в поле
И наряжает вас ярко весна,
Но не завидую вашей я доле
И не покину сырого окна.

Пышно цветите! Своей красотою
Радуйте, братья, счастливых людей;
Я буду цвесть для того, кто судьбою
Солнца лишен и полей.

Я буду цвесть для того, кто страдает.
Узника я утешаю один.
Пусть он, взглянув на меня, вспоминает
Зелень родимых долин!»

<1872>

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

ВОПРОС

Ужели смерть есть цель? Зачем же путь земной
Усеян яркими, прекрасными цветами;
Зачем печальною осеннею порой
Мы покидаем их с невольными слезами?

Но если жизнь есть цель, зачем же мы порой
Встречаем тернии меж яркими цветами;
Зачем должны кремнистый путь земной
И кровью запятнать, и оросить слезами?

<1856>

ИЗ ДАТСКИХ ПОЭТОВ

ГАНС АНДЕРСЕН

МАТЬ И СЫН

«Скажи мне, родная, дай сыну ответ:
Увижу отца? Иль в живых его нет?
Молчишь ты, и даже не скажешь — кто он,
А нынче мне чудный привиделся сон:
Мне снилось, что был мой отец королем.
Скажи хоть одно мне: куда мы идем?

Блуждаем в степи мы, скрываясь от всех.
Где темные рощи? Там пляски и смех!
Там песни звучали! Туда бы опять...
Опять бы я горы хотел увидать.
Скажи, где отец мой? Скажи мне — кто он?
А я расскажу тебе чудный свой сон.

Мне радуга снилась; на выси двух гор
Она опиралась, и будто мой взор
Над нею отца в облаках различил,
Свободно и гордо он в небе царил,
Корона была золотая на нем,
И ангелы божьи летали кругом.
Он мне улыбался, кивал с облаков...
Отрадных таких я не видывал снов!»

— «Какие тут сны! Замолчи ты, глупец!
Из Венгрии мы, — там повешен отец.

Был горд, как король, он, и в час роковой
Он духом не пал, не поник головой.
Добычею птиц — незарытый — он стал.
В те дни у меня ты под сердцем лежал!
Ну что побледнел? Что дрожишь ты, сынок?
Иди же, иди! Еще путь наш далек».

<1867>

ПРИМЕЧАНИЯ

Издание полного собрания стихотворений А. Н. Плещеева — одна из назревших задач публикации классических образцов русской демократической поэзии XIX в. Такое издание не было осуществлено еще ни разу, а выходившие ранее собрания его стихотворений уже не могут быть признаны полными, так как в них не вошел ряд позже найденных произведений. Устарели также и текстологические принципы всех дореволюционных изданий. Все собрания стихотворений, вышедшие под редакцией П. В. Быкова, в том числе и наиболее полное — «Стихотворения А. Н. Плещеева (1844—1891). Четвертое дополненное издание», СПб., 1905, — механически повторяли авторскую композицию прижизненных изданий поэта с их условно-хронологическим делением на отделы, без соблюдения строгой хронологической последовательности. Этот же принцип определил композицию одного из последних советских изданий — А. Н. Плещеев. Избранное. Под ред. Н. М. Гайденкова и В. И. Коровина (М., 1960). Четырежды обращалась к творчеству Плещеева «Библиотека поэта» (три издания Малой серии — 1937, 1950 и 1957 гг. и одно Большой серии — 1948 г.). В этих изданиях соблюден хронологический принцип расположения материала, проблема источников текста не решена в этих изданиях последовательно.

Настоящее издание охватывает все оригинальные стихотворения и большую часть переводных произведений Плещеева. Новые данные дают возможность установить, что в ряде случаев А. Н. Плещеев называл оригинальные стихотворения, из цензурных соображений, переводами. Таковы его оригинальные стихотворения: «На зов друзей» (с ссылкой на Барбье), «Новый год» (с ссылкой на перевод с итальянского), «На закате» и т. д. Во всех этих случаях, специально аргументированных в комментариях, эти стихотворения помещены среди оригинальных произведений поэта.

В настоящее издание не включено стихотворение «Праведники», принадлежность которого поэту требует серьезных доказательств (см. «Вопросы литературы», 1957, 9, стр. 190); из переводов, помимо ряда мелких стихотворений различных поэтов, не вошли крупные переводные работы: «Работница» Шевченко, «Сарданапал» Байрона, «Семейство Паци» Альфиери, «Тиберий, третий кесарь» Гауха, «Вильям Ратклифф» Г. Гейне, «Струэнзе» Михаила Бэра. Как пра-

вило, большие переводы Плещееву не удавались (примером может служить несовершенный перевод «Вильяма Ратклиффа»).

Требует дополнительного изучения вопрос об источниках ряда детских стихотворений, обозначенных как переводы с немецкого, английского и французского, но настолько русифицированных, что их, может быть, следовало бы отнести к стихотворениям на мотивы того или другого поэта (например, «Мальчик и птичка», «Внучка», «Цветок» и др.). Вопрос об их характере остается пока открытым.

Стихи А. Н. Плещеева печатались во множестве повременных изданий, альманахов, сборников и т. д.[1] Большая часть из них вошла в прижизненные книги поэта — 1846, 1858, 1861, 1863 и 1887 гг. Все они публиковались в эпохи особо жестокого цензурного режима, вдвойне подозрительно относившегося к стихам политического преступника. Цензурные материалы (см. примеч. к стих. «Новый год» («Слышны клики — поздравленья...»), «Лжеучителям», «К юности» и др.) дают возможность утверждать, что почти во всех политически направленных произведениях Плещеева мы встречаемся с цензурными искажениями. Все это приводит к значительным трудностям при установлении канонического текста, тем более что количество автографов, дошедших до нас, крайне незначительно и документирует большей частью нейтральные в политическом отношении стихотворения. Следует иметь в виду, что как издания 1840—1860-х гг., так и издание 1887 г. подвергались жесткому цензурному давлению. Крайне показательно замечание поэта в письме к А. С. Гацисскому от 7 декабря 1889 г. Говоря о стихах типа «По чувствам братья мы с тобой...», Плещеев пишет: «Войти они в книжку моих стихов никоим образом не могли. Разве мыслимо их было напечатать в 80-х годах, когда они и в 60-х-то не могли пройти» («Русская мысль», 1912, № 4, стр. 125). Воссоздание подлинных, бесцензурных текстов стихотворений Плещеева — одна из основных задач настоящего издания.

В этой связи большой интерес представляет история первого сборника — «Стихотворения А. Плещеева. 1845—1846» (СПб., 1846). Этот сборник вобрал в себя все основное, написанное Плещеевым в 1840-х годах и только частично опубликованное до его выхода в журналах 1844—1846 гг. При этом, как указано выше, политическая лирика Плещеева по цензурным обстоятельствам осталась за пределами сборника. Авторская датировка отдельных стихотворений, как правило, отсутствует. Сборник имел эпиграф «Homo sum, et nihil humani a me alienum puto» («Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо»). 11 стихотворений из этого сборника Плещеев воспроизвел в сборнике «Стихотворения А. Н. Плещеева» (М., 1861) в разделе «Несколько стихотворений прежнего периода (1846)» с эпиграфом из стихотворения Пушкина «Демон»: «В те дни, когда мне были новы все впечатленья бытия...». С этим же эпиграфом перепечатано из сборника 1846 г. 15 стихотворений под названием «Стихотворения юношеского периода (1846)». О популярности сборника 1846 г. свидетельствует то, что он позднее расходился в

[1] Наиболее полная, хотя и не исчерпывающая, библиография стихотворений Плещеева принадлежит П. В. Быкову. См. «Стихотворения А. Н. Плещеева», СПб., 1905.

списках. Так, в библиотеке поэта и переводчика Струговщикова сохранился список книги Плещеева (ЦГАЛИ). В. Л. Комарович с полным правом использовал в издании «Поэты-петрашевцы» (Л., 1940) рукописные поправки известного библиографа П. А. Ефремова на экземпляре сборника стихотворений Плещеева 1846 г. (Институт русской литературы АН СССР), идущие, как он предположил, от самого поэта. Обнаруженный нами экземпляр «Стихотворений А. Н. Плещеева» (СПб., 1846) в Государственной исторической библиотеке в Москве (из собрания П. В. Щапова) подтвердил его предположение и дал возможность уточнить историю текста сборника 1846 г. и внести ряд существенных исправлений и дополнений. В этот экземпляр, подаренный поэтом библиографу Г. Н. Геннади («Г. Н. Геннади от преданного ему автора. 1846 октября 15»), поэт внес собственноручные исправления и дополнения к ряду стихов. Частично они впоследствии были использованы в изданиях 1861 и 1887 гг. в стихотворениях «Поэту», «На зов друзей», частично они имелись в экземпляре П. А. Ефремова, частично они оставались неизвестными.

После долгого перерыва, в 1858 г., выходит новый сборник — «Стихотворения А. Н. Плещеева», СПб., 1858 (цензурное разрешение 25 апреля 1858 г.). Так как Плещеев выехал из Оренбурга в Петербург только 25 мая 1858 г. («Исторический вестник», 1905, октябрь, стр. 161—169), то очевидно, это издание печаталось без присмотра поэта. Находясь уже в Москве, Плещеев затевает в апреле 1860 г. новое издание. 5 мая этого года он сообщает Гербелю, что он готовит сборник стихотворений, куда войдут и его переводы из Шевченко. Еще ранее, 14 апреля, он пишет Добролюбову: «...в сентябре я намерен издать еще книжечку моих стихотворений» («Русская мысль», 1913, № 1, стр. 147. Ср. ЛА, вып. 6, стр. 302). «Стихотворения А. Н. Плещеева. Новое издание, значительно дополненное» появилось в декабре 1860 г. в Москве (цензурное разрешение 19 декабря 1860 г.). Оно состояло из 4-х разделов (1. Новые стихотворения. 2. Стихотворения, изданные в 1858 г. 3. Несколько стихотворений прежнего периода (1846). 4. Из Гейне). В 1863 г. вышло дополнение к этому изданию — «Новые стихотворения А. Плещеева (Дополнение к изданным в 1861 г.)», М., 1863. Отбирая стихотворения для этих изданий, Плещеев включил далеко не все напечатанное им в журналах.

Вновь приступил к изданию своих стихотворений Плещеев только в 1886 г. Это последнее прижизненное издание — «Стихотворения А. Н. Плещеева (1846—1886)», М., 1887 — также печаталось без непосредственного наблюдения поэта, находившегося в Петербурге. В письме к В. С. Пагануцци, наблюдавшему за изданием, Плещеев 31 декабря 1886 г. выражал неудовольствие тем, что издатель не только не информировал его о выходе книги, но и не отправил соответствующих экземпляров в Петербург. 4 января 1887 г. он снова просил поторопить присылку книг. Характерно его замечание: «Цена книги назначена такая умеренная, что я надеюсь — и молодежь станет покупать ее...» (ЦГАЛИ).

Все три посмертных издания (1894, 1898, 1905 гг.) в основном воспроизводят тексты сборника 1887 г., но уже в издание 1905 г. П. В. Быков внес некоторые исправления по предшествующим

изданиям и первопечатным текстам. Серьезную попытку пересмотра текстов сборника 1887 г. предприняли В. Комарович в издании «Поэты-петрашевцы» (Л., 1940) и А. Федоров в Большой серии «Библиотеки поэта» (Л., 1948). Однако эта работа не была ими последовательно проведена и текст издания 1887 г. лег в основу и этих изданий.

В настоящем собрании именно то издание, где впервые окончательно установилась авторская редакция текста, указывается как источник, по которому печатается данное стихотворение. Если первопечатный текст не менялся, то источник текста специально не оговаривается. И только в тех случаях, когда Плещеев (не по цензурным соображениям, как например в стих. «Мой садик») внес новые поправки в издание 1887 г., тексты печатаются по этому изданию. При этом мы приводим в примечаниях важнейшие разночтения из других редакций, что дает возможность наметить основные вехи творческой истории каждого текста.

Стихотворения, не вошедшие в книгу 1887 г., печатаются нами по наиболее авторитетным прижизненным (большей частью единственным) публикациям. В каждом случае, когда сохранился автограф, проведена тщательная сверка текста с автографом и печатными публикациями.

Сложнейшим вопросом творческой биографии Плещеева является научная хронология его произведений, по существу еще не разработанная. Принятая в предшествующих изданиях датировка по первым публикациям далеко не безупречна. В ряде случаев Плещеев печатал из-за цензурных трудностей стихотворения через довольно значительный промежуток после их написания (см., например, стих. «Старики» («Вот и опять мы, как в прежние годы...»), «Тосты» и др.). На основании изучения мемуарных, эпистолярных данных и т. д. ряд стихотворений в нашем издании передатирован. В тех случаях, когда дату написания установить не удалось, пришлось руководствоваться датой первой публикации. Даты в угловых скобках применяются в тех случаях, когда имеется документальное подтверждение, что произведение написано не позже данного года. Предположительные даты сопровождаются знаком (?). Настоящее собрание делится на две части: оригинальные стихотворения и переводные стихотворения. В соответствии с традицией переводы располагаются по национальным литературам и отдельным авторам. Внутри стихов того или другого автора тексты помещаются в хронологическом порядке.

В примечаниях дается библиографическая справка о первой публикации каждого стихотворения и о его последующих прижизненных изданиях, в которых текст подвергался изменениям, указывается источник, по которому печатается текст, отмечается включение стихотворений в основные прижизненные сборники, дается ссылка на автографы с обозначением их местонахождения. В примечаниях приводятся также сведения по цензурной истории текста, необходимые биографические и историко-литературные разъяснения.

Сведения о переложении на музыку текстов Плещеева не претендуют на полноту.

Условные сокращения, принятые в примечаниях:

БДЧ — журнал «Библиотека для чтения».
ВЕ — журнал «Вестник Европы».
ВС — альманах «Вчера и сегодня», СПб., 1846, кн. 2.
ГАГ — Государственный исторический архив Грузии (Тбилиси).
ГБЛ — Государственная публичная библиотека им. Ленина.
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина.
ЛА — «Литературный архив», вып. 6, М.—Л., 1961.
ЛН — «Литературное наследство».
МВ — «Московский вестник».
НП — «На праздник». Литературный сборник для детей. СПб., 1877. Издание А. Н. Плещеева и Н. Александрова.
НС — «Новые стихотворения Плещеева (Дополнение к изданным в 1861 году)». М., 1863.
ОЗ — журнал «Отечественные записки».
П. 78 — «Подснежник. Стихотворения для детей и юношества А. Н. Плещеева». СПб., 1878.
ПД — Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом).
РВ — журнал «Русский вестник».
РП — журнал «Репертуар и Пантеон».
РС — журнал «Русское слово».
С — журнал «Современник».
С. 46 — «Стихотворения А. Плещеева. 1845—1846». СПб., 1846.
С. 58 — «Стихотворения А. Н. Плещеева». СПб., 1858.
С. 61 — «Стихотворения А. Н. Плещеева. Новое издание, значительно дополненное». М., 1861.
С. 87 — «Стихотворения А. Н. Плещеева (1846—1886)». М., 1887.
С. 98 — «Стихотворения А. Н. Плещеева (1844—1891)». Третье дополненное издание под редакцией П. В. Быкова. СПб., 1898.
С. 1905 — «Стихотворения А. Н. Плещеева (1844—1891)». Четвертое дополненное издание под редакцией П. В. Быкова. СПб., 1905.
СШ — журнал «Семья и школа».
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив Ленинграда.
ЦГТМ — Центральный государственный театральный музей им. А. А. Бахрушина (Москва).

СТИХОТВОРЕНИЯ

НОЧНЫЕ ДУМЫ

I. Дездемоне. Впервые — С, 1844, № 2, стр. 241. Полина *Виардо Гарсиа* (1821—1910) — знаменитая французская певица, гастролировавшая в Петербурге в 1843 г. Среди других партий она исполняла партию Дездемоны в опере Верди «Отелло». Этим и двумя последующими стихотворениями Плещеев дебютировал в печати.

II. Безотчетная грусть. Впервые — там же, стр. 242. Эпиграф — из стих. Ф. Рюккерта «Abendlied des Wanderers» («Вечерняя песня путника»).

III. Дачи. Впервые — там же, стр. 243.

Старик за фортепьяно. Впервые — С, 1844, № 4, стр. 79. Первый эпиграф — из стих. Пушкина «Если жизнь тебя обманет...». Второй эпиграф взят из произведения популярного в 40-е годы немецкого писателя и сатирика *Жана Поля* Фридриха Рихтера (1763—1825). Третий эпиграф — из стих. А. Мюссе «Lucie».

Челнок. Впервые — С, 1844, № 5, стр. 232. Посвящено, очевидно, близкому приятелю Плещеева, чиновнику II Отделения императорской канцелярии Петру Владимировичу Веревкину. Дважды в своих показаниях Плещеев называл Веревкина в числе лиц, с которыми «находился в наиболее коротких отношениях» («Дело петрашевцев», т. 3. М.—Л., 1951, стр. 308). Веревкин посещал кружок Петрашевского в 1847 г. Эпиграф — из стих. Гейне «Du schönes Fischermädchen» («Ты прекрасная рыбачка»).

Могила. Впервые — С, 1844, № 7, стр. 99. Печ. по РП, 1845, № 4, стр. 3. Положено на музыку Р. М. Глиэром, М. П. Мусоргским.

<М. П. Я—й> («Люблю стремиться я мечтою...»). Впервые — БДЧ, 1844, № 8, стр. 122. Адресат стихотворения не установлен. *Октавы Из уст Торкватовых.* Речь идет о поэме великого итальянского поэта Торквато Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалим», написанной октавами. *Лаура* — героиня книги «Канцониеро», или «Канцон и сонетов на жизнь и смерть мадонны Лауры» итальянского поэта Франческо *Петрарки* (1304—1374). *Психея* — «Амур и Психея» — статуя итальянского скульптора Антонио *Кановы* (1751—1822).

Notturno («Ночь тиха... Едва колышет...»). Впервые — С, 1844, № 10, стр. 110.

Прощальная песня. Впервые — С, 1844, № 6, стр. 338, с датой «май 184...».

«После грома, после бури...». Впервые — С, 1844, № 7, стр. 104, с датой «184...». Печ. по С. 46, стр. 23. Вошло в С. 58, С. 61, С. 87. Положено на музыку Ц. А. Кюи.

Дума («Как дети иль рабы, преданию послушны...»). Впервые — С, 1844, № 5, стр. 229, с двумя эпиграфами: 1. «Да помилуйте: наши предки так делали, а разве они были глупее нас?» *Подслушанная фраза.*

2. Vieux soldats de plomb, que nous sommes,
Au cordon nous alignons tous. —
Si des rangs sortent quelques hommes,
Tous nous crions: à bas les fous.

(«Мы, старые оловянные солдатики, всех выстраиваем в ряды по шнурку. Если кто-нибудь выходит из рядов, мы кричим: «Долой безумцев!»). Эти строки взяты из популярного в среде петрашевцев стихотворения Беранже «Безумцы», в котором французский поэт прославлял учителей утопического социализма Сен-Симона, Фурье и Анфантена. С изменениями — РП, 1845, № 5, стр. 413. Печ. по С. 46, стр. 30. Положено на музыку С. В. Рахманиновым.

На память. Впервые — С, 1846, № 2, стр. 279.

На зов друзей. Впервые — РП, 1846, № 3, стр. 850, с подзаголовком «Из А. Барбье» и подписью: А. Пл—ъ. Здесь ст. 24: «Распятый на кресте великий Назарей». Печ. по С. 46, стр. 5, с восстановлением по экземпляру Геннади искаженных цензурою мест, с устранением фиктивного подзаголовка «С французского», зачеркнутого в экземпляре Геннади. Вошло в С. 61, С. 87.

Notturno («Я слышу, знакомые звуки...»). Впервые — РП, 1845, № 7, стр. 128.

Сосед. Впервые — РП, 1845, № 9, стр. 553.

Странник («Всё тихо... Тополи над спящими водами...»). Впервые — «Иллюстрация», 1845, № 20, стр. 318. Печ. по С. 46, стр. 23. Вошло в С. 61, С. 87. Эпиграф — из стих. «L'hiver» французского поэта Эжезиппа *Моро* (1818—1838).

Ее мне жаль. Впервые — «Иллюстрация», 1845, № 24, стр. 383. Печ. по С. 46, стр. 12. *Толстой* Дмитрий Андреевич (1823—1889) — видный деятель реакции, под конец жизни — шеф корпуса жандармов. В письме сына Плещеева А. А. Плещеева к редактору стихотворений поэта П. В. Быкову 29 июня 1904 г. сообщалось: «Стихотворение «Ее мне жаль» посвящено Толстому, с которым

отец мой совсем и навсегда потом разошелся. Поэтому, помня разговор мой с отцом, прошу Вас или выкинуть это стихотворение, или вычеркнуть посвящение, что тоже неудобно, или же лучше всего поставить: «Гр. Д. А. Т — у». Смешно вспоминать о дружбе к человеку, когда она исчезла» (А. Н. Плещеев. Избранное. М., 1960, стр. 639). Именно поэтому оно не перепечатывалось поэтом в позднейших сборниках.

«Снова я, раздумья полный...». Впервые — «Иллюстрация», 1845, № 30, стр. 478 (вместе со стих. «Песня» («„Доброй ночи!“ — ты сказала...») под общим заглавием «Две песни»). В С. 46, стр. 38 — в том же составе. В С. 58, стр. 25 — под заглавием «Две песни» (второй является стих. «Тихо всё, глядится месяц...»). В том же составе — С. 61, стр. 105.

Песня («„Доброй ночи!“ — ты сказала...»). Впервые — «Иллюстрация», 1845, № 30, стр. 478. Печ. по С. 87, стр. 17. Вошло в С. 46 (см. примеч. выше). Положено на музыку В. А. Золотаревым.

Песня («Выйдем на бéрег; там волны...»). Впервые — РП, 1845, № 11, стр. 333. Ст. 13—16 — вариации стих. Гейне «Sie haben mich gequälet...» («Они меня много терзали...»), переведенного тогда же Плещеевым.

Любовь певца. Впервые — С, 1845, № 8, стр. 213, с подписью: NN. Вероятно, принадлежит к числу стихотворений, переданных Плетневу в начале 1845 г. (см. стр. 8). Переработкою этого стихотворения явилось «Вперед! без страха и сомненья...», в которое вошли ст. 9—12 и 17. П. В. Быков вспоминал: «Плещеев показал мне первообраз своего стихотворения «Вперед»... Плещеев никому не сказал, что он — автор этих стихов <«Любовь певца»>, он признался в этом только другу своему, С. Ф. Дурову... и последний сказал ему: «Жаль, что в этом безымянном и неважном, чисто субъективном стихотворении пропадут такие удачные строки, как:

Блажен, кто жизнь в борьбе кровавой,
В заботах тяжких истощил, —
Как раб ленивый и лукавый,
Талант свой в землю не зарыл...

Лучше вставить их в более идейную пьесу». Поэт послушался товарища, и его совет вдохновил молодого автора на стихи „Вперед“» (П. В. Быков. Силуэты далекого прошлого. М.—Л., 1930, стр. 136). *Жрецы Ваала* — в переносном смысле люди, которые, не считаясь ни с чем, гонятся за материальными благами.

Бал. Впервые — РП, 1846, № 1, стр. 3. Печ. по С. 46, стр. 7. *Ланнер* Иосиф (1801—1843) — австрийский композитор, автор вальсов.

«Когда я в зале многолюдном...». Впервые — С. 46, стр. 20. Печ. по БДЧ, 1846, № 9, стр. 6.

Гидальго. Впервые — РП, 1846, № 6, стр. 616.

Элегия («Да, я люблю тебя, прелестное созданье...»). Впервые — БДЧ, 1846, № 4, стр. 109. С изменениями и подзаголовком «Из Полониуса» — С. 46, стр. 17. В экземпляре Геннади он вычеркнут. С этим же подзаголовком — С. 61, стр. 166. Подзаголовок также фиктивен. Печ. по С. 87, стр. 22.

Сон. Впервые — С. 46, стр. 1, с подзаголовком «Отрывок». Печ. по С. 87, стр. 4. Это стихотворение Плещеев рассматривал как программное и в последующих изданиях (С. 61, С. 87) им открывал соответствующие отделы. Эпиграф — из памфлета Ламеннэ *«Слова верующего»*. Ламеннэ Фелисете Робер (1782—1854) — французский публицист, идеолог утопического социализма, пользовавшийся большой популярностью в кругу петрашевцев. Книга Ламеннэ, исполненная веры в победу социалистических идеалов, посвящена борьбе народа за свои права (см. Ламеннэ, «Слова верующего», изд. «Звезда», 1911). Е. М. Феоктистов рассказывает, как приехавший в Москву Плещеев перед кружком студентов говорил, что «необходимо пробудить самосознание в народе, что лучшим для этого средством было бы переводить на русский язык иностранные сочинения, приноравливаясь к простонародному складу речи, и распространять их в рукописях... что в Петербурге возникло уже общество с этой целью и что если бы мы пожелали содействовать ему, то для первого дебюта могли выбрать «Les paroles d'un croyant» Ламеннэ» (Е. Феоктистов. Воспоминания. Л., 1929, стр. 164). Перевод — или, скорее, свободное подражание — был сделан А. П. Милюковым под названием «Новое откровение Антонию, митрополиту Новгородскому, С.-Петербургскому и пр.» и был прочитан в кружке Дурова в первой половине апреля 1849 г. (см. «Дело петрашевцев», т. III, стр. 201, 249). *Левит* — священнослужитель у древних евреев. Здесь — человек, наделенный даром пророчества.

Поэту («Кто не страдал святым страданьем...»). Впервые — С. 46, стр. 14. В С. 46 и С. 61 ст. 11, 12, 31, 32 заменены точками. В экземпляре Геннади имеется рукописная вставка ст. 11—12: «И в ком цепей тяжелых звуки Не пробуждали ничего», восстановленная в С. 87. Печ. по С. 87, стр. 7. В сб. «Песни старого друга» (М., 1891) под заглавием «Поэту-пророку». Эпиграф — заключительные строки программного стихотворения французского революционного поэта *Барбье* (1805—1882) «Toutes les Muses glorieuses» («Все музы знамениты»), открывающего его сборник «Ямбы и поэмы». *Фарисей* — в древней Иудее член религиозной партии, отличавшейся ханжеством, фанатизмом и лицемерием.

Прости. Впервые — С. 46, стр. 28. С изменениями — РП, 1846, № 7, стр. 83. Печ. по С. 61, стр. 173. Вошло в С. 87.

Певице. Впервые — С. 46, стр. 34. С изменениями — С. 58, стр. 59. Печ. по С. 46 с учетом правки в экземпляре Геннади. В этот экземпляр Плещеев вписал посвящение: «Виардо Гарсии» (см. примеч. к циклу «Ночные думы», стр. 368). Вошло в С. 87. Эпиграф — из стих. Мюссе «Lucie». *Розина* — героиня комедии Бомарше «Севильский цирюльник» и одноименной оперы Россини. *Сикимора* — дерево из рода тутовых, иногда сикиморой называются явор и платан.

«Страдал он в жизни много, много...». Впервые — С. 46, стр. 36. В С. 46 и С. 61 ст. 3 напечатана без окончания: «так же как у бога», ст. 27 заменена точками. Печ. по С. 46, с учетом правки в экземпляре Геннади.

«Вперед! без страха и сомненья...». Впервые — С. 46, стр. 18, с цензурными искажениями. Печ. по С. 46 с учетом правки в экземпляре Геннади; во всех прижизненных изданиях ст. 20: «Простив озлобленным врагам». Вошло в С. 61, С. 87. А. П. Милюков вспоминал о популярности среди молодежи этого стихотворения: «Особенно обратили наше внимание небольшие пьесы: «Поэту» и «Вперед». И могли ли, по тогдашнему настроению молодежи, не увлекать такие строфы, как например „Вперед! без страха и сомненья...“» («Петрашевцы», ч. 1. М.—Л., 1926, стр. 28). Прямым ответом на это стихотворение были стихи Н. А. Серно-Соловьевича:

Пусть нас терзают, пусть нас губят.
Святое дело не умрет.
Отчизну дети крепко любят,
И лозунг будет их: «Вперед!»
Вперед! И с каждым днем рутина
Должна дряхлеть, шататься, гнить... и т. д.

(ЛН, тт. 25—26, М.—Л., 1936, стр. 440). М. Слепцова вспоминала: «А. Н. Плещеев часто выступал на студенческих благотворительных вечерах, и его выступления всегда производили фурор. Стоило ему появиться на эстраде, как зала грохотала от рукоплесканий и сразу же раздавались голоса: „Вперед!“» («Звенья», т. II. М.—Л., 1933, стр. 442). Студенты Лесного института писали поэту по случаю его 40-летнего юбилея, что русская молодежь «никогда не забудет вашего великого призыва:

Вперед! без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!..» (ЦГТМ).

Напев. Впервые — С. 46, стр. 22. Вошло в С. 61, С. 87.

Ответ. Впервые — С. 46, стр. 26. Вошло в С. 61, С. 87. О популярности этого стихотворения свидетельствует А. Пальм в романе «Алексей Слободин» (М., 1931, стр. 330).

«Случайно мы сошлися с вами...». Впервые — С. 46, стр. 41. Печ. по С. 87, стр. 18. *Колизей* — знаменитый цирк-амфитеатр, построенный в Риме в I в. *Тассовы октавы*. См. примеч. к стих. <М. П. Я—й>, стр. 368.

Звуки («Не умолкай, не умолкай!..»). Впервые — С. 46, стр. 76. Печ. по С. 87, стр. 167.

«К чему мечтать о том, что *после* будет с нами...». Впервые — С. 46, стр. 81, с пропуском последних двух стихов (впервые восстановлены по рукописным вставкам П. А. Ефремова в кн. «Поэты-петрашевцы», Л., 1940). Печ. по С. 46 с учетом правки в экземпляре Геннади.

Встреча. Впервые — С. 46, стр. 32. Адресат стихотворения не установлен, но, очевидно, тот же, что и в стих. <М. П. Я—й> (см. стр. 368).

«По чувствам братья мы с тобой...». Впервые в сб. А. П. Аристова «Песни казанских студентов», СПб., 1904, стр. 98, с именем Плещеева, но в искаженном виде. Полностью — в кн. М. Л. Гофмана «Поэзия К. Ф. Рылеева» (Чернигов, 1917, стр. 7) как стихотворение Рылеева с вариантами ст. 9, 11. В течение длительного времени приписывалось Рылееву, как послание к А. А. Бестужеву. Между тем еще в 1863 г. в печати называлось имя подлинного автора — Плещеева (см.: Н. Соколовский. Студенческие воспоминания. — «Русская старина», 1863, № 5, стр. 41—42). Принадлежность стихотворения Плещееву окончательно установлена Е. Бушканцем (см. его сообщение «Мнимое стихотворение Рылеева» — ЛН, т. 59, М., 1954, стр. 285—288). В письме к А. С. Гацисскому Плещеев писал в октябре 1889 г.: «Вы спрашиваете меня относительно приведенных в вашем письме стихов. Это стихи действительно мои; и написаны мною в 1846 году» («Русская мысль», 1912, № 4, стр. 124—125). Далее он сообщает, что посвятил эти стихи Владимиру Милютину по выходе книги стихов 1846 г., для которой он их и написал. Впоследствии, в 60-х годах, Плещеев сообщил это стихотворение друзьям из революционного московского студенчества (см. «Русская мысль», 1912, № 4, стр. 125). В истории русского революционного движения значение этого стихотворения было очень велико. Сестра Ленина Анна Ильинична рассказывает, что их отец любил петь запрещенное стихотворение «По чувствам братья мы с тобой...» (См. «А. И. Ульянова и дело 1 марта 1881 г.», М.—Л., 1927, стр. 54). Печ. по кн. «Поэты-петрашевцы». «Библиотека поэта», Большая серия. Л., 1957, стр. 274, где впервые учтены поправки Плещеева в письме к А. С. Гацисскому от 7 декабря 1889 г.

«Когда увижу я нежданно погребенье...». Впервые — «Литературная газета», 1847, 27 ноября.

«Как испанская мушка, тоска...». Впервые — «Русский инвалид», 1847, 13 апреля, стр. 321, в составе фельетона Плещеева «Петербургская хроника», без подписи.

Новый год («Слышны клики — поздравленья...»). Впервые — С. 61, стр. 20. В. Л. Комарович установил, что автограф стихотворения (ГПБ) датирован 1848 г. В приписке, сопровождающей автограф, сообщается, что стихотворение было тогда же, в 1848 г., запрещено цензурой. Оно является откликом на французскую революцию 1848 г. и написано к новому, 1849 г. (об отношении Плещеева к революции 1848 г. см. вступ. статью, стр. 15—16). Подзаголовок фиктивен. В автографе варианты подзаголовка «Кантата с итальянского», «Пуританская песня» зачеркнуты. К этому стихотворению, несомненно, относятся слова Плещеева в письме к Добролюбову от 25 ноября 1859 г.: «Я послал также Н. А. Некрасову одно стихотворение — с итальянского. Это пуф — что оно с итальянского. Оно у меня давно написано и вовсе не по поводу Италии. Я только воспользовался обстоятельствами и строчки две изменил... С итальянского я для цензуры поставил» («Русская мысль», 1913, № 1, стр. 138).

«Еще один великий голос смолк...». Впервые — С. 58, стр. 72, с датой «185...». Печ. по С. 87, стр. 63. Вошло в С. 61. В. Л. Комарович предположил, что адресат стихотворения — Ламеннэ, умерший в 1854 г. В издании под нашей редакцией (А. Н. Плещеев. Стихотворения. «Библиотека поэта», Малая серия. Л., 1957, стр. 345) мы высказали предположение, что оно написано в 1853 г. в память Белинского, к пятилетию его смерти. Но вероятнее всего, подлинным адресатом стихотворения является Гоголь и оно написано на его смерть, так как стихотворение — непосредственный отклик на недавнюю смерть великого человека. Известно, как высоко ценил Гоголя Плещеев. В его статьях имя Гоголя стоит рядом с Белинским в числе учителей поколения. В ссылке А. Н. Плещеев (как, кстати сказать, и Шевченко) с особым вниманием следил за каждой новой строкой Гоголя. Следует также отметить, что целый ряд поэтических формул в стихотворении Плещеева перекликается со стихотворением Некрасова «Блажен незлобивый поэт...», напечатанным в марте 1852 г. в «Современнике». Параллельна главная тема: ненависть толпы к пророку и обличителю и посмертное признание его. У Плещеева: «Лишь дети лжи, поднявши буйный толк, Глумятся над великой тенью... Но день придет — и стихнет клевета, И вместо криков озлобленья, В тот день великий возрожденья, Услышит дух поборника Христа Толпы людской благословенья». У Некрасова: «Его преследуют хулы: Он ловит звуки одобренья Не в сладком ропоте хвалы, А в диких криках озлобленья». К Гоголю же могло относиться и определение «поборник Христа»: Плещеев хорошо знал «Выбранные места из переписки с друзьями», а также помнил упрек Белинского Гоголю («но Христа-то зачем вы примешали тут?»). Указанные совпадения убеждают в том, что стих. «Еще один великий голос смолк...» написано на смерть Гоголя и датируется 1852 г.

При посылке Рафаэлевой Мадонны. Впервые — «Минувшие годы», 1908, № 7, стр. 300. Автограф в письме Плещеева

к Л. З. Дандевиль от 17 февраля 1853 г. — ПД. Посвящено Любови Захарьевне Дандевиль — жене подполковника В. Д. Дандевиля — знатока истории народов Средней Азии, впоследствии генерала, автора статей по военным вопросам, участника русско-турецкой войны 1877—1878 гг. (см. «Исторический вестник», 1907, № 10, стр. 360—361). Эпиграф — из стих. Лермонтова «Молитва» («Я, матерь божия, ныне с молитвою. . .»), процитированная Плещеевым неточно. По-видимому, речь идет о гравюре со знаменитой картины Рафаэля «Сикстинская мадонна».

Перед отъездом. Впервые — «Минувшие годы», 1908, № 7, стр. 302. Печ. по автографу ПД. Посвящено Л. З. Дандевиль и послано ей, очевидно, вместе с тетрадью стихов, о которой Плещеев упоминает в письме к ее мужу («Минувшие годы», 1908, № 10, стр. 118). Датируется временем отъезда Плещеева для участия в походе на Ак-Мечеть. *Засветится ль заря освобожденья.* Узнав в конце 1852 г. о подготовке похода, Плещеев выразил добровольное желание принять участие в нем в надежде на досрочное освобождение от солдатчины. «За отличие в деле» он был произведен в унтер-офицеры.

Весна («В старый сад выхожу я, росинки. . .»). Впервые — РВ, 1856, № 24, кн. 2, стр. 648. Здесь перед последней строфой следовали исключенные в последующих изданиях две строфы:

Здесь при взгляде на праздник созданья
Затихает вражда и печаль. . .
И того, кто не любит, не верит,
Непритворно становится жаль!

Поневоле дивишься, что люди
Ядом зависти часто полны:
Иль не всем одинаково светит
Это теплое солнце весны?

Печ. по С. 58, стр. 8. Вошло в С. 61, П. 78, С. 87. Эпиграф — из стих. Гете «Mailied» («Майская песня»). Положено на музыку П. И. Чайковским.

После чтения газет. Впервые — РВ, 1856, № 20, кн. 2, стр. 720. Вошло в С. 58, С. 61, С. 87. Стихотворение является откликом на Крымскую войну (1853—1856 гг.). В письме к В. Д. Дандевилю Плещеев писал в 1854 г.: «Все, что Вы мне пишете о войне, как нельзя более справедливо, и я с Вами вполне согласен. Я даже на эту тему когда-то написал вирши. . . которые назвал «После чтения газет». Да, время войны — потерянное время для человечества — по крайней мере такой войны» («Минувшие годы», 1908, № 10, стр. 118. Ср. письмо к Достоевскому — «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования». Л., 1935, стр. 438). *Кровавые страницы* — известия в газетах об осаде Севастополя.

С. . . . . . .у («Перед тобой лежит широкий новый путь. . .»). Впервые — РВ, 1856, № 24, кн. 2, стр. 651, с подзаголовком «При вступлении на поприще». Печ. по С. 58, стр. 74. Вошло в С. 61, С. 87. Адресатом стихотворения, по утверждению В. Комаровича, является С. Н. Федоров, а по догадке А. В. Федорова — Н. Спешнев. С. А. Макашин убедительно доказал, что адресатом является Салтыков-Щедрин, который в ноябре 1855 г. получил разрешение покинуть место ссылки и в январе 1856 г. приехал в Петербург и начал службу в министерстве внутренних дел. Эти стихи подверглись ироническому цитированию во второй редакции «Современной элегии» Добролюбова — «Рыцарь без страха и упрека».

В степи. Впервые — РВ, 1856, № 24, кн. 2, стр. 647. Печ. по С. 87, стр. 33. Вошло в С. 58, С. 61. Посвящено отъезду Плещеева из форта Перовского (Ак-Мечеть) в Оренбург в связи с производством его в мае 1856 г. в прапорщики.

Раздумье. Впервые — РВ, 1856, № 24, кн. 2, стр. 648. Вошло в С. 58, С. 61, С. 87. Н. А. Добролюбов, рецензируя С. 58, писал, что в «Раздумье» нашло выражение то настроение, «которое господствует во всей книжке» (Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 1. М.—Л., 1934, стр. 457).

«Не говорите, что напрасно. . .». Впервые — РВ, 1856, № 24, кн. 2, стр. 651, с заглавием «В альбом». Здесь перед последней строфой следовало исключенное в последующих изданиях четверостишие:

И перед вашими очами
Иной, прекрасный ляжет путь;
И счастье теплыми лучами
Не раз согреет вашу грудь.

Печ. по С. 58, стр. 57. Вошло в С. 61, С. 87.

«О, если б знали вы, друзья моей весны. . .». Впервые — РВ, 1857, № 9, кн. 1, стр. 140. Здесь четвертая строфа:

Нет! С пошлостью людской, со злом постыдный мир
Я заключал не раз, страданья избегая,
И в жизни видел я лишь праздный шумный пир,
Труда спасительным путем пренебрегая.

Печ. по С. 58, стр. 45. Вошло в С. 61, С. 87.

Листок из дневника. Впервые — С. 58, стр. 50. В 1856 г. это стихотворение Плещеев послал Михайлову для передачи в «Современник». Так как оно не было напечатано, он в письме к Михайлову от 28 декабря 1856 г. (письмо датируется по содержанию —

ЦГАЛИ) писал: «Если вам не нужна «Страница из дневника», то пришлите мне» (ЛА, стр. 241). Эпиграф — из известного стих. французского поэта Ф. Малерба (1555—1628) «Consolation à Du Périer» («В утешение Дю Перье — на смерть младшей дочери»). Стихотворение Плещеева относится к событиям весны 1853 г., и речь идет об Оренбурге. Написано, очевидно, на смерть Л. З. Дандевиль в 1856 г. *С кудрявым мальчиком, с нарядным мотыльком* — перефразировка стих. Лермонтова «К портрету»: «Как мальчик нарядный, резва, нарядна, как бабочка летом». *Шуберт* Франц (1797—1828) — австрийский композитор. *Ералаш* — карточная игра.

«Когда твой кроткий, ясный взор...». Впервые — РВ, 1857, № 9, кн. 1, стр. 141. Здесь после ст. 12 следует опущенная в последующих публикациях строфа:

Я знаю, что назвать тебя
Своей я б недостоин был,
Что бесполезной жизнью я
На счастье право не купил.

С изменениями — С. 58, стр. 36. Печ. по С. 87, стр. 44. Вошло в С. 61.

«Есть дни: ни злоба, ни любовь...». Впервые — РВ, 1857, № 9, кн. 1, стр. 143. Печ. по С. 87, стр. 56. Вошло в С. 58, С. 61.

Зимнее катанье. Впервые — РВ, 1857, № 9, кн. 1, стр. 142. Печ. по С. 58, стр. 16. Вошло в С. 61, С. 87. Эпиграф — окончание стих. Фета «Ночь светла, мороз сияет...».

С. Ф. Дурову. Впервые — С. 58, стр. 66, под заглавием: «С. Ф. Д....». Печ. по С. 61, стр. 142. Вошло в С. 87. Адресовано близкому другу Плещеева *Дурову* Сергею Федоровичу (1816—1869) — литератору-петрашевцу, автору замечательных переводов из Барбье, повестей и физиологических очерков. Он посещал Петрашевского с 1847 г. Плещеев особенно сблизился с Дуровым в конце 1848 — начале 1849 г. В марте 1849 г. поэт писал Дурову и Пальму: «В последнее время мы так сошлись, что, кажется, я вправе считать Вас своими лучшими друзьями. В доказательство моей искренней симпатии пишу к Вам первый и посвящу Вам первую повесть, которая напишется» («Философские и общественно-политические произведения петрашевцев». М., 1953, стр. 724). Именно с Дуровым Плещеев образовал особый кружок, из которого выделилось строго законспирированное революционное общество, имевшее целью «произвести переворот в России». Дуров был приговорен к смертной казни, замененной каторгой. Стихотворение написано по случаю его отъезда в Одессу после возвращения из Сибири.

«Тобой лишь ясны дни мои...». Впервые — РВ, 1858, № 2, кн. 2, стр. 396. С изменениями и датой «октябрь 1857» — С. 58,

стр. 81. Печ. по С. 87, стр. 67. Здесь после ст. 16 опущена следующая строфа:

Молю, чтоб в сердце не погас
Огонь вражды к неправде черной;
Чтобы в борьбе со злом упорной
Готов был друг твой каждый час.

По-видимому, она исключена не по цензурным обстоятельствам, а в силу возможного знакомства Плещеева с пародией Добролюбова «Презрев людей и помолившись богу...» («Из мотивов современной русской поэзии»). Пародировалась строка: «Огонь вражды к неправде черной». У Добролюбова: «Светил мне на борьбу во тьме неправды черной». Стихотворение адресовано Е. А. Рудневой, на которой Плещеев женился в октябре 1857 г. В С. 87 им заканчивался раздел «Стихотворения, изданные в 1858 г.». Автограф — ПД.

Молитва («О боже мой, восстанови...»). Впервые — РВ, 1857, № 15, кн. 1, стр. 582. Печ. по С. 58, стр. 3. Вошло в С. 61, С. 87.

«Ты мне мила, пора заката!..». Впервые — С. 58, стр. 44. Вошло в С. 61, С. 87.

«О нет, не всякому дано...». Впервые — РВ, 1858, № 2, кн. 2, стр. 395. Печ. по С. 87, стр. 28, с восстановлением ошибочно пропущенной ст. 4 в 3-й строфе.

«Он шел безропотно тернистою дорогой...». Впервые — РВ, 1858, № 7, кн. 1, стр. 440. Здесь ст. 6: «Народам завещал свободу и любовь». Печ. по С. 58, стр. 17. Вошло в С. 61, С. 87.

Посвящение. Впервые — С. 58 (ненумер. стр.), без заглавия. Печ. по С. 61, стр. 83. Вошло в С. 87. Адресовано друзьям-петрашевцам, судьба которых постоянно волновала Плещеева. После возвращения в Россию он устанавливает связи почти со всеми участниками кружка 1840-х годов. 12 апреля 1886 г. Н. С. Кашкин (1829—1914) — петрашевец, после амнистии 1856 г. проживавший в Калуге, — писал Плещееву: «С искреннею радостью и живым сочувствием следил я из своей глухой провинции за всем, что относилось до празднования вашего юбилея.,. Но вот в одной из них <юбилейных статей> я встретил выражение, что никто не откликнулся на призыв ваш:

Домчатся ль к вам знакомых песен звуки,
Друзья моих погибших юных лет?

И живо представилась мне та минута, когда в деревенской глуши, куда загнала меня ссылка, я с радостным волнением прочел эти слова ваши, и у меня, никогда не слагавшего рифмы, вылилось несколько строк, которые я поспешно отослал для передачи вам

редактору журнала, напечатавшего ваши стихи. Сейчас эти строки попались мне под руку, и я снова, не зная вашего адреса, посылаю их через сына моего...» Далее следовали до сих пор неизвестные стихи петрашевца:

Прошла пора невзгод, гоненья,
И на знакомый голос твой
Из тишины уединенья
Откликнется привет живой.
Опять поешь ты, слава богу!
Иди вперед, не унывай!
Добра и правды на дорогу
Друзей ты громко призывай.
Вперед без страха и сомненья,
И если в ком остыла кровь,
Твои живые песнопенья
Его пробудят к жизни вновь
(ЦГТМ).

Былое («Ночи бледное светило...»). Впервые — РВ, 1858, № 8, кн. 2, стр. 607. Печ. по С. 87, стр. 31. *Федоров* Степан Николаевич (ум. 1868) — оренбургский писатель, автор романов, повестей, драматических сцен, пьес, очерков и т. д. 30 мая 1858 г. Плещеев сообщал Достоевскому: «Здесь есть молодой человек, с которым я очень близок и который отправил в Современник драматические сцены. Некрасов его восхвалил и очерки напечатал» («Ф. М. Достоевский Материалы и исследования». Л., 1935, стр. 441). С. Н. Федоров выступил в «Искре» в защиту повести Плещеева «Пашинцев» от «ухабинской» аристократии Оренбурга («Курьезные случаи. Случай 1». — «Искра», 1860, № 8 и 9). Плещеев посвятил Федорову, кроме данного стихотворения, 10 переводов из Гейне в С. 58, повесть «Две карьеры», рассказ «Неудавшаяся афера».

Птичка («Для чего, певунья птичка...»). Впервые — РВ, 1858, № 8, кн. 2, стр. 607, без заглавия. Печ. по С. 58, стр. 70. Вошло в С. 61, С. 87.

«Ты хочешь песен, — не пою...». Впервые — С. 58, стр. 18. Вошло в С. 61, С. 87.

Сердцу. Впервые — С. 58, стр. 20. Вошло в С. 61, С. 87.

Цветок («Над пустыней, в полдень знойный...»). Впервые — С. 58, стр. 22. Вошло в С. 61, С. 87. В сб. «Избранные стихотворения» (М., 1893) напечатано под заглавием «Цветок в пустыне».

Песня («Тихо всё, глядится месяц...»). Впервые — С. 58, стр. 24, вместе со стих. «Снова я, раздумья полный...» под общим заглавием «Две песни». В том же составе — С. 61, стр. 104. Печ. по С. 87, стр. 40.

«Много злых и глупых шуток...». Впервые — РВ, 1858, № 14, кн. 2, стр. 386. Печ. по С. 58, стр. 32. Вошло в С. 61, С. 87.

«Дети века все больные...». Впервые — С. 58, стр. 34. Вошло в С. 61, С. 87.

«Когда мне встретится истерзанный борьбою...». Впервые — С. 58, стр. 38. Вошло в С. 61, С. 87.

Мой знакомый. Впервые — С. 1858, № 9, стр. 291. Печ. по С. 58, стр. 39. Стихотворение вызвало цензурные опасения. Ряд измененных в рукописи по требованию цензора мест восстановлен в С. 58 (очевидно, не полностью). *Жорж Занд* (псевдоним Авроры Дюпен-Дюдеван, 1804—1876) — выдающаяся французская писательница, близкая к кругу социалистов-утопистов. *Леру* Пьер (1797—1871) — видный представитель французского утопического социализма, популярный среди петрашевцев.

«Что за детская головка...». Впервые — С. 58, стр. 46. Вошло в С. 61, С. 87.

Странник («Томит меня мой страннический путь...»). Впервые — С. 58, стр. 47. Печ. по С. 87, стр. 51.

«Знакомые звуки, чудесные звуки!..». Впервые — С. 58, стр. 61, под заглавием «Звуки». Печ. по С. 87, стр. 58. Вошло в С. 61. Положено на музыку Ф. С. Акименко, А. С. Аренским.

Мой садик. Впервые — С. 58, стр. 63. С изменениями и пропуском последней строфы — РВ, 1858, № 12, кн. 2, стр. 614. Начиная с П. 78 и во всех последующих изданиях по цензурным условиям печаталось в урезанном виде, без последних шести строф. Вошло в С. 61, С. 87 с исправлением ст. 16: «С тенью правильных аллей». Положено на музыку В. И. Ребиковым, П. И. Чайковским.

«Ты помнишь: поникшие ивы...». Впервые — С. 58, стр. 68. Вошло в С. 61, С. 87.

«Когда возвратился я в город родной...». Впервые — С. 58, стр. 77. Вошло в С. 61, С. 87.

«Была пора: своих сынов...». Впервые — С. 58, стр. 79. В РВ, 1858, № 12, кн. 2, стр. 616, ст. 19: «Не страшен нам и правды враг». Вошло в С. 61, С. 87. Эпиграф — из стих. Пушкина «Стансы». *В иную славную войну.* Речь идет о войне 1812 г.

Счастливец. Впервые — РВ, 1858, № 22, кн. 2, стр. 297, без заглавия. Печ. по С. 61, стр. 29.

«Трудились бедные вы, отдыху не зная...». Впервые — С. 58, стр. 78. Показательно, что после появления этого сти-

хотворения в РВ цензор получил выговор за его разрешение, ибо в нем «резко выражается тягость трудов крестьян и надежды на лучшее будущее» и имеется «резкий и язвительный отзыв об отношениях господ и помещиков к их служителям крестьянам» (ЛА, стр. 417).

Опустевший дом. Впервые — С, 1859, № 10, стр. 355. Вошло в С. 61, С. 87.

Призраки. Впервые — МВ, 1859, № 46, стр. 572. Вошло в С. 61, С. 87.

Лунной ночью. Впервые — С, 1859, № 10, стр. 356. Вошло в С. 61, С. 87.

«Пью за славного артиста...». Впервые — «Вечерняя Москва», 1962, 28 июня (публикация И. Злотниковой). Автограф — ЦГТМ, фонд Садовских. Стихотворение, видимо, прочитано Плещеевым в Москве в 1859 г. на юбилее артиста Малого театра П. М. Садовского в связи с двадцатилетием его служения на московской сцене (он дебютировал в Малом театре 18 апреля 1839 г.). С Садовским Плещеева связывали дружеские отношения. Театр занимал немалое место в жизни Плещеева. В неизданном письме к собирателю народных песен И. П. Ларионову 24 января 1889 г. поэт писал: «Я старый театрал; страстно люблю театр, и все касающееся его меня очень интересует» (ЦГИАЛ). В «Заметках о московском театре», печатавшихся в «Московских ведомостях»,[1] Плещеев ставит Садовского в ряд основоположников русского сценического реализма.

«Если в час, когда зажгутся звезды...». Впервые — «Современность», 1860, 29 января. Печ. по С. 87, стр. 83. Вошло в С. 61.

«Я у матушки выросла в холе...». Впервые — «Светоч», 1860, кн. 2, отд. 1, стр. 12. Печ. по С. 87, стр. 81. Вошло в С. 61.

На улице. Впервые — С, 1860, № 3, стр. 4. Вошло в С. 61, С. 87.

«Нет отдыха, мой друг, на жизненном пути...». Впервые — «Светоч», 1860, № 5, отд. 1, стр. 12. Печ. по С. 61, стр. 22. Вошло в С. 87.

«Скучная картина!..». Впервые — «Народное чтение», 1860, № 4, стр. 79. Вошло в С. 61, П. 78, С. 87. Положено на музыку П. И. Чайковским.

---

[1] Нам удалось на основе «Гонорарной ведомости» газеты «Московские ведомости» (Архив МГУ) установить, что Плещееву принадлежит цикл театральных рецензий «Заметки о Московском театре» в этой газете. Они без подписи или за подписью А. П.

Декабрист («Забывши прыгать и кружиться...»). Впервые — С, 1860, № 8, стр. 475, под заглавием «Старик». Вошло в С. 61, П. 78, С. 87 с этим заглавием. Печ. с восстановлением подлинного заглавия на основании письма к Добролюбову от 16 октября 1859 г. Плещеев, очевидно на вопрос Добролюбова, верно ли он угадал тему стихотворения, отвечал: «Что касается до стихотворения «Старик», оно действительно писано на тему, о которой вы упоминаете. Оно у меня даже и названо было «Де—ст», но ни к кому особенно не относится. Мысль этого стихотворения пришла мне в голову после одного разговора об этих людях, сохранивших, несмотря на долгие испытания, бодрость духа и любовь к правде. Я не могу посвятить его никому, не будучи знаком ни с одним из них. Но не мешало бы дать ему другое заглавие — какое придумаете. Мне советовали его назвать «Один из немногих», потому что подобные старики у нас редки» («Русская мысль», 1913, № 1, стр. 137).

Облака («Вот и гроза прошла, и небо просветлело...»). Впервые — «Время», 1861, № 1, стр. 260. Печ. по С. 61, стр. 11. Вошло в С. 87.

Нищие. Впервые — С, 1861, № 2, стр. 409. Печ. по С. 87, стр. 99. Вошло в НС, П. 78. Цензура исключила в изд. «Дедушкины песни. Стихотворения для детей А. Н. Плещеева» (М., 1891) две последние строки.

«Перед ветхою избенкой...». Впервые — С. 61, стр. 14. Вошло в кн. «Дедушкины песни. Стихотворения для детей А. Н. Плещеева». М., 1891.

Весна («Песни жаворонков снова...»). Впервые — «Детская книжка». М., 1861, стр. 1.

Больной. Впервые — С, 1861, № 4, стр. 367.

Дети («Люблю я вас, курчавые головки!..»). Впервые — «День», 1861, 9 декабря. Печ. по С. 87, стр. 104. Вошло в НС. Положено на музыку П. И. Чайковским.

«Друзья свободного искусства...». Впервые — «Московские ведомости», 1861, 14 февраля, с заглавием «11 января 1861 г.», в статье «Обед в Москве». Печ. по тексту журн. «Век», 1861, № 8, стр. 289, где стихотворение было напечатано в составе статьи «Обед в честь г. Васильева», под заглавием «Стихотворение, прочитанное на обеде в честь артиста С. В. Васильева в Москве». *Васильев* Сергей Васильевич (1827—1862) — известный актер Малого театра, оставивший сцену из-за болезни глаз. Плещеев высоко ценил реалистический талант большого актера. Ему же посвящена статья Плещеева «Прощальный бенефис г. Васильева» (авторство устанавливается на основе записей в «Гонорарной ведомости») («Москов-

ские ведомости», 1861, 4 февраля). В стихотворении вспоминаются роли Васильева: *Хлестакова* в «Ревизоре» Гоголя, *Тихона Кабанова* в «Грозе» Островского.

Памяти К. С. Аксакова. Впервые — «Поэты-петрашевцы», «Библиотека поэта», Большая серия. Л., 1940, стр. 205. Автограф с датой «февраль 1861» — ЦГАЛИ и в письме В. Аксаковой к М. Карташевской — ПД. В эти годы прогрессивный демократический лагерь, несмотря на славянофильские идеи Аксакова, ценил его искреннее сочувствие положению угнетенного народа. В статье «Стихотворения В. Красова» Плещеев писал, что в поэзии К. Аксакова слышен «энергичный голос гражданина, призывающего на подвиг» (МВ, 1859, № 46, стр. 581). Характерно, что стихотворение Плещеева перекликается с некрологом Герцена в «Колоколе» на смерть К. Аксакова и оценкою Огарева в статье к сб. «Русская потаенная литература XIX века». «В славянофильской деятельности, — писал последний, — действительным поэтом был Константин Аксаков, человек, который нравственную чистоту и гражданское чувство довел до лиризма... Но до конца борьбы он, — продолжал Огарев, — не выпускал из рук народного знамени... Вся эта жизнь была поэзией гражданства...» (Н. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. 1. М., 1952, стр. 461). К. Аксаков умер 7 декабря 1860 г. Эпиграф — слова Гамлета в беседе с Горацио (2-я сцена 1-го действия).

«Нет! лучше гибель без возврата...». Впервые — PC, 1861, № 11, стр. 24 (с пропуском ст. 3 и 4). С восстановлением этих строк и пропуском третьей строфы — НС, стр. 8. Печ. по НС, с восстановлением по PC третьей строфы. Вошло в С. 87.

«Блажен не ведавший труда...». Впервые — С, 1861, № 8, стр. 445. Вошло в НС, С. 87.

Поэту («Пускай заманчив гладкий путь...»). Впервые — С, 1861, № 8, стр. 443. Вошло в НС, С. 87.

«Завидно мне смотреть на мудрецов...». Впервые — PC, 1862, № 1, стр. 46. Печ. по С. 87, стр. 94. Вошло в НС.

Новый год («Всем, застигнутым ненастьем...»). Впервые — С, 1862, № 1, стр. 320, вместе со стих. «О, не забудь, что ты должник...», под общим заглавием «Вариации» и с посвящением Н. А. Некрасову. В С. 87 только первое стихотворение. Печ. по НС, стр. 52. Плещеев посвятил Некрасову три оригинальных стихотворения и три переводных («Маннвельтова неделя», «Пиренеи», «Лампа»). В свою очередь Некрасов посвятил Плещееву «Три элегии». По воспоминанию А. А. Плещеева, Некрасов читал «Три элегии» на литературном вечере в Купеческом клубе «и тут же передал ему <А. Н. Плещееву> в рукописи» (см. А. А. Плещеев. Из уцелевших в памяти

воспоминаний. — «Петербургская газета», 1907, 27 декабря). *Гракхи,* братья Тиберий и Кай (II в. до н. э.), — политические деятели Древнего Рима, боровшиеся против аристократического землевладения, за проведение аграрных законов в пользу италийского крестьянства.

«О, не забудь, что ты должник...». Впервые — С, 1862, № 1, стр. 332 (вместе со стих. «Новый год»; см. примеч. выше). Печ. по НС, стр. 55. Вошло в С. 87.

Мольба. Впервые — С, 1861, № 12, стр. 487. Вошло в НС, С. 87.

«На сердце злоба накипела...». Впервые — РС, 1862, № 2, стр. 52. Вошло в НС, С. 87.

«Природа-мать! К тебе иду...». Впервые — «День», 1862, 10 февраля. Вошло в НС, С. 87.

Отчизна. Впервые — С, 1862, № 3, стр. 321. Вошло в НС, С. 87. Автограф с разночтениями — ПД.

Она и он. Впервые — «Время», 1862, № 9, стр. 119. Вошло в НС, С. 87. Эпиграф — из стих. Гейне «Ein Jüngling liebt ein Mädchen» («Юноша любит девушку»). Стих. переведено Плещеевым, см. стр. 294. *Ловлас* — имя героя известного романа английского писателя XVIII в. Ричардсона «Кларисса Гарлоу», ставшее нарицательным.

Две дороги. Впервые — «День», 1862, 22 сентября. Здесь после ст. 40:

Раскаляются от зною
Бесконечные пески,
И с зловонною водою
Здесь сочатся родники.
Бездны — черных туч мрачнее —
Взоры путника страшат.
С ядовитым жалом змеи
Между камнями кишат...

Печ. по С. 87, стр. 96. Вошло в НС. *Аксаков* Иван Сергеевич (1823—1886) — видный славянофильский публицист и поэт. И. Аксаков в эти годы держался оппозиционных настроений по отношению к царизму. Его издания в 1850—1860 гг. постоянно закрывались цензурою. Особое сочувствие вызывали его выпады против Каткова. В 1859 г. Плещеев писал Добролюбову: «Признаюсь, что хотя И. Аксаков славянофил, но в нем гораздо больше сочувствия всему живому, современному и молодому, чем в московских западниках, которых он справедливо упрекает в старческой умеренности и благоразумии» («Русская мысль», 1913, № 1, стр. 136).

Родное. Впервые — «Время», 1862, № 8, стр. 222. Печ. по НС, стр. 47. Вошло в С. 87.

Советы мудрецов. Впервые — С, 1863, № 1—2, стр. 121. Написано не позднее декабря 1862 г., когда цензуровался этот номер журнала. Вошло в НС, С. 87.

В лесу. Впервые — С, 1863, № 1—2, стр. 155. Вошло в НС, С. 87.

Ночью. Впервые — «День», 1862, 3 ноября.

«Всю-то, всю мою дорожку...». Впервые — С, 1863, № 1—2, стр. 351. Вошло в НС, С. 87.

К юности («О юность, юность, где же ты? ..»). Впервые — С, 1862, № 4, стр. 563, с датой: «март 19, 1862, Москва», без заглавия и подзаголовка, снятых, очевидно, по цензурным соображениям. Печ. по автографу ЦГАЛИ.

Лжеучителям. Впервые — «День», 1862, 17 марта. Вошло в НС, С. 87. Это стихотворение связано со студенческими волнениями 1861 г. (см. вступ. статью, стр. 38.). Вероятно, именно к этому стихотворению относится сообщение Плещеева в письме к А. П. Милюкову от 6 ноября 1861 г.: «У меня на днях цензура похерила стихи, которые я было отдал в «День»... А мне, признаюсь, досадно, они удались мне больше других» (ЛА, стр. 291). В этом же письме содержится конкретный комментарий к содержанию этого стихотворения (см. вступ. статью, стр. 44—45). *Как древле брат, убивший брата.* Речь идет о библейском Каине, убившем своего брата Авеля.

ЛЕТНИЕ ПЕСНИ

1. «Запах розы и жасмина...». Впервые — «Время», 1862, № 2, стр. 598, под общим со следующим стих. заглавием «Ночь» и с посвящением Ф. Н. Бергу.

2. «И вот шатер свой голубой...». Впервые — «Время», 1862, № 3, стр. 352.

3. «Отдохну-ка, сяду у лесной опушки...». Впервые — С, 1861, № 8, стр. 443.

4. «Люблю я пóд вечер тропинкою лесною...». Впервые — там же. *Витий, что ратуют за «медленный прогресс».* Речь идет о либералах с их проповедью постепеновщины, которых Добролюбов называл «блюстителями порядка», «гонителями беспокойных идей и поборниками медленного прогресса».

5. «Солнце горы золотило...». Впервые — «Время», 1862, № 10, стр. 316, вместе с двумя последующими стихотворениями под заглавием «Летние песни».

6. «Ночь пролетала над миром...». Впервые — там же. Положено на музыку Р. М. Глиэром, А. Т. Гречаниновым, Н. А. Римским-Корсаковым, М. А. Слоновым.

7. «Бледный луч луны пробился...». Впервые — там же.

8. «Что ты поникла, зеленая ивушка?..». Впервые — БДЧ, 1863, № 6, стр. 30. Это стихотворение вместе с семью предшествующими объединены в отдельный цикл в НС. Печ. по С. 87, стр. 89. Плещеев придавал особое значение этому циклу. Редакторский произвол М. М. Достоевского, напечатавшего стихотворения 1-е и 2-е в разных номерах, вызвал у поэта недовольство. Последнее стихотворение цикла положено на музыку А. Т. Гречаниновым.

«Зачем при звуках этих песен...». Впервые — «Развлечение», 1863, № 1, стр. 1.

«В суде он слушал приговор...». Впервые — С, 1863, № 3, стр. 298, под заглавием «На мотив из Виктора Гюго». Печ. по НС, стр. 108. Вошло в С. 87, в отдел «Стихотворения на мотивы иностранных поэтов» под заглавием «Из Виктора Гюго». В действительности стихотворение не является ни переводом, ни подражанием. В нем Плещеев использовал сюжетную ситуацию, характерную для социальных новелл и романов Гюго, в частности таких, например, произведений, как «Клод Ге», «Последний день приговоренного», «Отверженные».

Умирающий. Впервые — БДЧ, 1863, № 6, стр. 40.

Весна («Опять весной в окно мое пахнуло...»). Впервые — «Развлечение», 1863, № 17, стр. 257.

Ипохондрия. Впервые — БДЧ, 1863, № 9, стр. 54. Печ. по С. 87, стр. 115.

Осень. Впервые — БДЧ, 1863, № 9, стр. 54.

Тучи. Впервые — С, 1863, № 8, стр. 439. Вошло в С. 87. Написано, вероятно, в связи с арестом Н. Г. Чернышевского.

«Что год, то новая утрата...». Впервые — БДЧ, 1863, № 9, стр. 155, без заглавия. В списке неизвестного лица (ГПБ) надпись переписчика: «А. Н. Плещеев. 9 окт<ября> 1863 (написано в день похорон)». Стихотворение посвящено памяти *Помяловского*

Николая Герасимовича — известного писателя-демократа, умершего 5 октября 1863 г.

«Честные люди, дорогой тернистою...». Впервые — С, 1905, стр. 138. Написано в связи с судом над Чернышевским и, как справедливо указал В. Комарович, поэтому не могло появиться в печати до 1905 г. («Поэты-петрашевцы». Л., 1940, стр. 296). О взаимоотношениях Чернышевского и Плещеева см. вступ. статью и примеч. к стих. «Жаль мне тех, чья гибнет сила...», стр. 387.

«Если хочешь ты, чтоб мирно...». Впервые — С, 1864, № 10, стр. 425. Печ. по С. 87, стр. 132.

«Смотрю на нее и любуюсь...». Впервые — С, 1864, № 10, стр. 424.

Гости. Впервые — БДЧ, 1864, № 1, стр. 43. Подзаголовок, очевидно, фиктивен.

Памяти Е. А. Плещеевой. Впервые — С, 1865, № 5, стр. 122. Посвящено памяти жены поэта Елкониды Александровны Плещеевой, умершей 23 лет 13 декабря 1864 г.

Apostaten-Marsch. Впервые — С, 1865, № 10, стр. 362, под заглавием «Песня отступников». Подзаголовок «Мотив одного немецкого поэта» фиктивен. Печ. по С. 87, стр. 142. Здесь впервые появилось немецкое заглавие.

«Быстро тают снега, побежали ручьи...». Впервые — «Дело», 1867, № 6, стр. 256. Вошло в С. 87.

Славянским гостям. Впервые — «Антракт», 1867, 28 мая. Написано в связи со славянским съездом в России по поводу этнографической выставки в Москве, прочитано Плещеевым на вечере в Артистическом кружке.

«Где ты, пора веселых встреч...». Впервые — «Модный магазин», 1868, № 20, стр. 346.

«Когда тебе молчанием суровым...». Впервые — ОЗ, 1868, № 9, стр. 244.

«Жаль мне тех, чья гибнет сила...». Впервые — ОЗ, 1868, № 10, стр. 389. Печ. по С. 87, стр. 137. Как указывает Н. М. Чернышевская, это стихотворение «навеяно размышлениями об участи Чернышевского» («Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского». М., 1953, стр. 372). С Чернышевским поэта связывали и личные отношения, и общность взглядов. По показаниям Чернышевского, Плещеев в Москве был самым близким его знакомым

(Мих. Лемке. Политические процессы. СПб., 1907, стр. 371). Характерно также и то, что после раскола в редакции «Современника» в 1862 г. Плещеев оказался в числе немногих сотрудников, верных знамени Чернышевского. Об отношении Плещеева к Чернышевскому свидетельствует следующее неизданное письмо его Ольге Сократовне Чернышевской: «Петербург, 23 октября 1889 г. Милостивая государыня Ольга Сократовна! Позвольте мне выразить вам чувство глубокого соболезнования по поводу кончины дорогого Николая Гавриловича. Все, чтившие покойного как литературного деятеля и знавшие лично, были сильно поражены этой внезапной кончиной. Не могу вам сказать как много прискорбно, что я не имел возможности еще раз увидеть его. Будущим летом я намеревался проехаться по Волге и завернуть к нему в Саратов. Но судьба судила иначе. Вы знаете, как я всегда любил и глубоко уважал его. С его именем связаны у меня воспоминания о лучших днях моей жизни. Многое вспомнили бы мы с ним из прошлого... Крепко жму вашу руку и прошу вас верить моей искренней преданности и уважению. Алексей Плещеев. P. S. Не найдется ли у вас лишней карточки его? Я был бы вам глубоко признателен, если бы вы мне прислали ее. У меня есть одна, но очень старая. Мне хотелось бы иметь карточку его за последнее время» (ЦГАЛИ). *Кого могила Преждевременно взяла* и т. д. Речь идет о Добролюбове, Михайлове, Писареве, Серно-Соловьевиче и др. *И предательская рать Будет ненависть до гроба В честных душах пробуждать.* Имеется в виду предатель Чернышевского — переводчик В. Д. Костомаров. Плещеев испытывал особую горечь, ибо по его рекомендации Михайлов зимой 1860—1861 г. познакомил Чернышевского с Костомаровым (см. «Процесс Н. Г. Чернышевского. Архивные документы». Саратов, 1939, стр. 236—239).

Облака («Я лежал на траве и глядел...»). Впервые — ОЗ, 1868, № 9, стр. 183. Вошло в С. 87. *Ларош* Герман Августович (1845—1904) — композитор, известный музыкальный критик и профессор теории и истории музыки Московской и Петербургской консерваторий.

Старики («Вот и опять мы, как в прежние годы...»). Впервые — ОЗ, 1873, № 6, стр. 412. Вошло в С. 87, стр. 143. Здесь опубликовано в качестве заключительного стихотворения отдела «Стихотворения 60-х годов». Вероятно, оно написано в 1869 г. Адресовано кому-то из петрашевцев (быть может, Н. А. Спешневу). *Помнишь, товарищ, минуту разлуки? .. Грозная нас не страшила беда.* «Мы, петрашевцы, — вспоминал Достоевский, — стояли на эшафоте и выслушивали наш приговор без малейшего раскаяния... то дело, за которое нас осудили, те мысли, те понятия, которые владели нашим духом, — представлялись нам не только не требующими раскаяния, но даже чем-то нас очищающим мученичеством, за которое многое нам простится» («Петрашевцы в воспоминаниях современников». М.—Л., 1926, стр. 9).

«Тяжелая, мучительная дума...». Впервые — ОЗ, 1869, № 2, стр. 404.

Слова для музыки («Я помню всё: и голос милый...»). Впервые — С. 98, стр. 153. Помещено П. В. Быковым в С, 1905, в отдел «Стихотворения 60-х годов».

«Иль те дни еще далеки...». Впервые — ОЗ, 1870, № 7, стр. 64. Автограф в так наз. «Книжке соусов» Плещеева — ЦГАЛИ. Здесь имеется запись неустановленного лица: «в августе 1867 года от А. Н. Плещеева, Гр. Данилевскому». Существует ничем не подтвержденное сообщение, что данное стихотворение распространялось «в начале 1860 г. в рукописных списках по России» («Известия», 1935, 29 августа). Однако все это не дает основания датировать стихотворение началом 1860 или 1867 г. Содержание стихотворения позволяет думать, что оно написано в связи с франко-прусской войной 1870 г., привлекавшей внимание радикально-демократической печати (на нее откликнулись Салтыков-Щедрин, Д. Минаев, Н. Демерт, Г. Елисеев и др.). На связь стихотворения Плещеева с этими событиями впервые указал И. Власов в статье «Некрасов и Парижская коммуна» (ЛН, тт. 49—50, М., 1949, стр. 398).

Ожидание. Впервые — оттиск без заглавного листа, СПб., 1870. В письме к Марко Вовчок от 27 ноября 1870 г. поэт сообщал, что послал в «Детское чтение» «целых семь песен». Среди них находилось «Ожидание», напечатанное в «Детском чтении», 1871, т. 5, № 1, стр. 1.

«Он в белом гробике своем...». Впервые — «Беседа», 1871, № 7, стр. 273, под заглавием «Вопрос». Печ. по С. 87, стр. 155.

«Блаженны вы, кому дано...». Впервые — «Беседа», 1871, № 7, стр. 5. Печ. по С. 87, стр. 156.

Весенней ночью. Впервые — «Беседа», 1871, № 7, стр. 275. Вошло в С. 87.

Тосты. Впервые — «Модный магазин», 1873, № 1, стр. 10. Предположительная дата устанавливается на основании письма Плещеева к Марко Вовчок от 15 января 1871 г.: «На днях был я на студентском обеде (12 января), — сообщал Плещеев, — но не на генеральском, а на том, где молодежь. Написались у меня на этот случай стихи, которые молодежь приняла с горячим сочувствием, и это сочувствие на несколько часов заставило меня самого помолодеть...» (ЛА, стр. 341). *Произнесть могли с поэтом* — т. е. с Пушкиным.

Весна («Уж тает снег, бегут ручьи...»). Впервые — СШ, 1872, № 3, стр. 255. Вошло в П. 78, С. 87. Положено на музыку В. И. Ребиковым, П. И. Чайковским.

Детство. Впервые — ОЗ, 1873, № 1, стр. 143. Вошло в П. 78, С. 87.

Зимний вечер. Впервые — СШ, 1872, № 2, стр. 113. В СШ Плещеев принимал очень близкое участие. В письме к И. З. Сурикову 1872 г. он писал: «Не найдется ли у вас каких-нибудь стихотворений, которые по содержанию своему могли быть напечатаны в журнале для детей, т. е. чтоб мотив был взят из природы или чтобы они были сказочного содержания, но с какой-нибудь мыслью, имеющей воспитательное значение. Я сотрудник двух очень хороших журналов в этом роде — «Семья и школа» и «Детское чтение». В «Семье и школе» вы можете прочитать в январской и февральской книжечках мои стихи, а также в февральской «Детского чтения». Не знаю, как они вам понравятся?» (ЛБ). Положено на музыку В. И. Ребиковым, П. И. Чайковским.

В бурю. Впервые — «Детское чтение», 1872, № 12, стр. 450. Отрывок со слов «Ах! уймись ты, буря!..» положен на музыку П. И. Чайковским.

Из жизни. Впервые — «Детский сад», 1873, т. 1, стр. 41, с общим заглавием «Житейское». Печ. по С. 87, стр. 194. 1-е стихотворение под заглавием «Возвращение из школы» — «Избранные стихотворения», М., 1893. 2-я часть («Дед, поднявшись спозаранку...») положена на музыку П. И. Чайковским.

Могила труженика. Впервые — ОЗ, 1873, № 11, стр. 143.

«Нет мне от лютого горя покоя...». Впервые — «Русские поэты в биографиях и образцах», СПб., 1873, стр. 576.

«Теплый день весенний...». Впервые — ОЗ, 1873, № 6, стр. 414.

На берегу. Впервые — СШ, 1874, № 11, стр. 383. Вошло в С. 87. Положено на музыку П. И. Чайковским.

Ночью («Жалобно ветер в трубе завывает...»). Впервые — «Складчина», СПб., 1874, стр. 337. Вошло в С. 87. Автограф — ПД.

Воспоминание. Впервые — «Пчела», 1876, 1 июня, стр. 242. *«Ада» сумрачным певцом.* «Ад» — первая часть «Божественной комедии» Данте. Последнее четверостишие — перефразировка Данте: «Нет больше горя, чем воспоминание о счастливом времени среди несчастья».

Завтра. Впервые — СШ, 1875, № 3, стр. 296. *Ларионов Иван Петрович* (1830—1889) — журналист, музыкальный критик, с которым был знаком Плещеев. Во время болезни Ларионова поэт хлопотал о выдаче ему пособия из Литературного фонда. После смерти

Ларионова Плещеев оказывал материальную помощь его дочери (переписка с нею хранится в ЦГАЛИ).

На даче. Впервые — СШ, 1875, № 5, стр. 667.

Старик («У лесной опушки домик небольшой...»). Впервые — СШ, 1877, № 3, стр. 342. Вошло в П. 78, С. 87.

«Я тихо шел по улице безлюдной...» Впервые — ОЗ, 1877, № 11, стр. 165. Видимо, стихотворение написано в память о знакомстве с Белинским в 1847 г. На это указывает не только дата (1877), но и описание квартиры Белинского на Лиговке, где последний жил в 1847 г.

Ненастье. Впервые — СШ, 1877, № 5, стр. 561.

«Расстался я с обманчивыми снами...». Впервые — «Слово», 1878, № 1, стр. 68. Вошло в С. 87.

Бабушка и внучек. Впервые — П. 78, стр. 1. Вошло в С. 87.

«Тебе обязан я спасеньем...». Впервые — А. Н. Плещеев. Стихотворения, «Библиотека поэта», Малая серия, Л., 1957, стр. 278. Автограф с датой «1879» — ЦГАЛИ.

Памяти Пушкина. Впервые — «Русская мысль», 1880, № 6, стр. 34. Печ. по С. 87, стр. 165. Эпиграфы — из стих. Пушкина «Вакхическая песнь», «К Чаадаеву». Прочитано поэтом на втором торжественном заседании Общества любителей российской словесности в пушкинские дни 1880 г. На торжествах выступили И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, В. О. Ключевский, М. Н. Катков и др. В борьбе, которая развернулась вокруг наследия Пушкина между различными литературно-политическими группировками, к Плещееву апеллировали как к человеку, который способен дать верную оценку событиям с позиций русской демократии.

«Огни погасли в доме...». Впервые — «Игрушечка», 1880, № 12, стр. 378. Положено на музыку В. И. Ребиковым.

Песня изгнанника. Впервые — «Игрушечка», 1880, № 48, стр. 1512.

«Бурлила мутная река...». Впервые — ОЗ, 1881, № 6, стр. 449. Вошло в С. 87.

«Без надежд и ожиданий...». Впервые — «Гусли», 1882, № 2, стр. 6. Печ. по автографу ГАГ. В автографе к ст. 8 варианты: «Не мирится с предрассудками и тьмой» и «Не мирится с важной

пошлостью и тьмой». 25 ноября 1881 г. Плещеев послал это стихотворение Н. Я. Николадзе, который просил его дать что-нибудь для журнала «Гусли», издававшегося в Тифлисе в 1881—1882 гг. Стихотворение появилось с большими цензурными пропусками и искажениями. В этом виде перепечатано в С, 1905 (ср.: «Письма русских литературно-общественных деятелей к Н. Я. Николадзе». Тбилиси, 1949, стр. 41, 98, 100). *Ваал* — см. стр. 370.

Из старых песен («Давно, давно мне перестал...»). Впервые — «Дело», 1881, № 10, стр. 116. Автограф — ЦГАЛИ.

«Ты жаждал правды, жаждал света...». Впервые — «Гусли», 1881, № 13, стр. 3. Написано в 20-ю годовщину смерти Добролюбова и, вероятно, посвящено ему. По цензурным условиям посвящение не могло быть указано. Об отношениях Добролюбова и Плещеева см. вступ. статью, стр. 26—28.

Памяти Н. А. Некрасова. Впервые — «Устои», 1882, № 2, стр. 138. Вошло в С. 87. Эпиграфы — из поэмы Некрасова «Тишина». В воспоминаниях В. И. Немировича-Данченко рассказывается об отношениях Некрасова и Плещеева: «Что за чудесный кружок собирался у Некрасова... Не могу не вспомнить и не помянуть добрым словом одного из благороднейших наших поэтов, Алексея Николаевича Плещеева. Передо мною до сих пор, точно вчера было, стоит этот друг Некрасова и его ближайший сотрудник по редакции...» (ЛН, т. 45. М., 1948, стр. 594). Плещеев очень сильно переживал смерть Некрасова. Сын его вспоминал: «...отец мой, горячо любивший Некрасова, сдерживал себя, но слезы струились из глаз» («Петербургская газета», 1907, 27 декабря).

Былое («Картины далекого детства...»). Впервые — «Родник», 1882, № 4, стр. 360. Печ. по С. 87, стр. 181.

Последняя среда. Впервые — С, 1905, стр. 583. Печ. по «Невскому альманаху», вып. 2, Пг., 1917, стр. 136. Автограф — ПД. Стихотворение посвящено *Вейнбергу* Петру Исаевичу (1831—1908) — поэту, историку литературы и переводчику, сотруднику передовых журналов, автору ряда политических стихотворений (см.: «Вольная русская поэзия второй половины XIX в.». Л., 1959, стр. 851). В 1882—1883 гг. у Вейнберга на литературных средах собирались многие писатели и художники. Поводом к написанию стихотворения послужила последняя среда — 18 апреля 1883 г., когда гости решили преподнести Вейнбергу альбом со своими фотографиями (см.: В. Острогорский. Страница из воспоминаний (А. Н. Плещеев). — «Русские ведомости», 1893, 10 ноября). В 1883 г. Вейнберг сделал доклад о поэзии Плещеева, получивший его одобрение. Плещеев принимал также участие в журнале «Век», который редактировал в 1861—1862 гг. Вейнберг. В 1880-х годах Плещеев весьма критически оценивал литературные позиции Вейнберга: «Вейнберг тоже, как и

В. Корш, — пишет он в 1883 г., — побаивается реалистов, могущих оскорбить целомудрие его „прекрасных читательниц“» (ЛА, стр. 375). Плещеев посвятил ему также стих. «Так тяжело, так горько мне и больно...». *Амфитрион* — радушный хозяин. *Майковский шаблон.* Плещеев имеет в виду характерные для поэта А. Н. Майкова торжественность тона речи, пристрастие к антологической лирике. *Григорович* Дмитрий Васильевич (1822—1899) — писатель. *Давыдов* Владимир Николаевич (псевдоним Ивана Николаевича Горелова, 1849—1925) — выдающийся актер, создатель образов Фамусова и Хлестакова и более 80 ролей в пьесах Островского. В архиве Плещеева сохранилось письмо Давыдова к нему от 1886 г. (?). *Дитятин-генерал.* Речь идет об актере и писателе Горбунове Иване Федоровиче (1831—1895). Дитятин-генерал — персонаж из рассказов Горбунова (см.: И. Ф. Горбунов. Сочинения, т. 3. СПб., 1907, стр. 77—78). *Острогорский* Виктор Петрович (1840—1902) — известный педагог и критик.

27-го сентября 1883 г. Впервые — ОЗ, 1883, № 10, стр. 565, с подзаголовком «Памяти Тургенева» и с другим эпиграфом из «Гамлета»: «Человек он был...». Печ. по С. 87, стр. 161. Автограф с датой: 26 сентября 1883 г. — ЦГАЛИ. Эпиграф — из «Гамлета» Шекспира (5-й акт, 2-я сцена). История создания этого стихотворения отражена в письме поэта к С. Я. Надсону от 1 сентября 1883 г.: «Если вы написали на смерть Тург<енева>, то отдайте в Отеч<ественные> Зап<иски>, но только спустя некоторое время; а то теперь Салтыков, пожалуй, «Грезы» отложит до октября. А он желал иметь стихи на смерть Тург<енева> и меня спрашивал, не напишу ли я. У меня тоже написалось нечто, но только с последней строфой я не совсем справился еще. Да и вообще я не совсем доволен этими стихами. Ваши будут, вероятно, лучше, а потому я свои спущу куда-нибудь в другое место, хоть в <Русскую> Мысль что ли, если вы только не отдадите туда, в последнем случае предложу Отечественным Запискам» (ЛА, стр. 394). Тургенев всегда принадлежал к числу писателей, которых Плещеев искренне уважал. Еще из Оренбурга он писал 10 апреля 1858 г. Достоевскому: «Две-три личности хотелось бы увидать, потому что привык любить их за сочинения. Тургенева, между прочим...» («Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования», стр. 439). Знакомство их состоялось во второй половине 1858 г. в Петербурге. Из путевого дневника Плещеева явствует, что в июне 1862 г. он навещал в Париже Тургенева (ЦГАЛИ). Сын поэта вспоминал, что Тургенев бывал в начале 70-х годов у его отца в Москве. Встречались они и позднее в Петербурге. Тургеневу Плещеев посвятил свой перевод «Работницы» Шевченко. В письмах Плещеев неоднократно положительно оценивает произведения Тургенева. Особый его интерес вызвал роман «Накануне», который он энергично защищал от нападок Достоевского («Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования», стр. 451—452, 453. Ср. «Шестидесятые годы», стр. 458). В своих «Литературных заметках», опубликованных без подписи («Московский вестник», 1860, № 10), Плещеев, предваряя статью Добролюбова,

дал близкий к нему анализ этого романа. Стихотворение было прочитано на похоронах Тургенева на Волковом кладбище в Петербурге 27 сентября 1883 г. Строфы 7 и 8 относятся к Белинскому. *И с кем желал ты рядом лечь.* Тургенев в завещании просил схоронить его рядом с Белинским. *Да, человек он был!* — слова Гамлета из 1-го акта трагедии Шекспира «Гамлет».

1-е января 1884 г. Впервые — «Еженедельное обозрение», 1884, № 3, стр. 78. Вошло в С. 87 под заглавием: «1 января 1886 г.».

«Как часто образ дорогой...». Впервые — «Театральный мирок», 1885, № 1, стр. 2.

Слова для музыки («Нам звезды кроткие сияли...»). Впервые — «Театральный мирок», 1884, № 34, стр. 1. *Островский* Петр Николаевич (1839—1906) — брат А. Н. Островского, редактор московской театральной газеты, близкий приятель Плещеева. Познакомившись с Островским в начале 60-х гг., Плещеев позднее привлек его к критической деятельности в журнале «Северный вестник». Стихотворение положено на музыку Вас. Калинниковым, П. И. Чайковским.

К портрету певицы. Впервые — «Театральный мирок», 1885, № 3, стр. 2. По просьбе поэта эти стихи в шутку подписаны инициалами его сына: А. А. П. *Ван-Зандт* Мария — оперная певица, выступавшая в 1885 г. на Мариинской сцене.

На закате («Среди гнетущих ум сомнений...»). Впервые — «Развлечение», 1884, юбилейный номер, без заглавия и с фиктивным подзаголовком «С немецкого». Печ. по С. 87, стр. 167. Здесь Плещеев поместил его среди оригинальных стихотворений. Посвящено *С. А. Пагануцци* — жене приятеля Плещеева.

В альбом Антону Рубинштейну. Впервые — «Нива», 1886, № 23, стр. 578. *Рубинштейн* Антон Григорьевич (1829—1894) — композитор и знаменитый пианист, педагог и дирижер. С ним Плещеев был связан по Артистическому кружку в Москве.

Елка. Впервые — С. 87, стр. 205.

На похоронах Всеволода Гаршина. Впервые — «Северный вестник», 1888, № 4, стр. I. Стихотворение написано 26 марта 1888 г., в день похорон Гаршина. Знакомство поэта с Гаршиным произошло, вероятно, в 1877 г., в редакции ОЗ, где появился первый рассказ молодого писателя. С этой поры началась их дружба. Плещеева потрясла гибель писателя. «А у нас после вашего отъезда, — писал он Чехову 30 марта 1888 г., — вот какая катастрофа произошла с бедным Всеволодом Гаршиным! Не могу сказать, до какой степени смерть его огорчила и поразила меня... Кто его знал,

не мог его не любить» (сб. «Слово». П. — М., 1914, стр. 242). Плещеев был устроителем вечера Литературного фонда и сб. «В память В. М. Гаршина». Ему принадлежит также некролог на смерть Гаршина («Северный вестник», 1888, № 4).

Антону Павловичу Чехову. Впервые — С. 98, стр. 184, с примечанием П. В. Быкова: «Это стихотворение не предназначалось поэтом для печати и было найдено в его бумагах». Автограф — ГПБ. Стихотворение написано по поводу пребывания в гостях у Чехова на даче «Лука» в Сумском уезде. Чехов писал Баранцевичу 25 апреля 1888 г.: «От 15 мая по 2—3 июня у меня будет гостить А. Н. Плещеев», а самому Плещееву в письме от 12 июня 1888 г.: «Большое и сердечное спасибо Вам за то, что побывали у меня, искренно Вам говорю, что 3 недели, проведенные мною на Луке в Вашем незаменимом обществе, составляют одну из лучших и интереснейших страничек моей биографии» (А. П. Чехов. Собр. соч., т. 11. М., 1956, стр. 224, 235). Знакомство Чехова с Плещеевым состоялось между 30 ноября и 14 декабря 1887 г., во время приезда Чехова в Петербург (см. «Чехов в воспоминаниях современников». М., 1952, стр. 112—113).

«Так тяжело, так горько мне и больно...». Впервые — «Театральная газета», 1893, 3 октября. Здесь опубликован беловой автограф Плещеева с припиской, обращенной к П. И. Вейнбергу: «Стихотворение это я печатать не хочу, но даю вам право напечатать его, как я умру; и надеюсь, что вы при этом скажете несколько теплых слов. А. П.». Автограф — ГБЛ. П. И. Вейнберг сообщал: «Это стихотворение было написано и тогда же отдано мне в 1888 или в 1889 г.» (ГБЛ). *Вейнберг* П. И. — см. примеч., стр. 392.

«Кто ты, красавица, с цветами полевыми...». Впервые — «В память С. А. Юрьева. Сборник, изданный друзьями покойного». М., 1891, стр. 160. С. А. Юрьев (1821—1888) — литературный и театральный деятель либерального направления, издатель-редактор «Беседы» (1871—1872) и «Русской мысли» (1880—1885).

«Это пламенное солнце...». Впервые — «Стихотворения А. Н. Плещеева». СПб., 1894, стр. 590.

«Как в дни ненастья солнца луч...». Впервые — «Стихотворения А. Н. Плещеева». СПб., 1894, стр. 591, под заглавием «Последнее стихотворение». Стихотворение не окончено.

Упрек. Впервые — С. 98, стр. 592. П. В. Быков в С. 1905 поместил в отделе «Стихотворения последнего периода (1870—1891)».

К стр. 271—272

ПЕРЕВОДЫ

С УКРАИНСКОГО

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

С Т. Г. Шевченко Плещеева связывали особые отношения. Их знакомство состоялось, по-видимому, осенью 1850 г. в Уральске, куда по этапу прибыл Шевченко («Збірник праць першої і другої наукових Шевченковських конференцій», Київ, 1954, стр. 120). Предположение некоторых литературоведов, что они познакомились в 1845 г., — маловероятно. В 1855 г. Шевченко писал Плещееву: «Каждую строчку, каждое слово Вашего письма я принимал как слово брата, как слово искренного друга... Прощайте, мой добрый, мой незабвенный друже...» (Т. Шевченко. Повне зібрання творів, т. 6, Київ, 1957, стр. 97). В свою очередь Плещеев, по свидетельству общих друзей, платил ему искренней дружбой. Эти связи окрепли и сохранились после отъезда обоих поэтов из Оренбурга, и в 1859—1860 гг. они несколько раз встречались в Москве и Петербурге. Плещеев высоко оценивал творчество Шевченко в специальной заметке в «Московском вестнике» (1860, № 13, стр. 208—210); здесь он опубликовал автобиографию Кобзаря. Плещеев перевел на русский язык 8 стихотворений Шевченко и поэму «Наймичка», и среди них важные в политическом отношении стихотворения («Сон» и др.).

Дума («Минають дні, минають ночі...»). Впервые — С, 1858, № 10, стр. 470, без заглавия. Печ. по С. 61, стр. 54. Вошло в С. 87. Перевод стихотворения сделан с рукописи до появления оригинала в печати.

Сон («На панщині пшеницю жала...»). Впервые — МВ, 1859, № 4—5, стр. 46, под заглавием «Жница», вместе со стих. «Проторила я дорожку...». Печ. по С. 61, стр. 53. Вошло в С. 87. Перевод стихотворения сделан также до появления оригинала в печати. Шевченко написал его 13 июля 1858 г. в Петербурге. Знаменательно, что тогда же это одно из острейших политических стихотворений Шевченко было переведено Плещеевым для журнала «Народное чтение». 11 ноября 1858 г. цензор В. Н. Бекетов направил в Главное управление цензуры этот перевод, характеризуя его как стихотворение, которое, изображая «свободное состояние крестьянина, парализует убеждение многих крестьян, что с изменением власти помещиков представится возможность ничего не делать и пользоваться чужою собственностью». В результате печатание «Сна» было запрешено (ЦГИАЛ). Плещеев провел стих. «Сон» через московскую цензуру, изменив заглавие и опустив две последние строки оригинала:

Остатню може бог поможе
Той сон твій справдиця.

Цензурное дело дает основание восстановить подлинное название перевода. Плещеев придавал большое значение этому переводу и

включил его в число трех стихотворений для издания в «Кобзаре», подготовлявшемся Н. В. Гербелем. «Если вы выберете «Жницу», — писал он Н. В. Гербелю, — то прошу вас третью строфу этого стихотворения напечатать так:

И снится ей, житьем довольный
Ее Иван — пригож, богат;
На вольной, кажется, женат, —
И потому, что сам уж вольный» (ГПБ).

ПЕСНИ

1. «И долину, и курганы...» («І широкую долину...»). Впервые — «Народное чтение», 1860, № 1, стр. 144. С изменениями — С. 61, стр. 55. Печ. по С. 87, стр. 530.

2. «Проторила я дорожку...» («Утоптала стежечку...»). Впервые — МВ, 1859, № 4—5, стр. 46. Вошло в С. 61, С. 87.

3. «Не вернулся из походу...». («Не вернувся із походу гусарик-москаль...»). Впервые — «Народное чтение», 1860, № 1, стр. 144. Печ. по С. 61, стр. 56. Вошло в С. 87.

4. «Хороша, богата...». (І багата я, і вродлива я...»). Впервые — там же, стр. 147. Печ. по С. 61, стр. 57. Вошло в С. 87.

5. «Полюбила я...» («Полюбилася я...»). Впервые — там же, стр. 147. Вошло в С. 61, С. 87. Положено на музыку С. В. Рахманиновым.

«В те дни, когда мы были казаками...» («Ще як були ми козаками...»). Впервые — С. 61, стр. 52. Вошло в С. 87. *«Te deum»* — первые слова католической молитвы «Тебя, бог, хвалим».

С ПОЛЬСКОГО

АНТОНИЙ СОВА (ЖЕЛИГОВСКИЙ)

Желиговский Эдвард (Антоний Сова, 1816—1864) — революционный польский поэт. В 1850 г. был арестован в Вильно за участие в революционном кружке и выслан в Петрозаводск, а затем в Оренбург, где служил в канцелярии губернатора. В Оренбурге сошелся с Сераковским, Плещеевым и другими ссыльными революционерами. В 1858 г. находился в Петербурге в одно время с Шевченко и Плещеевым.

Два слова («Dwa słowa»). Впервые — С. 58, стр. 27. Вошло в С. 61, С. 87. Из писем Шевченко явствует, что перевод этого

стихотворения предпринят по решению всего оренбургского кружка. В 1854 г. 6 июня Шевченко писал: «Мне особенно понравилось ... „Два слова“ и „Экспромт“», а несколько позже дал такую оценку переводу Плещеева: «„Два слова“ — эта идея так возвышенно-прекрасна и так просто высказана у Совы, что Плещеева перевод, хотя и передает идею верно, но хотелось бы изящнее стиха, хотелось бы, чтобы стих легче и глубже ложился в сердце, как это делается у Совы» (Т. Шевченко. Повне зібрання творів, т. 6, стр. 90).

ВЛАДИСЛАВ СЫРОКОМЛЯ

Сырокомля Владислав (Людвиг Кондратович, 1823—1862) — польский поэт-демократ. В своих произведениях Сырокомля рисовал тяжелое положение крестьянина. В 1860-е годы творчество Сырокомли особенно привлекало внимание демократической общественности России.

Птичка («Птичка божия проснулася с зарею...») («Oracz do skowronku»). Впервые — РВ, 1857, № 2, кн. 2, стр. 439, с заглавием «Подражание польскому» и посвящением М. Л. Михайлову. С изменениями — С. 58, стр. 30. Печ. по С. 61, стр. 108. Вошло в П. 78, С. 87. 28 декабря 1856 г. поэт писал Михайлову: «Я послал в «Вестник» четыре пьесы с польского. Одну вам посвятил, вы не рассердитесь» (ЦГАЛИ). Положено на музыку П. И. Чайковским.

Дума («Здесь дни мои текут спокойно...») («Duma»). Впервые — МВ, 1860, № 22, стр. 356.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОЭТЫ

Сельская песня («Если волов я не так запрягаю...») Впервые — С. 58, стр. 31, среди других переводов с польского, под заглавием: «Еще сельская песня». Печ. по С. 87, стр. 214. Вошло в С. 61, «Детскую книжку, составленную Плещеевым и Бергом» (СПб., 1861), П. 78.

СЕЛЬСКИЕ ПЕСНИ

1. «Травка зеленеет...». Впервые — РВ, 1858, № 12, кн. 2, стр. 618. Вошло в С. 58, С. 61, С. 87. Положено на музыку Р. М. Глиэром, Ц. А. Кюи, В. И. Ребиковым, П. И. Чайковским.

2. «Убравши головку цветами...». Впервые — «Сборник литературных статей, посвященных памяти Смирдина», т. 6, СПб., 1859, стр. 98. Печ. по С. 87, стр. 504.

3. «Тебе няньки песни пели...». Впервые — там же. Печ. по С. 87, стр. 504.

4. «Хоть бы песенку ты спела!..». Впервые — там же, стр. 99. Печ. по С. 87, стр. 505.

5. «Молодой стрелок идет дорогой...». Впервые — там же, стр. 100. Печ. по С. 87, стр. 506.

С ВЕНГЕРСКОГО

ШАНДОР ПЕТЕФИ

Петефи Шандор (1828—1849) — великий венгерский поэт. Стихотворения Петефи и Арани, вероятно, Плещеев переводил с немецких переводов.

«Степью иду я унылою...». Впервые — «Модный магазин», 1868, № 1, стр. 2. Печ. по С. 87, стр. 499.

«За мою доброту меня хвалишь всё ты...» («Dicsersz, kedves...»). Впервые — «Модный магазин», 1868, № 20, стр. 310. Печ. по С. 87, стр. 500.

ЯНОШ АРАНИ

Арани Янош (1817—1882) — венгерский поэт, участник революции 1848—1849 гг.

«Ах! Сколько, сколько пало их...» («Essünkle jusson, hol veszettel»). Впервые — «Отклик. Литературный сборник», СПб., 1882, стр. 319. Печ. по С. 87, стр. 225.

С НЕМЕЦКОГО

ГЕТЕ

Тишь на море. Впервые — С, 1844, № 12, стр. 371, с подписью: А. П — в. Перевод стих. из цикла «Kleine Gedichte» («Маленькие стихотворения»).

Молитва («О мой творец! О боже мой...»). Перевод стих. «Sieh mich, Heiliger, wie ich bin» из драмы «Erwin und Elmire». Впервые — С, 1845, № 4, стр. 115. С изменениями — С. 46, стр. 10. Печ. по С. 61, стр. 162. Положено на музыку Вас. Калинниковым, С. В. Рахманиновым.

ГЕЙНЕ

Г. Гейне был любимым поэтом Плещеева. К переводам Гейне он возвращался в течение всей своей жизни. Первые переводы публикуются им в 1845 г., последние — в конце 70-х годов. Всего им переведено 72 стихотворения и большая стихотворная драма «Вильям Ратклифф». В С. 46 Плещеев предпослал переводам из Гейне небольшое предисловие «Два слова к читателю»: «Переводя стихотворения из Гейне, я старался сделать из него выбор по возможности разнообразный, чтобы показать со всех сторон прихотливый и своенравный талант немецкого поэта. Гумор и мечтательность, грусть и насмешка, романтизм и действительность идут рука об руку. В Германии песни Гейне сделались народными; отзывы французской критики доставили им прочную известность во Франции. И у нас переведены некоторые пьесы Гейне, правда, весьма немногие, однообразные и оттого, может быть, не возбудившие в читателях сочувствия к поэту. Оценить предлагаемые переводы есть дело критики, но я осмеливаюсь взять на себя ответственность только за верность их подлиннику».

«Речная лилея, головку...» («Die schlanke Wasserlilie...»). Впервые — ВС, стр. 121. Вошло в С. 61, С. 87. Положено на музыку С. В. Рахманиновым.

«Вот снова незваная гостья...» («Was will die einsame Träne...»). Впервые — ВС, стр. 121. Вошло в С. 61, С. 87.

«Был старый король...» («Es war ein alter König...»). Впервые — ВС, стр. 121, с датой: 1845. Печ. по С. 46, стр. 69. Вошло в С. 61, С. 87. Положено на музыку Вас. Калинниковым, К. Ю. Давыдовым.

«Дитя! как цветок, ты прекрасна...» («Du bist wie eine Blume...). Впервые — ВС, стр. 123, с датой: 1845. Печ. по С. 46, стр. 59. Вошло в С. 61, С. 87. Положено на музыку С. В. Рахманиновым, П. Чесноковым.

«Скучно мне! И взор кидаю...» («Das Herz ist mir bedrückt und sehnlich...»). Впервые — С. 46, стр. 53. С изменениями — С. 61, стр. 181. Единственный из прижизненно опубликованных текстов, не включенный в С. 98. Восстановлен в С. 1905, цензурный пропуск восполнен в варианте, не совпадающем с вставкой в экземпляре П. А. Ефремова. Печ. по экземпляру Геннади С. 46, содержащему полный текст. Вошло в С. 61, С. 87.

«Возьми барабан и не бойся...» («Doktrin»). Впервые — С. 46, стр. 52. Под заглавием «Барабанщик» и с цензурным пропуском 2-й строфы — альм. «Красное яичко», СПб., 1848, стр. 297. Печ. по С. 58, стр. 97. Вошло в С. 61, С. 87.

«Ветер осенний колышет...» («Der Herbstwind rüttelt die Bäume...»). Впервые — С. 46, стр. 72. Вошло в С. 61, С. 87.

«Они меня много терзали...» (Sie haben mich gequälet...»). Впервые — БДЧ, 1846, № 4, стр. 107. Вошло в С. 61, С. 87.

«И смех, и песни, и солнца блеск!..» («Lebensfahrt»). Впервые — С. 58, стр. 85. Вошло в С. 61, С. 87.

Благотворитель («Philantrop»). Впервые — РВ, 1858, № 23, кн. 1, стр. 490. Вошло в С. 61, С. 87.

«Красавицу юноша любит...» («Ein Jüngling liebt ein Mädchen...»). Впервые — PC, 1859, № 5, стр. 28, в виде приложения к статье Ап. Григорьева «Г. Гейне», под общим названием «Песни Гейне» и посвящением И. В. Павлову. Вошло в С. 61, С. 87. Положено на музыку Сениловым.

«На станции встретились как-то...» («Als ich auf der Reise zufällig...»). Впервые — там же, стр. 34. Вошло в С. 61, С. 87.

«Собравшись за столиком чайным...» («Sie saßen und tranken am Teetisch...»). Впервые — там же, стр. 30. Вошло в С. 61, С. 87.

«О! не будь нетерпелива...» («Werdet nur nicht ungeduldig...»). Впервые — там же, стр. 31. Вошло с С. 61, С. 87.

Графиня Гудель фон Гудельфельд («Hoffart»). Впервые — БДЧ, 1859, № 9, стр. 53. Вошло в С. 61, С. 87.

Тамбурмажор («Der Tambourmajor»). Впервые — «Искра», 1859, № 45, стр. 466. Вошло в С. 61, С. 87. *Дни империи.* Речь идет об империи Наполеона. *Кернер* Карл Теодор (1791—1813) — немецкий поэт, националист, призывавший к борьбе против Франции.

Юдоль плача («Jammertal»). Впервые — С, 1864, № 3, стр. 271. Вошло в С. 87.

Политическому поэту («An einen politischen Dichter»). Впервые — ВЕ, 1870, № 4, стр. 727. Вошло в С. 61, С. 87. *Тиртей* — древнегреческий поэт (VII—VI в. до н. э.); создатель боевых песен.

«Вчера меня ласкало счастье...» («Das Glück, das gestern mich geküßt...»). Впервые — ВЕ, 1870, № 4, стр. 728. Вошло в С. 61, С. 87.

Разговор в дубраве («Gespräch auf der Paderborner Heide...»). Впервые — ОЗ, 1872, № 3, стр. 293. Вошло в С. 87.

«Спектакль окончен. Занавес спустили...» («Sie erlischt...»). Впервые — ОЗ, 1872, № 4, стр. 500. Вошло в С. 87.

«Как цветы, расцветают желанья...» («Die holden Wünsche blühen...»). Впервые — ОЗ, 1872, № 4, стр. 500. Вошло в С. 87.

«Пора оставить эту шутку...» («Nun ist es Zeit, daß ich mit Verstand...»). Впервые — ОЗ, 1874, № 8, стр. 436. Вошло в С. 87.

ФРИДРИХ ГЕББЕЛЬ

Геббель Христиан Фридрих (1813—1863) — один из крупнейших драматургов в немецкой литературе — выступал и в качестве прозаика и автора лирических стихотворений.

Сон («Das Grab»). Впервые — ОЗ, 1873, № 4, стр. 315. Вошло в С. 87. Положено на музыку С. М. Ляпуновым.

Ребенок («Das Kind»). Впервые — ОЗ, 1873, № 2, стр. 444. Вошло в С. 87. Положено на музыку Э. Ф. Направником.

ФЕРДИНАНД ФРЕЙЛИГРАТ

Фрейлиграт Фердинанд (1810—1876) — видный революционно-демократический поэт Германии, певец революции 1848 г., друг К. Маркса. Социальные и революционные мотивы его поэзии привлекали внимание передовых русских людей.

«Люби, пока любить ты можешь...» («O! lieb, solang du lieben kannst»). Впервые — РВ, 1858, № 18, кн. 2, стр. 414. Вошло в С. 61, С. 87.

РОБЕРТ ГАМЕРЛИНГ

Гамерлинг Роберт (1830—1889) — австрийский поэт и драматург, выразивший пессимистические и оппозиционные настроения интеллигенции в годы упадка общественного движения в Германии после революции 1848 г.

«И вот опять увидел я леса...» («Aus den Streckversen eines Waldwanderers»). Впервые — ОЗ, 1872, № 11, стр. 104. Вошло в С. 87.

Ослепленная птичка («Der geblendete Vogel»). Впервые — ОЗ, 1873, № 7, стр. 78, с подзаголовком «Из стихотворений

Гамерлинга „Sinnen und Minnen"». Вошло в П. 78, С. 87. «Sinnen und Minnen» — сборник стихов Гамерлинга, вышедший в 1860 г. и затем неоднократно переиздававшийся.

МОРИЦ ГАРТМАН

Гартман Мориц (1821—1872) — видный представитель буржуазно-демократической немецкой литературы, поэт и политический деятель, участник революции 1848 г., переводчик Петефи и Тургенева. А. Н. Плещеев переводил Гартмана по инициативе М. Л. Михайлова. В конце 1860 г. он, отправляя Михайлову свою книгу стихов, писал: «Возвращаю вам взятую у вас книжечку Гартмана; в ней столько хороших вещей, что я сам наметил перевести ее. Но я еще ничего пока не перевел из нее...» (ЦГАЛИ). Здесь идет речь о сборнике Гартмана «Zeitlosen» (1860). В своей рецензии Михайлов так оценил переводы Плещеева: «То, что перевел из него г. Плещеев... очень удалось, но только за исключением несколько темной и странной датской баллады про короля Альфреда. У Гартмана вы редко встретите что-нибудь сочиненное, насильно придуманное... Все у него прочувствовано, всюду слышен голос человека, глубоко проникнутого убеждением...» (С, 1861, № 3, отд. II, стр. 99).

«К а п л я д о ж д е в а я...» («Die Regentropfen»). Впервые — МВ, 1860, № 4, стр. 61. Вошло в С. 61, С. 87. Автограф с заголовком «Дождевые капли» и датой: «23 декабря 1860. С.-Петербург» — ЦГАЛИ.

Н а м о т и в б о л г а р с к о й п е с н и («Ich hab' in eine Blume geschaut...»). Впервые — там же. Вошло в С. 61, С. 87.

М а н н в е л ь т о в а н е д е л я («Herrn Mannwelts Woche»). Впервые — С, 1860, № 9, стр. 305. Вошло в С. 61, С. 87.

М о л ч а н и е («Schweigen»). Впервые — «Время», 1861, № 2, стр. 410. Вошло в НС, С. 87. Положено на музыку П. И. Чайковским.

П о д а р к и («Gastgeschenke»). Впервые — PC, 1863, № 1, стр. 40. Вошло в С. 87.

«С т а л о м н е в д о м е и с к у ч н о и т е с н о...» (Hinaus»). Впервые — PC, 1864, № 2, стр. 34. Вошло в С. 87.

Ц в е т ы («Erkenntnis»). Впервые — «Складчина. Литературный сборник», СПб., 1874, стр. 331, с подзаголовком «На мотив Гартмана». Вошло в С. 87. Автограф — ПД.

НИКОЛАУС ЛЕНАУ

Ленау Николаус — псевдоним австрийского поэта Николауса Франца фон Штреленау (1802—1850).

Весенний привет («Frühlingsgrüße»). Впервые — «Время», 1861, № 2, стр. 475. Вошло в С. 87.

«Тяжелые, черные тучи...» («Der schwere Abend...»). Впервые — «Век», 1861, № 14, стр. 488. Датируется письмом Плещеева Михайлову от 10 апреля 1861 г., в котором он сообщал, что отправил перевод вместе с переводами из Прутца и Гервега, напечатанными «тотчас же» (ЛА, стр. 248); опубликованы в январе 1861 г.

РОБЕРТ ПРУТЦ

Прутц Роберт (1816—1872) — немецкий поэт и драматург, участник революции 1848 г.

После бури. Впервые — «Век», 1861, № 5, стр. 169, без заглавия. Печ. по С. 87, стр. 368.

«Смотрел ли ты на Альпы в час заката?..». Вольный перевод сонета «Hast du die Alpen im Abendrot gesehen...». Впервые — ОЗ, 1872, № 8, стр. 478. Вошло в С. 87.

АНАСТАСИЙ ГРЮН

Грюн Анастасий — псевдоним австрийского поэта Антона Александра фон Ауэршперта (1806—1876).

Старый комедиант («Der alte Komödiant»). Впервые — С, 1859, № 4, стр. 320. С изменениями — С. 61, стр. 74. Вошло в П. 78, С. 87.

ИОЗЕФ ЭЙХЕНДОРФ

Эйхендорф Иозеф (1788—1857) — немецкий романтический поэт и прозаик.

«Ах, не та уж эта липа...» («Vorbei»). Впервые — МВ, 1859, № 47, стр. 584. Вошло в С. 61, С. 87.

Лунная ночь («Mondnacht»). Впервые — «Время», 1861, № 4, стр. 520. Вошло в НС, С. 87. По поводу этого перевода Плещеев писал Михайлову, что не отправил в С «две пьесы из Эйхендорфа», ибо они «не подходят под известные требования Современника» (ЛА, стр. 247).

Зимний сон («Nachklänge»). Впервые — «Время», 1861, № 4, стр. 521. Вошло в П. 78, С. 87.

Ночные голоса («Stimmen der Nacht»). Впервые — «День», 1862, 18 мая. Вошло в С. 87. Положено на музыку А. Т. Гречаниновым.

ФРИДРИХ БОДЕНШТЕДТ

Боденштедт Фридрих (1819—1892) — немецкий поэт, ученый-славист и переводчик. Боденштедт много переводил русских писателей (Лермонтова, Тургенева, Пушкина).

«Пронзительно ветер ночной завывал...» («Meerfahrt»). Впервые — «Немецкие поэты в биографиях и образцах в переводе русских писателей», СПб., 1877, стр 617. Вошло в С. 87.

АДОЛЬФ ШУЛЬТС

Шультс Адольф (1820—1858) — немецкий поэт-романтик.

ИЗ ПЕСЕН О ПРИРОДЕ

1. «Деревья весело шумели...» («Die Tanne»). Впервые — ВЕ, 1871, № 3, стр. 208. Печ. по С. 87, стр. 390.

2. «На волны небо грустное смотрело...» («See und Himmel»). Впервые — там же, стр. 208. Печ. по С. 87, стр. 391.

3. «Когда умру я, схороните...» («Und soll ich einst begraben sein...»). Впервые — там же, стр. 209. Печ. по С. 87, стр. 391.

4. «Скажи, фиалка, отчего...» («Ein Veilchen, liebes Veilchen...»). Впервые — СШ, 1872, № 4, стр. 458, под заглавием «Ранний цветок». Печ. по С. 87, стр. 391. Положено на музыку Ц. А. Кюи.

ФРИДРИХ РЮККЕРТ

Рюккерт Фридрих (1788—1866) — немецкий философ, ориенталист, поэт-романтик.

«Тени гор высоких...» («Abendlied des Wanderers»). Впервые — С, 1844, № 3, стр. 352, под заглавием: «Песня странника (из Рюккерта)». Печ. по С. 46, стр. 78. Вошло в С. 58, С. 87. Из Рюккерта Плещеев взял эпиграф к стих. «Безотчетная грусть». Переведенное стихотворение Рюккерта перекликается с распространенным в поэзии петрашевцев мотивом странника, символизирующе-

го страдный путь борца против социального гнета. Именно этим объясняется интерес Плещеева к стихотворению Рюккерта. Ср. стих. А. Пальма «Напутное желание» (1844), Баласогло «Раздел» (1838), Дурова «Странник» (1847), Плещеева «Странник» (1845) и «Странник» (1858), Михайлова «Путник» (1847), «Странник» (1851) и др. Положено на музыку М. П. Мусоргским.

С АНГЛИЙСКОГО

ДЖОРДЖ БАЙРОН

«Когда я прижимал тебя к груди своей...» («To D. In thee I fondly hoped to clasp...»). Впервые — С. 46, стр. 80, под заглавием «Подражание Байрону». Печ. по С. 87, стр. 458.

Well, thou art happy. Впервые — BE, 1871, № 5, стр. 5. Печ. по С. 87, стр. 356, где первая строка оригинала взята в качестве заглавия.

ЕВРЕЙСКИЕ МЕЛОДИИ

1. «У вод вавилонских, печалью томимы...» («By the rivers of Babylon we sat down and wept...»). Впервые — BE, 1871, № 5, стр. 6. Вошло в С. 87.

2. «Ты кончил жизни путь, герой!..» («Thy days are done...»). Впервые — там же. Вошло в С. 87.

3. The wild gazelle. Впервые — ОЗ, 1872, № 8, стр. 477. Вошло в С. 87.

When all around grew drear and dark... («Когда был страшный мрак кругом...»). Впервые — ОЗ, 1873, № 1, стр. 39. Вошло в С. 87.

АЛЬФРЕД ТЕННИСОН

Теннисон Альфред (1809—1892) — английский поэт, эпигон романтизма, с 1850 г. придворный поэт.

Погребальная песня («A dirge»). Впервые — «Время», 1861, № 8, стр. 516. Печ. по С. 87, стр. 222.

Леди Клара Вер-де-Вер («Lady Clara Ver-de-Ver»). Впервые — PC, 1864, № 2, стр. 159. Печ. по С. 87, стр. 435.

РОБЕРТ СОУТИ

Соути Роберт (1774—1843) — английский поэт-романтик.

Жалобы бедняков («Complaints of the Poor»). Впервые — «Беседа», 1871, № 3, стр. 82. Вошло в С. 87.

Бленгеймский бой («The battle of Blenheim»). Впервые — ВЕ, 1871, № 4, стр. 661. Вошло в С. 87. *Бленгейм* — деревня на Дунае, где в 1704 г. англо-австрийские войска одержали победу над французами и баварцами.

ТОМАС МУР

Мур Томас (1779—1852) — ирландский романтический поэт. Обличитель деспотизма, реакции и певец ирландского национально-освободительного движения, он приобрел известность сборником «Ирландские мелодии» (1807). Этот сборник привлек внимание Плещеева темой страданий родины и народа и прославлением героев освободительного движения. В свое время «Ирландские мелодии» получили высокую оценку декабристов.

ИЗ ИРЛАНДСКИХ МЕЛОДИЙ

1. Не называйте его («Oh! breathe not his name»). Впервые — ОЗ, 1875, № 6, стр. 367. Вошло в С. 87 с примечанием Плещеева: «Стихотворение это посвящено памяти ирландского патриота Роберта Эмме (Robert Emmet), личного друга автора, казненного англичанами в 1798 г. почти в юношеском возрасте».

2. Вперед («Sail on! Sail on!»). Впервые — там же. Вошло в С. 87.

3. Ко мне иди («Oh! banquet not in those shining bowers»). Впервые — там же.

4. Сын менестреля («The Minstrel-Boy»). Впервые — «Пчела», 1875, № 37, стр. 444. Вошло в С. 87.

5. «Я видел, как розовым утром качался...» («I saw from the beach»). Впервые — «Северный вестник», 1885, № 1, стр. 95. Вошло в С. 87.

6. «Как солнце золотит поверхность тихих вод...» («As a beam o'er the face the waters may glow»). Впервые — «Северный вестник», 1888, № 2, стр. 50.

ВИЛЬЯМ МОТЕРВЕЛЛЬ

Мотервелль Вильям (1797—1835) — шотландский поэт. В С. 87 стихотворения Мотервелля и Николля входят в особый раздел «Из шотландских поэтов» (вместе со стихами В. Андерсона и Э. Парка). К этому отделу Плещеев поместил следующее разъяснение: «Бернс еще при жизни своей породил множество подражателей, но большая часть их далеко уступает в достоинстве своему оригиналу. Исключение остается за весьма немногими именами, к которым нужно отнести в особенности имена Вильяма Мотервелля (Motherwell, ум. в 1835) и Роберта Николля (ум. в 1838) — двух шотландских поэтов, обладавших истинным талантом и успевших приобрести значительную известность в Англии. . .»

В последний раз. Впервые — С, 1861, № 7, стр. 207, в цикле стихов под заглавием: «Стихотворения шотландских поэтов». Вошло в С. 87.

РОБЕРТ НИКОЛЛЬ

Николль Роберт (1814—1837) — шотландский поэт, издавший в 1835 г. сб. «Поэмы». В 1844 г. вышло посмертное издание его стихотворений.

Все люди — братья. Впервые — С, 1861, № 7, стр. 209, в том же цикле «Стихотворения шотландских поэтов». Вошло в С. 87.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОЭТЫ

Жалоба ирландского выходца. Впервые — «Дело», 1867, № 6, стр. 253. Вошло в С. 87.

Поиски. Впервые — ОЗ, 1873, № 7, стр. 105. Вошло в С. 87.

Легенда. Впервые — СШ, 1877, № 4, стр. 536, с подзаголовком «С английского». Вошло в С. 87. Положено на музыку В. И. Ребиковым, П. И. Чайковским.

Джони Фа. Впервые — «Живописное обозрение», 1881, № 40, стр. 262.

С ФРАНЦУЗСКОГО

АНРИ БЛАЗ

Блаз Франсуа-Анри (1784—1857) — композитор, историк музыки и либреттист.

«На небо взглянул я, и тучи...». Впервые — РП, 1845, № 10, стр. 143.

ВИКТОР ГЮГО

Песня («Поля цветами запестрели...») («Chanson. — Proscrit, regarde les roses...»). Впервые — ОЗ, 1881, № 9, стр. 224. Вошло в С. 87.

МАРК МОНЬЕ

Монье Марк (1824—1885) — французский поэт и драматург.

«В церкви я стоял и слушал...». Перевод стих. «Dans une église» из сб. «Poésies de M. Monnier. Amoureuses, Campagnardes». Впервые — ОЗ, 1872, № 10, стр. 505. Вошло с С. 87.

ЛУИ РАТИСБОНН

Ратисбонн Луи (1827—1900) — французский детский писатель, автор «Детской комедии» (1860), сборника нравоучительных стихотворений и басен, из которого переведено следующее стихотворение.

Цветок («Весело цветики в поле пестреют...»). Вольный перевод стих. «La fleur». Впервые — 1872, № 1, стр. 1. Вошло в П. 78 с подзаголовком «На мотив из Луи Ратисбонна»; С. 87. Положено на музыку Р. М. Глиэром, П. И. Чайковским.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Вопрос («Ужели смерть есть цель? Зачем же путь земной...»). Впервые — РВ, 1856, № 24, кн. 2, стр. 647. Печ. по С. 87, стр. 498. Вошло в С. 58, С. 61. В РВ, С. 58, С. 61 в качестве оригинального стихотворения. В С. 87 — в отделе переводов «С французского» без указания автора оригинала. Скорее всего стихотворение является оригинальным или представляет собой свободную переработку неизвестного источника (подлинник установить не удалось). Автограф с датой: «10 декабря 1873 г. Петерб<ург>» — ГПБ.

ИЗ ДАТСКИХ ПОЭТОВ

ГАНС АНДЕРСЕН

Андерсен Ханс Кристиан (1805—1875), датский сказочник.

Мать и сын. Впервые — «Дело», 1868, № 1, стр. 177. Перевод, очевидно, с немецкого перевода: «Der Knabe und die Mutter auf der Heide».

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* А. Н. Плещеев. Фотография начала 1860-х годов. Литературный музей Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Ленинград.

2. *Стр. 81.* Автограф 1880 г. стихотворения «Вперед! без страха и сомненья...» в книге автографов М. И. Семевского «Знакомые». Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Ленинград.

3. *Стр. 107.* Автограф стихотворения А. Н. Плещеева «Тобой лишь ясны дни мои...». Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Ленинград.

4. *Между стр. 160 и 161.* А. Н. Плещеев. Фотография конца 1850 — начала 1860-х годов. Литературный музей Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Ленинград.

5. *Между стр. 256 и 257.* А. Н. Плещеев. Фотография 30 сентября 1891 г. Баден-Баден. Литературный музей Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Ленинград.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ[1]

---

[1] Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечаний.

ПЕРЕВОДЫ

С УКРАИНСКОГО

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

С ПОЛЬСКОГО

АНТОНИЙ СОВА
(Желиговский)

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОЭТЫ

С ВЕНГЕРСКОГО

ШАНДОР ПЕТЕФИ

ЯНОШ АРАНИ

С НЕМЕЦКОГО

ГЕТЕ

ГЕЙНЕ

ФРИДРИХ ГЕББЕЛЬ

ФЕРДИНАНД ФРЕЙЛИГРАТ

РОБЕРТ ГАМЕРЛИНГ

МОРИЦ ГАРТМАН

НИКОЛАУС ЛЕНАУ

РОБЕРТ ПРУТЦ

АНАСТАСИЙ ГРЮН

ИОЗЕФ ЭЙХЕНДОРФ

РОБЕРТ НИКОЛЛЬ

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОЭТЫ

С ФРАНЦУЗСКОГО

АНРИ БЛАЗ

ВИКТОР ГЮГО

МАРК МОНЬЕ

ЛУИ РАТИСБОНН

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

ИЗ ДАТСКИХ ПОЭТОВ

ГАНС АНДЕРСЕН

Плещеев Алексей Николаевич

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Редактор *Л. А. Николаева*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *М. А. Ульянова*
Корректор *А. Г. Рабинова*

Сдано в набор 15/V 1964 г. Подписано в печать 16/IX 1964 г. Бумага 84×108[1]/32. Печ. л. 13[1]/2 + 3 вкл. (22,45). Уч.-изд. л. 20,58. Тираж 25 000 экз. Заказ № 852. Цена 79 коп.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение,
Ленинград, Невский пр., 28.

Ленинградская тип. № 5
Главполиграфпрома
Государственного комитета
Совета Министров СССР по печати
Красная ул., 1/3

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
54	18 св.	Sehen	Sehnen
65	2 св.	donc se	donc ce
79	5 св.	inventu	inventa
148	10 сн.	забвеньи	забвенье
190	7 сн.	И всех	Их всех
194	16 сн.	Всё, что искренно любил?	Все, что искренно любил,
225	6 сн.	росказни	россказни
304	7 св.	Как умно мое сердце что кровью	Как умно мое сердце, что кровью
426	Между 2 и 3 сн.	—	Владислав Сырокомля

А. Н. Плещеев. Полное собрание стихотворений

